

лауреат Букеровской премии

ЛУННАЯ ВЕДЬМА КОРОЛЬ- ПАУК

МАРЛОН
ДЖЕЙМС

18+

fanzon

Трилогия Темной Звезды

Marlon James

Лунная Ведьма, Король-Паук

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(729.2)

ББК 84(7Яма)-44

James M.

Лунная Ведьма, Король-Паук / М. James — «Эксмо»,
2022 — (Трилогия Темной Звезды)

ISBN 978-5-04-185948-0

Финалист премии Dragon Award. Бестселлер по версии The New York Times. Лучшая книга года по версии NPR. Лучшее фэнтези по версии редакции Amazon.com Продолжение романа-финалиста Национальной книжной премии «Черный Леопард, Рыжий Волк». История столетней вражды Лунной Ведьмы Соголон и канцлера Аеси, увиденная глазами 177-летней чародейки. Говорят, что Аеси так тесно связан с Королем, что вместе они подобны пауку с восемью конечностями. Власть Аеси сильна и смертоносна. Чтобы бросить ему вызов, нужны не только храбрость и хитрость. И у Лунной Ведьмы есть на то свои причины. «Беовульф, подвинься!» — The Washington Post «Фэнтезийный мир, который реализован настолько хорошо, будто создан Толкином». — Нил Гейман «Африка, рожденная в воображении сочинителя, с неотъемлемым эхом Толкина, Джорджа Мартина и Черной Пантеры». — Салман Рушди «Литературный аналог Вселенной Марвел». — Митико Какутани «Редкое продолжение, которое лучше своего предшественника. Захватывающая книга, она является как самостоятельной, так и сиквелом. Не совершите ошибку, этот цикл обязательно нужно прочитать». — NPR «Марлон Джеймс находит красоту в мрачных образах, даря читателям мистический мир, вдохновленный Африкой. В нем все столь тщательно продуманно и детализовано, словно у Дж. Р. Р. Толкина». — Los Angeles Times «Впечатляюще живой роман. Фильмы Квентина Тарантино по сравнению с хореографией боевых сцен у Джеймса выглядят сонными. Добавьте также дьявольски изобретательный каталог существ, ползающих по потолкам, выпрыгивающих из-за деревьев и даже проникающих через порталы четвертого измерения, чтобы страницы вскипели от ужаса». — The Washington Times «Воображение у Марлона Джеймса необъятное и буйное, а многочисленные сцены сражений живые и заставляют сердце замереть. Но что осталось со мной, так это его более тонкие наблюдения за состоянием человека. Лунная Ведьма осветила мой

путь и показала мне, как женщина может ориентироваться в этом опасном, замечательном мире. Когда я дочитала последнюю страницу "Лунной Ведьмы, Короля-Паука", я нашла свой экземпляр "Черного Леопарда, Рыжего Волка" и начала читать с самого начала». — The New York Times Book Review «Марлон Джеймс настолько до свирепости мощный и динамичный рассказчик, что нет времени беспокоиться о всей грандиозной схеме сюжета. Вдохновленные народным стилем письма, смоделированным по устной традиции африканских гриотов, сцены непристойные, декламационные и быстро переходящие в конфронтацию. События до такой степени безумны и закручены, что становятся почти галлюцинациями. Именно невероятные страсти этой трилогии, а не какая-либо очевидная цель повествования, делают ее такой захватывающей». — The Wall Street Journal «Это работа, которая одновременно соответствует стандарту иммерсивного построения мира в книгах Толкина и Мартина и приносит в жанр голос, не похожий ни на что ранее существующее. Если Джеймсу удалось поразить воображение читателей "Черным Леопардом, Рыжим Волком", то эта вторая книга, она темнее, длиннее и лучше. Книга настраивает читателей на то, что, несомненно, станет превосходным финалом цикла». — The Boston Globe «Из более чем 1200 страниц цикла Джеймса ясно одно: "Лунная Ведьма, Король-Паук" даже лучше, чем "Черный Леопард, Рыжий Волк". Вы можете сначала прочитать "Лунную Ведьму" ничего не пропустив; это даже лучшее введение в мир Джеймса». — AV Club «Средневековый праздник ослепительной фантазии. Это вульгарно и жизнерадостно, масштабно и жестоко. Когда я прочитал "Черного Леопарда", я понял, что читаю цикл, меняющий жанр. После прочтения "Лунной Ведьмы" я по-прежнему убежден, что Джеймс перестраивает жанр фэнтези». — Minneapolis Star-Tribune «Прекрасный роман с хорошо развитыми персонажами, вовлеченными в очень реальную и ужасающую борьбу не только за свои жизни, но и против жизненного цикла, который повторяется из поколения в поколение». — San Francisco Chronicle «Мастерски переворачивает первую книгу с ног на голову... Джеймс делает мифическое мучительно реальным». — Esquire «Еще круче первого романа». — BuzzFeed

УДК 821.111-312.9(729.2)

ББК 84(7Яма)-44

ISBN 978-5-04-185948-0

© James M., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1. Женщина без имени	18
Один	18
Два	29
Три	44
Четыре	58
Пять	76
Шесть	85
Семь	102
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Марлон Джеймс Лунная Ведьма, Король-Паук

Посвящается Ширли

Marlon James

MOON WITCH, SPIDER KING

Copyright © 2022 by Marlon James. This edition is published by arrangement with Trident Media Group, LLC and The Van Lear Agency LLC

© Шабрин А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

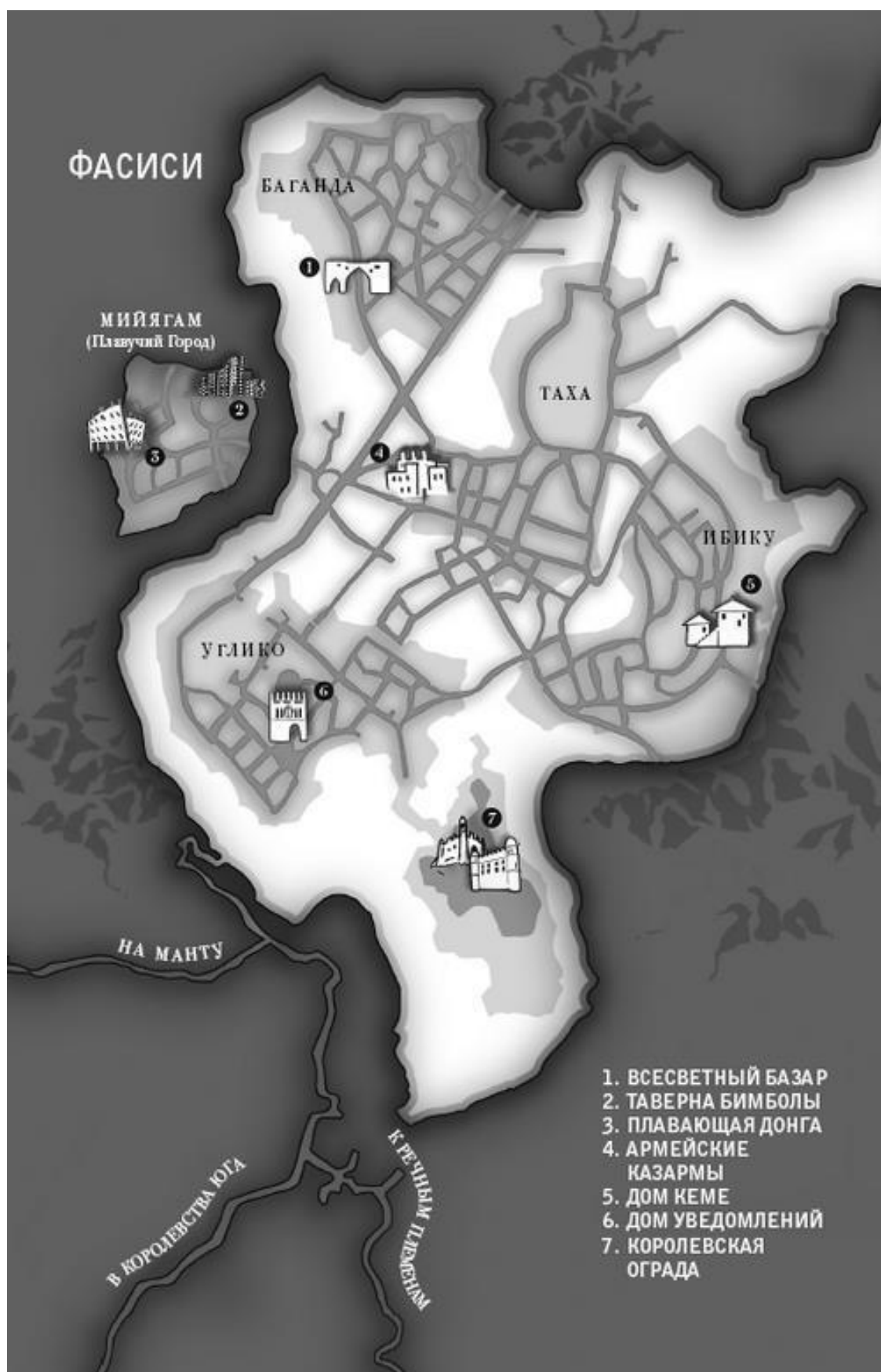

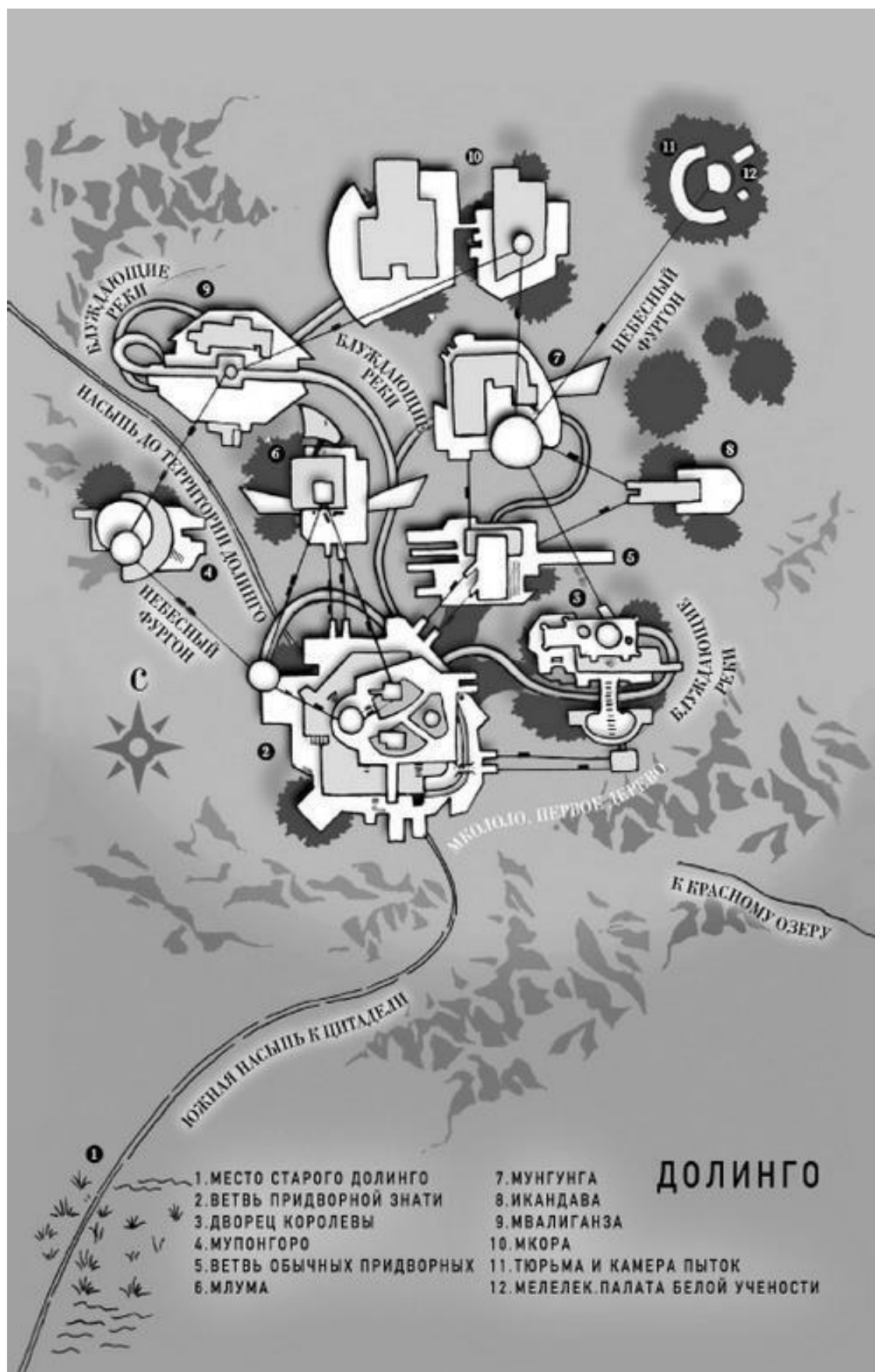

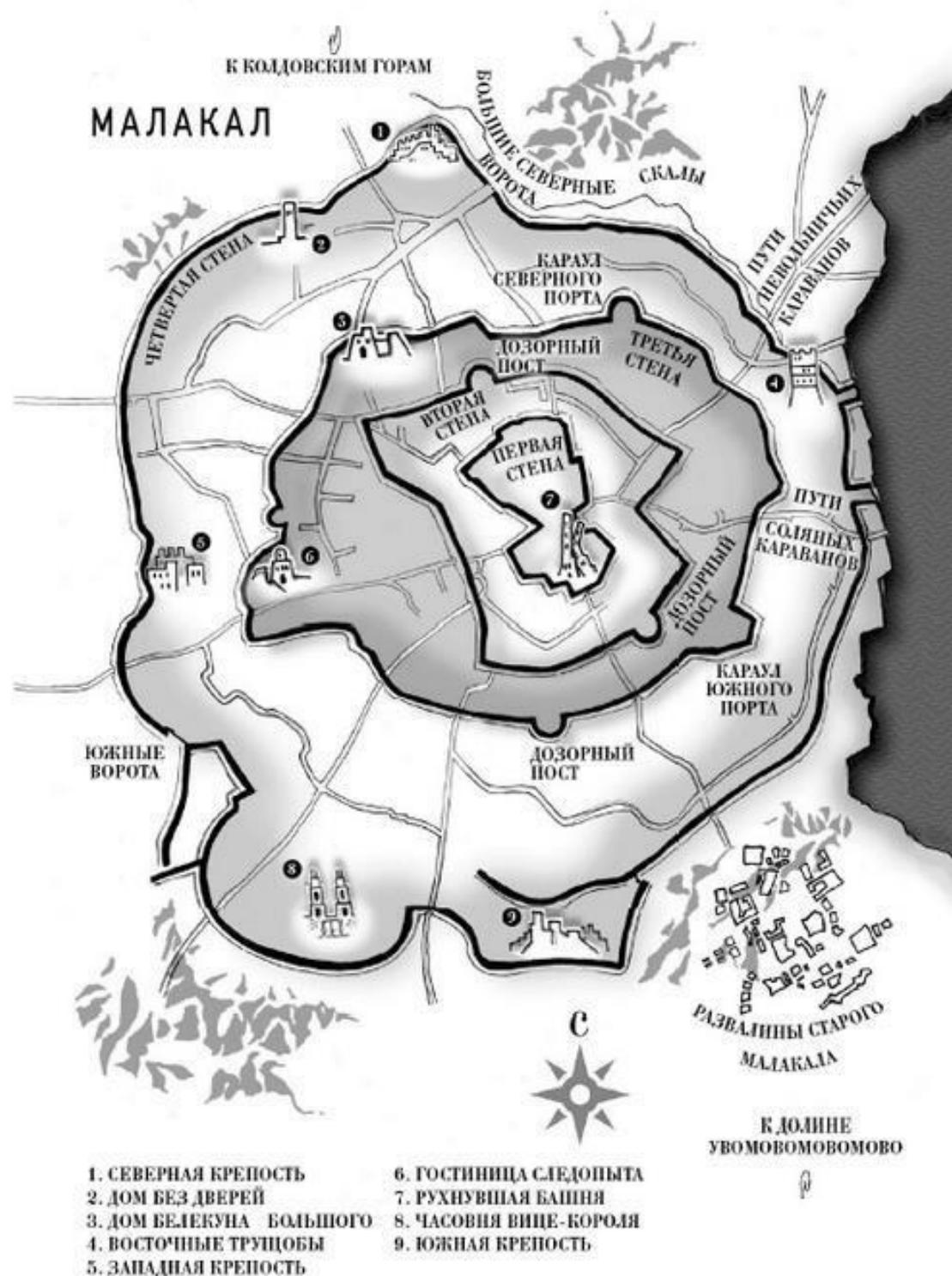
КОНГОР

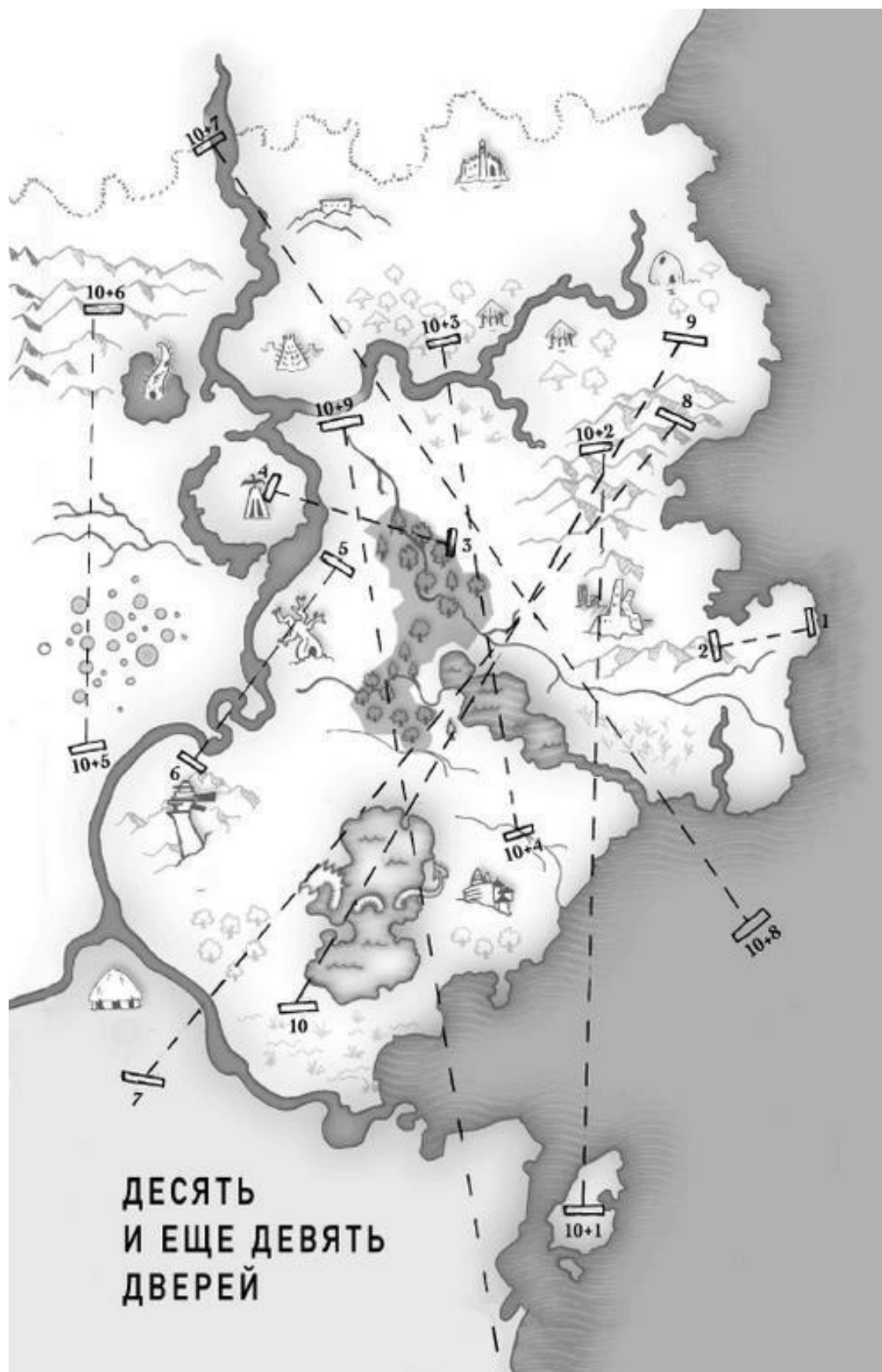
1. ДОМ ТОВАРОВ И УСЛУГ ДЛЯ УДОВОЛЬСТВИЯ МИСС УАДАДА
2. ДОМ БАСУ ФУМАНГУРУ
3. ПЕРЕУЛОК КУПЦОВ БЛАГОВОНИЙ
4. БАШНЯ ЧЕРНОГО ЯСТРЕБА
5. ДОМ СТАРОГО ЛОРДА
6. КОНГОРСКАЯ КОМЕНДАТУРА
7. БОЛЬШАЯ АРХИВНАЯ ПАЛАТА
8. ТОНУЩИЙ СТАРЫЙ ДОМ
9. КАНАЛ НИМБЕ

**В ЭТОМ ПОВЕСТВОВАНИИ УПОМИНАЮТСЯ:
МИТУ И КОНГОР**

Соголон, именуемая также **Запретной Лилией** и **Лунной Ведьмой**
Ее отец
Старший брат
Средний брат
Младший брат
Женщина-Питон
Мисс Азора – хозяйка дома товаров и услуг для удовольствия
Янья – одна из ее шлюх
Динти – еще одна
Госпожа Комвоно – знатная особа
Господин Комвоно – ее муж
Дама госпожа Моронго — ее сестра
Укундунка — чудовище, привязанное к талисману
Кухарка — известна как Кухарка
Наниль — рабыня
Кеме — королевский разведчик, маршал Красного воинства Фасиси
Вангечи — жена Басу Фумангуру
Милиту — тоже его жена
Омолузу — демоны-тени, гуляющие по крышам
Мосси Азарский — третий префект Конгорского комендантского войска
Мэйюанские ведьмы — мерзостные порождения, прозванные духами грязи

ФАСИСИ
Йетунде — жена Кеме
Кеме — сын
Серва — дочь
Аба — дочь
Лурум — сын
Эхеде — сын
Матиша — дочь
Ндамби — дочь
Берему — лев
Макайя — еще один лев
Статс-дама госпожа Дунгуру — придворная королевского дома Фасиси
Госпожа Каабу — придворная
Лорд Каабу — ее муж, тоже придворный
Сангомины — ученики Сангомы, секты некромантов и охотников за ведьмами
Кваш Кагар — король всего Севера и отец принца Ликуда, Дом Акумов
Королева Вуту — его вторая жена
Йелеза – его сестра
Локжи — его сестра
Кваш Моки — сын Кваша Кагара, ранее принц Ликуд
Адуке – его сын-близнец, позднее Кваш Лионго
Абеке — его сын-близнец
Эмини — принцесса, его сестра
Мажози — принц-консорт, ее муж
Кваш Адуваре — сын Лионго
Кваш Нету — сын Адуваре
Кваш Дара — сын Нету

Окьеаме — посланцы-вещатели Короля
Аеси — канцлер при Короле
Алайя — южанин-гриот
Дьябе — наемник-семикрыл
Ому — подруга Кеме
Бимбола — хозяйка таверны в Го
Олу — герой войны, военачальник войска Кагара
Вунакве — фрейлина принцессы
Итулу — фрейлина принцессы
Старшая женщина — заведующая служанками принцессы
Асафа — генерал войска Кагара
Диаманте — еще один генерал
Скала — мертвый старейшина
Канту — берсерк
«Божественное сестринство» — монахини крепости Манта
ЮГ
Бунши/Попеле — речной дух, русалка, оборотень
Нсака Не Вампи — охотница, убивающая на заказ хищников
Осейе — ее сестра
Найка — наемник
Бисимби — кровожадные водные нимфы
Болом — южанин-гриот
Икеде — его правнук, также южанин-гриот
Юмбо — лесные феи, хранительницы детей
Чипфаламбула — громадная рыба

МАНТА

Летабо — монахиня
Лиссисоло — сестра Кваша Дары
Нинки-Нанка — речной дракон **Принц Миту** (так утверждается)
Басу Фумангуру — старейшина Северного Королевства
Настоятельница — старшая монахиня «Божественного сестринства»

ДОЛИНГО

Якву — тактик Южного Короля (умерший)
Женщина Ньимним — мастерица целительной и восстановительной магии
Королева Долинго (так утверждается)
Ее Канцлер
Белые Ученики — наичернейшие из черных магов и алхимиков
Импундулу — вампир в облике птицы-молнии¹
Ишологу — Импундулу без хозяина
Сасабонсам — крылатый пожиратель человеческой плоти
Адзе — вампир и клопный рой
Элоко — травяной тролль и людоед
Мальчик — безымянный сын Лиссисоло

¹ В африканской мифологии импундулу (молния) принимает образ черно-белой птицы размером с человека, которая крыльями и когтями вызывает сверкающий разряд и гром. Этот вампир с ненасытным аппетитом к крови часто служит ведьмам или водит с ними знакомство и нападает на их врагов.

МАЛАКАЛ, затем **КОНГОР**

Семикрылы — наемники

Сад-О'го — очень высокий человек, но не великан

Амаду — работорговец

Биби — его прислужник

Следопыт — охотник, ни под каким именем более неизвестный

Леопард — оборотень-охотник, известный под несколькими другими именами

Фумели — ушлый оруженосец Леопарда

Бултунджи — оборотни, гиены-мстительницы

Зогбану — тролли, изначально вышедшие из Кровавого Болота

Венин — девушка, выращенная на корм Зогбану

1. Женщина без имени

K'hwi mahwin

Один

Как-то ночью блуждал я в джунглях сна. Не сна, а как бы памяти, что прорастает сквозь сон и властно им завладевает. В памяти того сна была девочка. Вижу, значит, девочку, жилище ее – старый термитник. Трое ее братьев из большой хижины рассказывают, что термитник похож на гниющее сердце великана, только перевернутое, но девочка того не знает. Она прижимается губами к его полому чреву, к стенам из сухой красной грязи, шершавым на ощупь. Окон там нет, если не считать таковыми дыры, а если считать, тогда их множество, и они торчат где ни попадя, и от них тело полосуют жгуты света – вверх, вниз, наискось, – а с ним змеится жара и скапливается, давая отростки из ветра, сочащиеся по всей этой каверне. Термиты из этого места давно убрались. Здесь никто бы и собаку держать не стал, а эту девчонку, гляди-ка, держат.

Ноги у нее удлиняются, но по-прежнему как две палки; голова растет, но грудь всё так же плоская, как земля; кажется, вот-вот – и по возрасту она уже выйдет наружу, только никто не озабочен подсчетом ее лет. Хотя отмечают каждое лето, метят гневом и горем. Они, то есть ее братья, вот так отмечают, стало быть, ее рождение, да. В эту пору находит на них тучей хмарь и злобность лютая – по ее, стало быть, вине.

И вот она сидит – губы сжаты твердо, аж добела, прямо как костяшки ее стиснутых кулаков, а на лице решимость под стать думам. Мол, всё, решено, она сбежит, выползет из этой дыры и рванет так, что не сдержать и не угнаться. Будет бежать без конца, отпадут ступни – побежит на щиколотках, отпадут щиколотки – будет бежать на коленях, а сотрутся колени, так и ползком, но бежать, нестись, мчаться. Так, наверно, бежит младенец к матери – к мертвой матери, не прожившей достаточно, чтобы дать имя дочери.

При утлом свете, сочащемся и выходящем через дыры, она может считать дни. По запаху коровьего навоза она может сказать, что один брат сейчас возделывает землю и сажает зерно, а значит, сейчас либо арб, либо гидада², девятый или десятый день луны в Камсе³. Оглядевшись, она видит большой лист, на который вчера вечером сыпанули горку каши – один из двух раз в лунную четверть, когда ей дают поесть. Припоминают. Большую часть времени ее просто бросают голодать; так, разок-другой вспомнят среди ночи, да и отмахнутся – всё равно уж поздно, может, какой дух насытит ее во сне.

Вот она, эта девочка, вбирает все в себя и слышит. Через перебранку братьев о том, когда сажать просо, а когда давать земле передых, она учится различать времена года. Дни дождей и засухи рассказывают ей всё остальное. Иной раз ее просто вытягивают из термитника на притороченной к ошейнику веревке, приматывают к сохе и волочат по полю, крича, чтобы она руками вспахивала коровье, козье, свиное и оленье дерьмо. Вгрызайся в грязь да смешивай тщательней, чтобы выросла та самая еда, которой ты не заслуживаешь! Стигматы вины с рождения на спине твоей, и перед тремя своими братьями ты в вечном, неоплатном долгу.

Вот они, те ребята, ее братья. Двое большеньких хохочут, а младший взволнованно орет. Старшие стоят в чем мать родила; из одежды лишь желто-красно-синие наколенники и налокотники из соломы, да еще щитки на кистях рук. На головах шлемы вроде соломенных клеток,

² Лунно-звездный календарь, где нет недель, но есть названия каждого дня месяца; принят в ряде африканских стран.

³ Звездная группа Плеяд.

желтые с зеленым. Девочка вылезает из своей печи, чтобы за ними понаблюдать. Старший из братьев крутит палку, длиннющую. Крутит-вертит и при этом подпрыгивает как в танце. Затем начинает кружиться, подсакивает и вдруг замахивается палкой прямо на шею среднего брата.

– Выблядок! – запальчиво выкрикивает тот.

– Мы от одной матери, – смеется в ответ старший.

Он хочет увернуться, но не успевает, и по его левому плечу хлопает палка. Старший запоздало отпрыгивает и снова смеется, даром что рана кровоточит. Ну что, пора и посчитаться. Старший перехватывает свою палку обеими руками, как топор, и накидывается на среднего, осыпая его ударами. Тому еще удастся шлепнуть старшего пару раз в ответ, но по сноровке он сильно уступает и принимает удар за ударом – по груди, по спине, по рукам. Шлеп, шлеп, шлеп! Вот уже и кровавая ссадина на левой руке, и взбухает разбитая нижняя губа.

– Это всего лишь игра, братец, – кривится в улыбке средний, отплевываясь кровью.

Рядом возится младший, тщетно пытаясь водрузить на свою небольшую голову непомерно большой шлем.

– Я вас обоих победю, – пыхтит он.

– Гляньте на него, – усмехается старший. – Ты хоть знаешь, зачем мы это делаем, соплезвон?

– Я ж не дурачок. Вы хотите побеждать в бою на палках и убивать дураков, которые против вас.

Братья смотрят на него как на чужака, затесавшегося между ними.

– Нет, братишка. Ты и вправду слишком мал.

– Я тоже хочу играть!

Старший поворачивается к нему:

– Ты хоть знаешь, что такое донга?⁴ Для чего, по-твоему, эти палки?

– Ты, верно, глухой? Я же говорю, чтоб драться и убивать!

– Дурень ты мелкий. Это вот *первая* палка. А когда ты выигрываешь с ней донгу, ты можешь использовать свою *вторую* палку. Спроси у любой пригожей девчонки, которая ходит смотреть бои.

Он лукаво смотрит на среднего брата, который в ответ склабится. Младший братец растерян:

– Но в бою-то у вас только по одной палке.

– Что я говорил? Он совсем еще соплезвон.

Средний указывает на закорючку младшего, что ниже пупа.

– У нашего меньшого вместо палки лишь сучок.

Смех братьев длится столько, что на лице младшего прорастает злость; не потому, что он ничего не понял, а скорее, наоборот. Ну а девочка знай себе смотрит, как он хватается палку, как делает замах и с силой ударяет среднего поперек спины. Тот взвизгивает, а старший рывком оборачивается и припечатывает младшего по лбу, и тут же по ямкам за коленями. Младший падает, а старший продолжает его лупцевать. Малец вопит, и средний хватается старшего за руку. Они уходят, оставляя его пускаться нюни в грязи. Но вскоре, почуяв, что на него никто не смотрит, он обрывает ор и бежит вслед за ними. Девочка окончательно вылезает из своей хибары и берет оставленную палку. На ощупь она крепче и тверже, чем казалось, а еще намного длинней. Примерно втрое выше, чем она сама. Взмахнув, девочка лупит ею по земле, вздымая облако сыпучей пыли.

– Мы ждали, пока мать издаст четыре вопля. Ждали всеми своими ушами, – рассказывает ей старший брат. День прошел, но ночь еще не наступила, и он дважды дергает за веревку,

⁴ Донга – ритуальные бои на палках; часть обряда инициации юношей.

чтобы девочка вылезла. В основном он вытягивает ее просто без предупреждения, и наружу она является слегка придушенной, сипло кашляя. Пальмовое вино кружит ему голову, и его тянет на разговоры, даже без всяких слушателей. Он дергает ее за ошейник, притягивая к себе, словно упрямую ослицу, и тем не менее это единственное время, когда ее подпускают ближе к дому. Тогда в девочке оживает смутное воспоминание о том, как отец поднимает ее и улыбается, но его улыбка быстро тускнеет, а руки коснеют и слабеют, и, повисев какое-то мгновение в воздухе, она шлепается в грязь.

– Мы ждали, пока мать прокричит четыре раза, – говорит он, – потому что четыре раза означает, что родился мальчик, а три – что девочка.

Но мать не прокричала.

Старший брат излагает историю, но пальмовое вино делает его рассказ нестройным.

– Видела бы ты отца! Видела бы его гордость, когда живот матери пришел в движение, словно задавая путь. Тройка сыновей скоро пополнится еще одним, четвертым, а если это дочь, то он сможет выдать ее замуж, если разбогатеет, или продать, если жизнь станет туга. Братья, наблюдающие за отцом, выгадывают, когда родится ребенок, после того как роженица ушла его донашивать в лачугу своей матери. Мы все ждем вести о мальчике, но в особенности ждет младший брат, потому что он наконец сможет стать над кем-то старшим и уподобится братьям, что старше его. Ждет вестей и отец, теперь уже спокойно, потому что успел внять словам своей жены: «Мужу мелкий дом иметь негоже». Он его разрастил: снес стенку в амбаре и увеличил комнату для двух старших мальчиков; пристроил еще одну комнату для младшего и того, который народится, и еще одну, где занималась бы своим рукоделием мать, самая прекрасная из женщин. Потом еще комнату для бабки, которую он терпеть не может, но не оставлять же ее одну.

Мы ждем, когда мать издаст четыре вопля, но их всё нет, нет даже трех. Мы идем к бабке. А она нам говорит: «Младенец вышел вперед ногами, с пуповиной вокруг шеи. У матери пошла кровь, и шла, и шла, пока не вытекла вся; тогда глаза моей дочери побелели, и она изошла. *«Ko oroji adekwu ebila afingwi»*, – ворчит бабка, которой пока не до отдыха. Мелкая ты бесовка, матереубийца, ты как бельмо, от которого слепнет весь глаз.

Глянь, какие проклятия ты накликаешь на этот дом! Отец мой одно утро плакал, другое плясал, затем ночами стал вопить предкам об их коварных забавах. Говорит, надо звать колдуна. Мы таскаем амулеты, взываем к богам грома и безопасных странствий, не едим ни жирного, ни бобов, ни мяса, убитого стрелой, так за что ж боги шлют нам такие испытания? Она радуется животу своему, радуется мужу, а мы не возлежим друг с другом шесть лун, так за что же боги насылают на нас несчастья? За что беды такие, когда мы совершаем возлияния и воздаем хвалу богине рек, что управляет водой в утробе матери? Никто не зовет его умалишенным, пока однажды мы не застаем, как он свернулся калачиком вниз головой, колени к груди, и мочится себе в рот. После этого мы называем его безумным. На третий день за рождением проходит обряд наречения, но никто к нам не приходит и не уходит. Никто не смеет наречь тебя по имени, ибо ты – проклятие, а единственно, что бывает хуже, чем породить проклятие, – это его назвать, потому что всякий раз, как произносишь это имя, навлекаешь горе. Так что нет тебе имени. И вот что еще, мелкая бесовка: никто не плюет тебе в рот крокодильим перцем, чтобы ты не стала позорной женщиной, и никто не делает тебе железное ожерелье, чтобы отсечь тебя от мира духов.

Вот новая ночь. Маленькая девочка вдруг чувствует натяжение веревки на шее. Тяга превращается в рывок, прямо из термитника – настолько резкий и сильный, что девочку буквально выбрасывает через тесный вход, и он превращается в большую дыру. Дерг, дерг, по сухой корке грязи и куриному дерьму, едва не ломая шею, пока девочка со сдавленным хрипом не хватается за свой ошейник, и вдруг видит, что ее кто-то подтаскивает все ближе и ближе к дому. Она дико озирается в попытке увидеть, кто именно ее тянет – вроде бы никто, только слышен

вкрадчивый шорох скольжения по земле. Хотя нет: к веревке хвостом прицепился большущий желтоватый питон и скользит к дому, не зная, что тащит за собой маленькую узницу. Девочку охватывает страх при мысли о том, что он может сделать, когда доберется до ее спящих в доме братьев. Но ни крика, ни стоны, ни плача не срывается с ее губ.

Однако затем хвост питона выскальзывает из веревки. Впрочем, нет, не выскальзывает: всё это различимо в темноте. Он просто становится меньше и меньше, как будто змея сама себя всасывает. Хвост уменьшается, а она при этом становится все шире и больше, будто кокон, под оболочкой которого происходит какое-то шевеление. Пятна змеиного узора сжимаются и растягиваются, ворочается и перекачивается погрузневшая туша, на которой кожу вдруг прорывают изнутри две невесты откуда взявшиеся руки. Из этого кожаного мешка выпрастывается и гибко встает нагая женщина. Не оглядываясь, она направляется к дому и огибает его сбоку. Девочка крадется сзади в нескольких шагах и видит, как женщина-питон ловко забирается в окно среднего брата. Сидя в пыли и темени, девочка вслушивается в тишину. Вот из комнаты брата доносится крик. Он всё громче и неистовей. Девочка вскакивает на ноги и подбегает к окну, но оно для нее чересчур высоко, и она ищет в темноте, на что бы можно встать; подворачивается только деревянный чурбан, и девочка подкатывает его к окну. Внутри комната освещена тусклым масляным светильником. На полу лежит брат, а сверху его оседлала женщина-питон.

Она подсакивает вверх-вниз, словно в попытке его укротить, а брат под ней дергается и корчится как от побоев. Он кричит, чтобы она его прикончила, что ему уже немоготу, проще умереть, и, дрыгнувшись, обессиленно замирает. Затем его пробивают рыдания, которые женщину-питона нисколько не трогают. Она сидит и молчит.

– Хоть бы кто-то еще сюда наведывался, кроме этой шлюхи-ведьмы! – тихо стенает он.

– Я не шлюха и не ведьма, – отзывается она. – А ты проклят. Ты и твои братья, твой безумный отец и мертвая мать. Прокляты так, что, кроме шлюх, вблизи вас никто и не ходит. Женщина-питон смолкает, а затем говорит:

– Ты должен убить девчонку.

– Пробовал уже, да она вернулась, – отвечает брат.

Девочка чуть не падает со своей приступки.

– Через четыре дня после того, как она довела моего отца до безумия, а мать отправила в потусторонний мир, мы с братьями бросили ее в чащобе кустарника, чтобы она оттуда не выбралась. Но ты не поверишь: эта негодница отыскала дорогу домой! Она, которая еще даже не ползает! Люди в деревне говорят, что юмбо, лесные феи, подкармливают ее нектаром и толчеными орехами, называют ее «маленькой волшебницей». Из-за нее вся деревня нас сторожится, винит нас, когда засуха или неурожай. Послушайте, говорю я им: приходите и забирайте ее, если она вам нужна. Мне все равно, что вы с ней сделаете. Но никто не приходит. Мы сами кое-как перебиваемся на еде, что нам оставляют из милости до нового урожая, иначе нам не протянуть. Девчонка – вот причина, по которой люди нас избегают. Она виной, что у меня не будет никакой жены, кроме тебя.

– Я тебе не жена, – бросает женщина-питон.

Приходят и уходят луны, складываясь в годы. Девочка теперь подросла, и волосы ее висят грязными комьями, которые она отрывает с возгласами, которые иной раз сбивают братьев с толку – настолько они похожи на голос матери. Она изучает повадки больших людей, так что ни одно брошенное слово не проскальзывает мимо без толку. Младший то и дело пытается дать ей затрещину, но она перехватывает его руку и не остается в долгу. Песням ее никто не учит, и она придумывает свои собственные, а еще начинает видеть небо за концом своей веревки. Живет она все так же в термитнике, и по-прежнему вспахивает грязь с козым дерьмом, а на угощение получает хлыста, и младший всё так же норовит пинком сшибить ее на землю,

топнуть по спине и затолкать поглубже в грязь. «Чтобы убить нашу мать, ты должна была хотя бы родиться мальчишкой», – попрекает он. Она чувствует, как движется сквозь множество лун и лет, а братья всё так и застыли в дне, когда она родилась; в дне, когда умерла мать.

Всякий раз, когда двое старших отправляются на восток, потому как, по их словам, в своей деревне ни одна женщина их не примет, младший заявляется к ней. По его лицу видно, что он весь день измышлял зловредства.

– Моим братьям повезло, что они до смерти матери прошли обряд, – говорит он. – Они хоть стали мужчинами. А мою удачу ты забираешь всю как есть. Ни один старейшина не сделает мне обрезания, не посвятит в мужчины, ибо все мы прокляты.

Восемь суток он что ни день втаптывает ее в землю, а на девятый так и в терновый куст.

Она знает, почему ее ненавидят, ведь они каждый вечер говорят об этом. «Мелкая бесовка, матереубийца, когда мама перестанет там рыдать?» – вопрошают они. Когда прекращает она вопить в потустороннем мире о маленькой дьяволице, которая режет и жжет ее через *ку*, убивая из раза в раз? Девочка прислушивается к воплям своей матери из страны мертвых, но оттуда ничего не доносится. Только тишина. И она молчит, когда ее избивают за то, что она просит чуть побольше пищи, в которой бы чуть поменьше гнили. Молчит, когда ей говорят: «Не заставляй нас отправляться в потусторонний мир и молить его хозяина забрать тебя и вернуть нашу мать». Она молчит, потому что знает: они это уже делали. Так однажды вечером признался средний брат женщине-питону.

Три брата, и все, как один, злыдни. От плети старшего у нее на лице две отметины. Средний морит ее голодом, говоря, что раз она вроде женщина, то пусть сама себя и кормит. Но младший, он хуже всех, потому что никто не устраивает ему обряд с обрезанием, чтобы сделать мужчиной, а всё из-за нее. «Я убью тебя раньше, чем ты станешь женщиной», – грозит он ей. А еще говорит: «Вот я возьму нож и сам надрежу твою *ку*, чтоб ни одна женщина не посмела об тебя оскверниться. С надрезанной щелкой ты ни мальчик, ни девочка. Ты чудовище».

Девочка всякий раз истолковывает это по-своему. В первый раз названная чудовищем, она расцарапывает себе до крови кожу, злясь, что не может найти чешую, которую можно было бы соскрести. Грызет себе ногти, чтобы они не стали когтями. С появлением зуда между глаз она спохватывается, что у нее растет третий. Или что она обрастает черными космами как токолоше⁵, демон с густой волосяной порослью, который, по словам старшего брата, непременно на нее нападет во время сна. Однажды, высунув голову из термитника, она замечает проходящую мимо дома женщину, которая сварливо высмеивает братьев за их убогий уклад и жестокую бедность: «Кто-то, верно, наложил на вас еще одно проклятие поверх давешнего». Может, она и вправду чудовище? Мелкая бесовка. Матереубийца. Не зря ведь женщина-питон сказала, что она возросла без грудного молока – вон и титочки совсем не растут. Видя с ходом лет, как злые люди используют это слово, девочка приходит к мысли, что она если и не чудовище, то все равно проклятие, которое породила мать. «Выродок», – как говорит средний брат. Девочка оглаживает себя руками, чувствуя, как жестко выпирает из-под кожи каждая кость, особенно на бедрах, где они самые большие и противные, так что уродство переползает из того, чего она боится, в то, что она знает.

Да и братья тоже хороши – лгун на лгуне, гляньте на них. Вот средний ворует у старшего выигранное в донге ожерелье, а сам нашептывает, что это дело рук младшенького. А через две ночи в этом самом ожерелье от дома уползает здоровенный питон. Старший брат задает трепку младшему, а от того перепадает девочке, но ему этого мало. Младший подсыпает отраву в ручей, откуда всегда пьет женщина-питон, и на нее нападает такая дурнота, что с дыханием ветра является вестник смерти. Средний брат испуганно кричит: «Кто эта несчастная незна-

⁵ Токолоше (или хили) – водяной дух, похожий на карлика, в мифологии зулу. Считается озорным и злым духом, который может стать невидимым, если напьется воды. Злые ведьмы, колдуны и люди призывают токолоше делать гадости другим.

комка?» – потому как не может поведать никому, даже своим братьям, что каждую ночь предается порочным утехам, а еще разбивает яйца, которые женщина иногда откладывает в высокой траве возле речного русла. Старший же всегда, когда во хмелю под пальмовым вином, хвастает о каком-нибудь мужчине, которого убил, и о женщине, которую поимел – или же о мужчине, которого отымел, и женщине, которую убил. Проходят луны и годы, прежде чем девочка осознает: ничто из того, что исходит из уст этих братьев, не может сойти за правду, даже если они твердят, что вода мокра, а огонь горяч.

Что ж, решено. Две и еще десять лун назад она принимает решение. К ее ошейнику привязана веревка – достаточно длинная, чтобы она покидала термитник и перемещалась по двору до забора мимо чахлой травы, свиней, кур, мышей и любой другой живности, обитающей в загоне. Так вот, две и еще десять лун назад на каждом рассвете девочка начинает разгрызать у себя на шее веревку, конца которой под шеей не видно, потому как никто из братьев не хочет видеть сестру вблизи. Понемногу, раз за разом по малому кусочку, она жует ее и сплевывает, стачивая зубами. Потом она делает вид, что по-прежнему привязана, и даже морщится, как будто ей неважно, что ее так сильно тянут. Ближится пора посева, и уже скоро придут братья, покаяная:

– А ну, грязная бесовка, давай паши!

Ну уж нет. Пришло время побега.

В день, который она наметила, горизонт обкладывает мглистый сумрак, и солнце в вышине теряет свою лучезарность. Становится темно как перед ночью. Ошейник всё еще на шее девочки. Но она выбирается из термитника, обвившись длинной веревкой как змеей, что набросилась и душит. Обманчивое солнце как будто закатилось, хотя оно по-прежнему висит в зените, где-то возле полуденной черты, а вокруг его черной сердцевины ярится косматое, нестерпимо яркое кольцо. Девочка смотрит на него не отрываясь, а когда пробует бежать, глаза ее ослеплены светом. Яркий, бледный и мертвенный, он заполняет воздух и отсвечивает от грязи. Всё вокруг сливается, плавясь в белое. Слышно загрохотавшее кудахтанье кур, девочка вслепую распинает их с пути, спеша к воротам – и утыкается в жесткую грудь.

Голос младшего брата:

– Ты, уродина, часом, не ослепла? Куда это ты со двора?

Он сначала думает, что она просто выбегает порезвиться со свиньями – единственными тварями, более грязными, чем она сама, – но тут взгляд падает на веревку, обмотанную вокруг нее. – Ах ты срань! – хватается он ее за волосы.

От боли девочка невольно вскрикивает, но противится своим слезам. Она кричит и брыкается, как загнанное животное, а он орет в ответ, лихорадочно ища конец веревки, чтобы раскрутить ее, как веретено. В этот миг девочка метко пинает его в голень, и он ее выпускает. При этом он не сводит с нее безмолвно-свирепого взгляда. Отбросив серповидный тесак, младший брат срывает со своей гандуры⁶ кожаный ремешок, думая отхлестать ослушницу. При этом он складывается так, что его лицо напоминает разрезанную наискось тыкву. Она хватается за одну из вещиц, которые при ней, и в тот момент, когда брат коршуном набрасывается на нее, она швыряет ему в лицо округлый козий пузырь с ее мочой застарелой давности, смешанной с пылью из молотых камешков, которые царапают, когда пытаешься тереть глаза. Младший брат издает вопль, зажмурив вмиг опухшие глаза.

– Ты меня ослепила, мразь! – визжит он, закашливаясь от огненной мочи, попавшей ему в рот. Девочка снова рвется бежать, но в суматохе брат успевает схватиться за веревку и теперь тянет, тянет к себе торопливыми рывками. Веревка разматывается, но девочка чувствует, что ее всё равно неумолимо тянет к нему, и этого не остановить, даже если зарываться пятками в грязь, куриное дерьмо и свиное дерьмо. – Ах ты мелкая тварь, – злорадно, нараспев произносит

⁶ Гандура – полотняная африканская туника.

он, – я всегда беру свое. Возьму и сейчас, а потом тебя убью. На братцев не надейся, они меня не остановят.

Вот как. Страх в ней замирает. Братья если и явятся, то не затем, чтобы спасти ее, а только чтобы его пожурить. Всё равно что видеть, как ты вот-вот наступишь на колючку, и предупредить об этом колючку. Брат, всё еще слепой, продолжает тянуть веревку, каждый рывок на одну длину руки. Девочка не упорствует, но попутно подхватывает с земли тесак.

– Чувствую, уже недалеко! – победно кричит младший.

Она действительно недалеко, стягивающая талию веревка вращает ее как веретено. Они неумолимо сближаются, и братец уже чувствует исходящую от нее вонь свиного дерьма. И тут девочка изо всех сил замахивается и делает рубящий удар.

– А-а-а! Она отсекла мне руку! Сучка! Мелкая потаскуха! – надрывно стелает младший брат, с проклятиями разыскивая свою руку. Девочка наконец-то бежит. Позади нее змеей танцует веревка с рукой брата, по-прежнему ее сжимающей.

А затем еще больше яростного солнца, опаляющего кожу и слепящего глаза, и тропа шириной в две колесницы, и ноги, онемелые от нескончаемо долгой ходьбы. С перебежками от сарая к сараю, от тропки к тропке, от куста к кусту и от дерева к дереву, пока девочка наконец не оказывается в лесу, где можно спрятаться от братьев, которые наверняка будут ее искать и просить об этом других. Четыре дня от обретения прибежища, и еще больше дней без еды, и еще одна луна до того, как она свалится без чувств.

Девочка способна чувствовать сон, хотя сновидений в нем нет, а когда пробуждается, то ощущает движение, хотя ее ноги остаются неподвижны.

– Веревка была такой тугой, что душила тебя, как змея, – произносит хриловатый голос, явно женщины, склонившейся над ней. – Где твоя мать? – спрашивает она, и девочка крупно вздрагивает, как будто колыхание воздуха выводит ее из забытья. Еще один день, и из сна ее вытряхивает колыхание повозки. Женщина спрашивает: – Куда ты собиралась, девонька?

Но у девочки ответа нет.

– Ладно, не важно, – вздыхает женщина.

Они едут в Конгор.

Вот она, та девочка. Женщина с повозки живет в доме на улице, где всё синее – и дом с двумя этажами и двумя лестницами, и десять женщин внутри. «Женщины с колдовскими ку» – как их называют мужчины. Женщина с повозки, именующая себя мисс Азора, кличет их своими шлюхами, из отсутствия привычки прятаться за красивыми словами.

– Зачем было тащить сюда еще одну деваху? – спрашивает одна из женщин, которая за семь дней, прошедших с поступления девочки, так ни разу и не оделась.

– Верное дело не терпит спешки, – произносит мисс Азора, глядя на нее так, будто сама удивляется, зачем, в самом деле, было подбирать лишний груз.

– Это самое местечко ей скоро предстоит заполнить.

– Я с глиной не работаю, – вскидывается девочка. Остальные смеются, а мисс Азора проговаривает что-то беззвучное, как будто считает.

Год перепрыгивает в другой, пока девочка считает свои дни с мисс Азорой, иной раз думая, чтоб уж лучше они прыгали назад. Год сменяет год, вырисовывая ей талию, наливая спелостью бедра. Годы ломают ей голос, а затем разглаживают его по новой, так, что иногда она сама себя не узнает. Годы заставляют одни и те же глаза видеть одно и то же, но читать уже по-новому. Читать по-новому мужчин, читать по-новому мисс Азору. Хотя нет, читать ее всегдашнюю, но уже через то, как она видит девушек. «Мы здесь все женщины, но не сестры», – говорит одна из них. В тот первый год две женщины уходят, спустя год одна возвращается. В доме умирают трое мужчин, один внутри Динти. За двумя приходят другие мужчины, а третий был проезжим караванщиком, и пришлось заплатить торговцу, чтобы его сжечь. У девочки-

подростка, которую привезла в дом мисс Азора, нет имени, но так как она среди женщин единственная юная, ее зовут просто Девчушка. Именно Девчушку посылают к мяснику за требухой и хвостами, потому что он сжалится и даст ей больше. Девчушка зависит от доброты одних женщин и держится подальше от злобности других. Девчушка прячется, когда та или иная женщина говорит ей «спрячься и не выходи», потому что следом приходит определенный мужчина с определенным желанием, а мисс Азора хотя и любит своих чад, но деньги ей нравятся всё-таки больше. В чуланчике на земляном полу Девчушка играет с палочкой, которую зовет своей сестрицей; эту сестрицу она с приходом дня оставляет там лежать на полу. На глазах у Девчушки женщины занимаются всевозможным трудом, шлюхами становясь лишь ближе к ночи. Тем временем на нее посматривает мисс Азора.

– Годки твои идут, – говорит она Девчушке, – а личико у тебя всё еще жесткое, как будто все встречные для тебя – люди, что тебя обижали. Подбородок у тебя чересчур острый, глаза не в меру глубокие, нос торчит, грудь мелковата, ноги, ишь, какие длинные, руки умелые, язык шустрый.

Она хватает Девчушку и стягивает ей через голову рубашонку. Девчушка вздрагивает: за годы, проведенные в доме, где женщины ничего не скрывают, она научилась стесняться.

– Про стыд забудь, гони его, – наказывает мисс Азора, осматривая девочку. – За него ни купить ничего, ни продать. *Ку* у тебя тоже изменится, – говорит она и обращается к Динти: – Принеси какое-нибудь тряпье.

– Скоро луна придет к тебе взять, чего хочет, – говорит с усмешкой Динти. – А уж там и мужчины не задержатся.

Слова мисс Азоры вскоре сбываются, и у девочки впервые саднят соски, набухает живот, болит голова и следы крови остаются везде, где она ни присядет, и так три дня и три ночи. Низ живота словно берedit изнутри, и боль эхом отдается в пояснице и бедрах.

– Гляньте-ка, плачет не переставая. Я и не видела, чтоб кто-то так тяжело это переносил, – качает головой мисс Азора, в то время как Девчушку опускают в чан с теплой водой и льют ей на плечи ласковые струи. Мисс Азора поглаживает ей затылок, тихо напевая, пока та уходит в сон.

– Не отчаивайся, девонька. Ты теперь женщина, – говорит она.

Через половину луны мисс Азора переселяет ее в самую маленькую комнату в доме, которую меж собой называют Сундучком. Здесь Девчушку ждет ее первая в жизни кровать с толстым матрасом и подушкой с перьями, а в углу стоят таз и кувшин с водой, причем не для питья, а для омовения. В ту же ночь из окна, что прямо над кроватью, на матрас к ней пробирается одна из женщин.

– Это я, Янья, – говорит она и грустно смотрит на Девчушку. А затем с протяжным вздохом говорит: – Ты не думай, что Азора тебе делает какую-то милость. Она просто готовит тебя к тому, чтобы ты стала следующей Запретной Лилией. Запретная Лилия предназначена для мужчин с особыми вкусами, хотя в них самих нет ничего особенного, кроме тугого кошелька. Такой мужчина при виде подружек, с которыми играет его дочурка, едва сдерживает желание сцапать одну из них и оттащить в укромное местечко где-нибудь в кустах.

Но сначала она подождет, посмотрит, как ты чуток подрастешь, откормит еще немного. И вот тогда она сделает с тобой вот что: однажды ночью она без предупреждения напустит на тебя мужчину. Она предпочитает, чтобы это было так: спустить его на тебя без повода, а потом объяснить, что если тебе это не по нраву, ты всегда можешь уйти. Так она поступала со всеми нами. Но ты можешь сделать вот что, – говорит Янья, не упоминая, однако, что случилось с последней Запретной Лилией. Вместо этого она подсовывает девочке мешочек с плошкой и говорит: – Смешай в этой плошке столько, сколько умещается на кончике твоего пальца, и убедись, что они сначала это выпьют.

Первые четверо мужчин оставляют по толстому мешочку и широко улыбаются мисс Азоре, говоря, что возлежать с такой чаровницей – всё равно что лежать на облаке. Хотя то облако не между ее ног, а подушка, на которую мужчин валит сон. Однако пятый, прежде чем приложиться к плошке, испарывает ее целых две песни, что уныло кружатся в голове. Просыпаются мужчины неизменно выхолощенными, но гордыми, полагая, что оставили в милашке никак не меньше двух бастардов-близнецов. А после пятого она начинает их обирать.

От раза к разу ее мешок наполняется. Золото, серебро, железо, раковины каури и слитки. А еще серьги, кольца для носа и ушей, перстни, ожерелья, орехи кола, чудо-ягоды, талисманы, амулеты, высушенное сердце, кости животных, кусочки баво, драгоценные камни, фетиши из дерева и нефрита, каолин. Еще резная фигурка из оникса. При этом некий муж рассказывает дома жене, что она, должно быть, выпала по дороге или канула в реку, затерялась в волнах или ее вынули из одежды. Гораздо проще расставаться с ценностью, примерно зная, кто ее забрал, чем, избави боги, объяснять, каким образом это произошло. Те мужчины, бывает, всё еще захакивают и спрашивают девушку с облаком между ног. Мисс Азора чувствует какой-то подвох, потому что нет в девчонке ничего такого, что могло бы привлечь мужчину, но нельзя же шипеть на монеты, которые сами катятся в руки.

Но чему быть, того не миновать. Наступает Маганатти Джарра, двадцатая ночь луны сикава. Мужчины делают то, что им, по их мнению, делать положено, женщины же просто это терпят. Ну а в доме услед мисс Азора недовольна тем, как медленно протекает ночь. Большинство женщин сидят в зале, где мисс Азора обычно встречает мужчин и ведет учет. Янья с еще одной женщиной сидят лицом друг к другу, две другие стоят вместе у правого окна; Девчушка сидит на полу в дальнем конце, вне досягаемости шлепков мисс Азоре. Хозяйке что-то не сидится, душа не на месте, и она бродит взад-вперед, поругиваясь.

«Суеверный страх перед ночным небом», – полагает одна из женщин, но не это причина недовольства хозяйки. С некоторых пор ее мучает вопрос, а не пущен ли новый слух о ее женщинах – более сильный, чем все предыдущие, – что испокон не останавливает ни одного мужчину, зато успокоительно действует на их жен.

– Поговаривают, у нас тут опять завелась дурная женская болезнь? – спрашивает она, но ответить ей никто не может, потому как вне дома ни одна из этих женщин ни с кем разговоров не ведет.

– Что ж, – говорит мисс Азора. – Если мужчина не ищет ку, то ку сама должна искать мужчину.

Она велит Янье идти на улицу и заголить на себе дашки⁷, чтобы любой проходящий мужчина мог видеть ее грудь.

– Почему я, мисс Азора?

– А ты как думаешь, девочка? У Динти сиськи вислые как у козы, это во-первых. А во-вторых, я ничего не повторяю дважды. Так что ступай...

Всё происходит замедленно, как во сне, и быстро, как в поединке. Вокруг шеи хозяйки обвивается один длинный черный палец, затем два, три, четыре. Не успевает кто-либо из женщин закричать, как мисс Азора отрывается от пола и летит через всю комнату на стену. Мгновение – и она уже неподвижно распластана на полу. Женщины с истошным визгом разбегаются. Никто не слышит, как приближается *он*, не видит и не чувствует его запаха. С двух шагов можно разобрать, что это некто в мужском обличье. Он исторгает такой вопль, что у некоторых женщин из ушей идет кровь. Несмотря на громоздкость, он в мгновение ока хватается подвешенную под руку беглянку и тоже швыряет, после чего с исступленным воплем вдребезги разбивает стул. Чудовище.

⁷ Дашки – короткая африканская туника.

Такой высоченный, что башка задевает о потолок; одна рука тонкая и иссохшая на вид, зато другая толстенная, как туловище, и ею он касается пола. Две ножищи, высокие, как деревья, при этом одна короче другой. Вперевалку он карабкается как паук, хлопая своей лапищей, под которой разлетаются столы, бьются урны и вазы; всё это он расшвыривает, обхватывая змееподобными пальцами. Вот он ловит взглядом Девчушку и снова издает вопль, направляясь прямо к ней. Та взлетает вверх по лестнице – она еще никогда не взбиралась так быстро – и бежит в свою комнату. Удары, визг и вопли близятся, после чего дверь в комнатку слетает с петель. Чудовище заходится чудовищным воплем. Девчушку так трясет, что слезы при каждом моргании летят в стороны.

– Благодарю богов, что ты не вор-мальчишка. Иначе бы мне пришлось звать десятерых, чтобы вытащить Укундунку из твоей дыры, – раздается властный женский голос.

И вправду: стоит госпожа, на вид очень знатная и важная. Темные губы поджаты, ноздри расширены, грозно нахмурены брови, под ними узор из белых точек, сбегаящий по левой щеке. На голове игия, похожая на большой черный цветок, а поверх плеч длинное белое басуто⁸ с рисунком черного воина с копьем и щитом. Женщина высока и статна, но не толстячка. Она выглядит так, будто может враз объять всех своих детей и гневно рассмеяться. Девчушка всё еще дрожит. Укундунка вцепился в ее спальные простыни, будто собираясь подтянуть их к себе.

– Девочка, говори: где она?

Та стоит ни жива ни мертва, слова застревают в горле.

– Где... где... – пытается пролепетать она.

– Талисман, глупышка. Резная фигурка из оникса. Не заставляй меня повторять слова, иначе я велю ему тебя обыскать.

Под ее взглядом Укундунка угрожающе кренит навстречу голову – череп, как у лошади, глаза, как у волка, зубы крокодила. Дух из пасти такой, что спирает дыхание.

– Они едины, ты меня понимаешь? Укундунка и талисман – одно целое. Дай-ка я расскажу тебе одну историю. Однажды, после многих лет брака, я говорю мужу: «Дорогой мой муженек, все знают, что ты знатная персона и дела твои настолько важны, что не дают тебе допоздна бывать дома. Боги знают, что я волнуюсь. Волнуюсь так сильно, что прошу заклинателя, близкого к богам, сделать что-нибудь, дабы уберечь моего мужа. Носи неразлучно этот талисман, мой муженек, и Укундунка уберезет тебя. Такой важный человек, как ты, с врагами повсюду, может не ровен час очутиться в канаве с перерезанным горлом!» Поэтому каждую ночь, пять раз перевернув песочные часы и не видя мужа у себя под боком, я отправляю Укундунку на поиски талисмана. Чтобы муж был в безопасности, ты меня понимаешь? И вот однажды вечером он приходит домой не только глубоко за полночь, но и без него, без талисмана! Потерял, говорит, и не трудись, мол, его разыскивать, потому что я не знаю, куда он делся. Я говорю: «Не волнуйся, муженек, я скоро его найду и расправлюсь с тем, кто его забрал». И что теперь я вижу? Что он пригрет на груди у шлюхи! Хорошие дела.

– Я не шлюха.

– Ты в доме терпимости. Вряд ли ты монашка.

– Но и не шлюха.

– Ну не повар же?

– Не шлюха, и всё!

– Тогда почему эта комната воняет мужиками?

Ответить Девчушка затрудняется. Она могла бы сказать, что мужиками здесь, может, и воняет, но на ней этой вони нет. Однако разговор о сонном зелье может привести к тому, что об этом прознает мисс Азора. Знатная госпожа смотрит с изучающей пристальностью.

⁸ Басуто – племенное одеяло зулусов.

– Может, ты ему родишь ребенка? Я себя этим, понятно, утруждать не собираюсь, во всяком случае с ним. Ха, а я вижу, ты растеряна. Ты и в самом деле еще соплячка.

– Никакая я не шлюха. Я никогда с ними *этого* не имела.

– Да неужто? Чем же ты тогда с ними занималась?

– Я их... обчищала.

Больше шипения монстра Девчушку беспокоит пронзительный взгляд этой особы. Тут хмурость женщины сменяется улыбкой:

– То есть золото? Каури? Ассигнации? Ну-ка расскажи, любезная.

Девчушке остается лишь беспомощно тарашиться. Похоже, взрослые женщины только тем и занимаются, что разоблачают и выводят на чистую воду, в то время как тебе остается только увиливать и уповать на чудо.

– Я беру у них всё, что болтается лишнего. И оставляю у себя, потому что мисс Азора ничегошеньки нам не дает.

– Совсем-совсем? Ну а одежда, что на тебе?

– Мы ее покупаем на свои. А хозяйка, повторяю, нам ничего не дает. За исключением, наверное, одного. Продавая нас по первому разу, она напускает на нас кого-нибудь особенно лютото, а с него самого берет тройную плату как за свежатинку. Потому я сначала подсовываю им сонный настой, а уже потом обираю.

– Вот как? Выходит, они с тебя ничего не берут, зато ты вовсю на них наживаешься? Да ты, девчонка, находишься не в том доме.

– А что мне толку бросать одну доильщицу ради другой?

– Это смотря кто доит.

В ту же ночь Девчушка уходит со знатной особой. Мисс Азора ничего не говорит. Она даже не сдвигается с места, куда ее зашвырнул Укундунка, и какая у нее судьба, неизвестно. Знатная спрашивает Девчушку, как ее зовут.

– Имени у меня нет.

– Вот это да. Как же люди тебя кличут?

– Мелкая, бесовка, шлюшка, девчушка, Запретная Лилия...

– Хватит. Выбирай себе имя, им мы тебя и будем звать.

– Я свою мать зову Соголон.

Так девочка принимает имя своей умершей матери, сто семьдесят и еще семь лет назад. Сто семьдесят семь раз, кои великая тыква мира обращается вокруг солнца.

Соголон.

Два

– Соголон, перестань стучаться о стены. Ты уже не маленькая.

Гляньте на подростковую девочку. Ей хочется сказать госпоже Комвоно, что в стены она утыкается не по привычке и не из желания причинить себе вред. Просто ей любопытно ощущение удара обо что-то настолько твердое, что оно не пружинит, как ткань, и не глушит удар, как земля, не позволяет утонуть в себе, как в грязи, или образовать вмятину, как глина. Это так ново – ощущать нечто стопорящее тебя, как бы сильно ты ни бежал. Значит, путь вперед не может быть пройден, если преграда – камень. Ни отскока, ни эха, ни отзвука – тук, и всё. Хотя всё равно это не камень, пусть камень и помогает в его создании. Грубый и зернистый, но на грязь не похож; скорее, на песок, будто кто-то изыскал способ сдавить его так, чтобы он стал прочнее дерева. Холод; стена всегда холодная, как оголовок топора рано утром, когда кухарка сует его в кувшин с вином, чтобы охладить. Два утра, может, даже три или все десять, она подходит где-нибудь к стене – в темном конце поварни, у задней оконечности сада, внутри амбара, в любом месте, где нет чужих глаз, – и ее лижет.

Стены отличаются не только на вкус. С первого же дня, как Соголон попадает сюда через заднюю дверь и почти каждый день после этого, госпожа хвалится, что дом этот не обычный. Не какая-нибудь там конгорская безвкусица, а жилище под стать любому вельможе выше Песчаного моря. «Никаких средств не жалко, – говорит госпожа, – чтобы уподобить наш дом чему-то из восточной мечты». Конгорских домов Соголон пока не посещала, так что сравнивать ей не с чем. Прежде всего потолок, до которого не достать, даже если двое мужчин встанут друг другу на плечи. Стены грубые, вроде каменных, но вылеплены тем не менее вручную, как глинобитный дом из Миту. Окна просторней, чем в любом другом доме в Конгоре, где они больше напоминают лазы. Тонкие деревянные балки, высокие и недоступные, смотрятся на стенах усами, с которых свисают пояса, мечи, маски, фетиши и щиты. Ниже, но всё равно высоко, висят ткани со всего Северного и Южного королевств и разных дальних земель. Прямо у левого окна – хозяйский табурет, на который тот никому не разрешает садиться. Кухарка рассказывала, однажды туда уселся раб. Хозяин приказал его сечь, пока дурашка чуть к богам не отошел. По всему дому на полах ковры и подушки для тех, кто пожелает присесть. Везде орнамент – красный с желтым, зеленый с синим.

Бывают дни, и их немало, когда Соголон бродит по дому и оказывается в новой комнате. Или комнатах, которые луну назад казались большими, а теперь вдруг уменьшились. Когда-то в них было жарко, а теперь заметно прохладно. Некоторые комнаты располагались по соседству с поварней, а теперь по коридору сместились в ту часть дома, куда не заходит даже хозяин. Сами комнаты вроде не движутся – куда им, – но, видимо, так кажется потому, что их слишком много для запоминания, где из них какая. Возможно, именно поэтому она не может сосчитать, сколько там живет людей. Во-первых, хозяйка и хозяин. Затем толстуха-кухарка, чьего имени она не знает, а сказать ей та не удосуживается. Худая девушка, представившаяся рабыней, пока не выяснилось, что звать ее Наниль. Мальчик, смотрящий за хозяйскими лошадьми, – это она узнала от кухарки. Как-то раз Соголон заметила, как он одновременно выводит лошадь и подметает крышу. Оказалось, близнецы, но ей об этом никто не сказал. Без необходимости здесь с ней никто не разговаривает.

– Ты уже не маленькая, – говорит госпожа Комвоно, и в определенные дни это вызывает некую раздвоенность. Девочка начинает задаваться вопросом не о том, когда она перестала походить на малышку, а когда, наоборот, начала. От курицы ведь не услышишь, что она была маленькой цыпочкой, а коза никогда не скажет: «Смотрите, каким милым я была козленком». Кто мог сказать ей это, кроме братьев и мисс Азоры? Но для мисс Азоры девичество было пустой тратой времени; неуклюжим состоянием, от которого умной женщине надлежит

побыстрей избавиться. «Но ты радуйся, – ободряла она, – потому что некоторые предпочитают, чтобы ты смотрелась именно маленькой девочкой».

Госпожа Комвоно несколько раз заговаривает с ней о том, что ее конечное назначение выходит за пределы этого дома, даром что он ей нравится. Эти слова вызывают у Соголон раздумья, не готовит ли ее госпожа в подарок дому монахинь или стану старейшин в обмен на приток золотых монет, которые хозяйка так любит пересчитывать? Она говорит:

– Вы только представьте! – и слышен золотистый звон монет, которые она подбрасывает. – Представьте себе дом, куда хозяин привносит единственно свое имя. Не монеты, не ассигнации, не каури. Имя – вот его единственное состояние и польза. Гриоты, что ведут семейные хроники в стихах и песнях, могут вывести его родословную вплоть к основанию Фасиси! Комвоно, гепарды старой саванны! Если б только они были настоящими гепардами, если бы были чем-то таким, что можно купить, продать, подарить или выменять. Но всё равно многие двери распахиваются, и лишь немногие закрываются, когда твое имя Комвоно.

А этот хозяин, господин. Они все слились для нее в один образ – все эти мужчины, что приходили к ней в комнату, в тот самый «Сундучок», – так что она перестала их меж собой различать. На ее облаке они засыпали еще до того, как потрудятся заговорить, а те, кто пытался, не считали ее достойной разговора. В конце концов, рот не та дырка, за которую они платят, – если только эта женщина не Динти. А тот, кто не разговаривал и не пил вино, тот без жалости ее мял и порол своим жезлом. У себя в памяти она делала пометки – память если не о лицах, то об их запахе, – с клятвой наведаться к ним однажды ночью с ножом. Однако увидев того своего господина, хозяина, она не смогла определить, первый ли он, последний или же просто среди их числа. Когда его увидела, но не встретила с ним.

Встречаться они никогда не встречались, даже когда она увидела его впервые. Рабыня сказала ей:

– Девочка, даже не гляди в его сторону: он персона, которую раньше вызывали к королевскому двору. – А на вопрос Соголон, почему его больше не вызывают, ответила: – Ты кто такая, чтобы лорд Срединных земель снисходил тебе что-то объяснять? Девушка вроде тебя должна быть для такого мужчины как воздух.

«То есть никогда не виднеться у него на пути», – истолковывает Соголон слова Наниль.

Хотя она не может этого господина вспомнить, но подмечает, как он помнит ее. Это видно по всему его лицу, особенно по глазам, которые распахиваются, когда он чем-то встревожен, становятся изменчивы при лукавстве, шурятся, когда он злится, пустеют в минуты приговора и закрываются при отрицании. Хорошо хоть, что он не помаргивает в знак желания, которое, как опасается Соголон, может еще наступить. Всё это замечает и госпожа, испытывая от этого такое блаженство, что возникает подозрение, не игра ли это. Вон слышно, как они в спальне: хозяин собирается устроить себе второй отдых, а хозяйка облачается и делает свое умчокозо⁹, накладывая точки из белой охры от левой брови вниз по носу, вокруг губ и до кончика подбородка. Стало быть, она собирается встретиться с кем-то из знати или сделать что-то примечательное.

– Женушка, ты просто нашла эту замухрышку и притащила в дом вместо питомца, которого добрые люди выкинули?

– Муженек, это ведь ты потерял талисман. Ну а я просто потрудились его найти.

– И кончилось тем, что ты притащила еще и ее?

– Похоже на то. Видно, боги решили нас благословить какими-то дарами. Тоже неплохо, потому что я нашла ее...

– Боги могут счесть тебя соучастницей этой воришки.

– Тогда она очень искусна, дорогой муженек. Иначе как бы она сняла его с твоей шеи?

⁹ Умчокозо – у африканских женщин украшение лица пятнышками краски в знак того, что она гордится своими корнями.

На какое-то время хозяин смолкает. А затем сбивчиво спрашивает:

– А где ты ее нашла?

– Да в какой-то канаве, муженек. Просто в канаве. Сидит себе возле талисмана и как бы стережет. Мне это показалось знаком доверия богов.

– В канаве? Какой такой канаве?

– Ты канав не видел, дражайший муженек?

– Она не может оставаться в этом доме.

– Куда же ей податься? Она ведь просто девочка, не пристроенная к делу. А у нас дом растет, нужда в слугах тоже. Тебе-то она что?

– Мне? Я ее даже не знаю.

– Ну вот. Ты же всегда твердил, что хочешь ребенка.

– Да никогда я ничего не твердил, тем более этого!

– В самом деле? А чьи слова были: «Ах ты бесплодная сука, где мои дети? Ты губишь мою родословную!» Так что вот тебе новый день, тебе и этому дому. Дети, может, еще появятся. А один уже точно здесь.

– Она уже не ребенок.

– Но чей-то же ребенок?

– Мне она не нравится.

– Ты ж ее не знаешь.

– Да язви вас боги! Ты испытываешь мое терпение, женщина!

– Испытываю? Это как же так, муж? Она сказала, что нашла талисман в той самой канаве, где я нашла ее. Несомненно, это рука богов. Я говорю себе: жена, зачем твоему мужу разгуливать возле какой-то канавы? Да еще в квартале Галлинкобе? И как ожерелье может упасть с его шеи, если нитка не порвана? Зачем ему вообще ходить пешком? Но боги всегда говорят: «Доверься мужу, ведущему к правде». Вот я и выбираю это самое доверие. Ну а учитывая, как эта девочка стерегла то, что оберегает меня и нас, то, несомненно, человек, столь известный своими благодеяниями, как ты, тоже будет желать ей блага.

– Ну так брось ей три золотых, и пускай катится.

– Бросить, как какой-нибудь шлюхе?

Господин Комвоно закашливается и говорит, что совершенно не знает, как торговаться со шлюхами. Соголон тайком подслушивает из зала. Никто не слышит ее беззвучного хихиканья. Ах какая хитрая эта женщина. В лицо-то она говорит только то, что Соголон делает не так:

– Девочка, ешь ты неправильно. Ты ведь не корова, жующая жвачку. Кушать нужно так. Прежде чем брать хлебный ломоть, погляди на него, подбрось, и отламывай небольшими кусочками. Козью тушенку зачерпывай аккуратно, кусочками не больше кончика пальца. Кушай неторопливо, и чтоб никто не видел, что ты там жуешь, людям на это неприятно смотреть. Милочка, ну как ты умываешься! Я ведь вижу, ты этого совсем не делаешь, если только не грозиться прогнать тебя вон из моего дома. А мыться надо вот как: заходишь в умывальную возле амбара и натираешь кожу песком. Скребешь между грудями, не забываешь про ступни, отскребываешь локоть, чтобы он не выглядел куриной пяткой; аккуратно споласкиваешь свою ку – много воды туда не лей, это не воронка. Девочка, что у тебя с головой? Игию даже не примеряй – ты не знатного рода. Возьми эту ткань, и пусть служанка покажет тебе, как сворачивать геле¹⁰. Волос у тебя немного, а торчат как попало. Девочка, ну кто так ходит? Надо вот так. Посмотри, как ходит *ндеге-катибу*, птица-секретарь. Как важно она держится: крылья сложены как у человека, сцепившего руки за спиной; подбородок вперед, голова поднята высоко, будто удерживает на себе кувшинчик масла. При каждом шаге сначала смотришь за коленом,

¹⁰ Геле – нигерийский головной убор из куска ткани, обернутого вокруг головы.

приподнимаешь его, но не слишком высоко – надо по-женски, – и смотришь на ступни, как они касаются земли, не спеша, плавно, словно на цыпочках.

– Вы хотите, чтоб я походила на ту бесовскую птицу? – удивляется Соголон, видевшая однажды, как тот самый секретарь затоптал и проглотил змею. Госпожа Комвоно награждает строптивницу шлепком.

– А ну прекратить мне эти кумушкины кривотолки! – командует она. – Из своих девчачьих лет ты скоро выйдешь, и тебе нужно быть готовой.

Готовой к чему, Соголон не спрашивает. Мисс Азора тоже говорила, что надо выходить из своих девичьих лет, а расстраивать госпожу Комвоно и лишаться ее доброты не хочется. Хотя чувствуется, что хозяйка явно ее холит и взращивает; сложно сказать для чего, но вряд ли это сильно отличается от приемов мисс Азоры. Соголон чутко наблюдает за всеми мужчинами и женщинами, что приходят с визитами, а их немало.

Таясь по затемненным уголкам и коридорам, она узнает, кто потерял уборщицу, кому нужна дочь, какой мальчик недавно прошел посвящение в мужчины, кто из вельмож разочаровался в своей последней жене или, учитывая интерес хозяйки к пересчету монет, кто просто сорвал недурной куш. Годы, проведенные у мисс Азоры, дурочкой ее явно не сделали. Соголон знает, что без приданого для мужчин она безынтересна. Ну разве что мужчина захочет себе сыновей, одного за одним, и ему всё равно, из какой дырки они выскочат.

Девочка взирает на мир из своего окна, всё еще принося ладонями к диковинной вещи, именуемой оконным стеклом. Крыша широкая – наверно, место, где сходятся мужчины и за беседами о мудрых вещах что-нибудь пьют. Крыша со ступенями на еще одну крышу – семья там, наверно, уже большая и всё растет. Иногда крыши не отличаются от стен, что под ними, а на них запечатлены следы рук тех, кто их возводил. Вон высокая тонкая башня – тюрьма или, может, место, где город хранит на случай голода запасы сорго. А может, это дом самых худых и высоких людей в девяти мирах. По окнам Соголон считает этажи. Три дома высотой в три этажа с окнами над окнами, а дальше четвертый, высотой всего в один и вообще без окон. «Три семьи богатые и одна бедная», – догадывается Соголон. Интересно, что за женщины там живут. Город крыш, о высоте которых судить сложно, потому что большинство из них похожи. А несколько шестиэтажных и даже восьмиэтажных домов упираются в самое небо. У всех стены одного цвета, коричневые, охряные, из песка или засохшей грязи. Окна, сделанные не по лекалам зодчих, а как норы и пещерки, похожие на входы в пчелиные ульи.

Ночью город меняется. Теперь он похож на спину животного, черную от теней и шипов, а среди теней мерцают окна с оранжевым светом. Несколько ламп в нескольких окнах, и все смотрятся одиноко. Свет в основном тусклый, потому что главный огонь находится дальше, в печи, где готовится мясо, или в напольном котелке, где варят кофе. Дальше, в глубине города, огни даже и не мерцают. А далеко на севере, в центре Конгора, на вершине той самой высокой башни, статуя птицы, которая сидит на вершине, словно собираясь взлететь.

Башня Черного Ястреба – так называет ее кухарка, когда берет Соголон на улицу. Всё, что там помнится, – петляющая змеей дорога, такая широченная, что три повозки с одной стороны могут разом ехать против трех с другой, а затем она сжимается так узко, что местами протиснется разве что женщина. Покинуть квартал Таробе, который, как с гордостью говорит кухарка, в городе самый богатый, значит отправиться либо на юг, к пересыхающему руслу реки, где рабы добывают из грязи воду, смачивая в ней тряпки, а затем отжимая их над ведрами, чтобы отделить грязь, либо отправиться на север, куда глаза глядят. Путь идет по окраинной дороге вдоль Имперских доков, пока не выходит на другую дорогу, широкую и оживленную, которая манит в глубь квартала Нимбе, где ведется учет «всему, что ходит, плодится и гадит», как говорит кухарка. Соголон уже подустала, но кухарке, похоже, всё нипочем, ишь, какая неутомимая. Соголон приходится кричать, что она дальше пешком не пойдет, чтобы та свистнула

повозку, которая отвезет их через дорогу, мимо Черной башни в квартал Нимбе, где кухарка думает закупаться.

– Нам нужен новый масляный светильник, а если хотим сэкономить, то лучше два. Здесь, в Нимбе, лучший делальщик ламп и вообще всего, чего ни попросишь, – говорит она, хотя Соголон вовсе и не спрашивает. Ее занимает, что здесь стены высоки настолько, что солнце не пробивается на улицу. Из мыслей ее выводит шум спора: кухарка вздорит с торговцем насчет цены лампы. Оба бранятся, зовут в свидетели богов и грозятся их карами, пока кухарка наконец не говорит, что если иметь дело с плутами и разбойниками, то уж лучше тащиться для этого на север. Север. Туда они дальше и направляются, в квартал Галлинкобе, где большинство домов выглядят толстыми, приземистыми и одинаковыми.

А все люди здесь с одинаково нахмуренными лицами.

– Не говори хозяйке, куда мы идем, – наказывает кухарка, – и никогда больше сюда не возвращайся. – Она ведет ее за руку по улицам и хмурится, когда Соголон говорит, что прошло уже много времени, когда она была маленькой девочкой.

– Если я отпущу твою руку в квартале Галлинкобе, дом госпожи ты уже больше никогда не увидишь, – пугает она, оставляя Соголон наедине с колдовским зрелищем продаж, покупок, разгульного пьянства, ругани, хохота, раскатывания тканей, разделок туш, шествия знатных женщин с рослыми, как дубы, охранниками, торгов по сделкам и ценам и с предупреждением, что она может подвергнуться опасности.

Опасность там – в неизвестной глуши деревеньки, название которой у нее даже не отложилось, где трое братцев не чают с ней расправиться. Опасность – мужчина, приходящий к мисс Азоре насладиться Запретной Лилией; тот, которого она не успела опоить зельем, прежде чем он толкнул ее на кровать. Опасность есть в потустороннем мире, где, по словам братьев, истошно вопит ее мать, взывая к ним отомстить мелкой бесовке, что вылезла из ее ку и убила родительницу из своенаравия. Конгор? Да этот край просто чудо. Что и печалит Соголон, потому что она не хочет его покидать. Пусть даже хозяин шарахается от нее как от куклы вуду, что обжилась в его доме.

Госпожа лезет из кожи вон, пестуя ее, и заметно торопится. Соголон для нее та, ради кого она суетится и беспокоится; та, кого надо одевать в хорошую одежду, чтобы люди полагали, что она из хорошего дома. Кого надо наставлять, поправлять, хлопать по лбу, шлепать по задку, ругать, когда она разговаривает как какая-нибудь речная крыса из Миту – так ее, бывает, кличет хозяйка, когда узнает, из каких примерно мест девочка родом. Но ведь все понятно: хозяйка готовит ее к чему-то другому. *Кому-то* другому. Поэтому Соголон запоминает дни и начинает вести им учет. Двадцать и девять, вот уже и новолуние. Затем она заучивает луны и как их исчислять; радуется, когда одна уходит со счетов, и боится, что это последняя луна, которую она считает в этом доме.

– Стой прямо, как подобает женщине, а не какой-нибудь ленивой дурехе, – предостерегает госпожа Комвоно, когда замечает, что девочка чуть не падает, хотя ее падение происходит вовсе не от лени. Тем временем хозяин по-прежнему на нее не смотрит.

Но однажды ночью он спускается в комнатку рядом с поварней, где спят она и девушка-рабыня. Соголон не спит, хотя и делает вид; то же самое и рабыня. Он пытается ступать как можно тише. Идет на цыпочках, но на ногах тапки, которые пошлепывают по полу при каждом шаге. Он легонько тычет рабыню ногой. Та не двигается, и он тыкает сильнее, чтобы разбудить. Та с тихим стоном откатывается, но он подступает к ней и снова толкает ногой. Она в ответ сонно бормочет. Хозяин теряет терпение и задирает на себе ночную рубашку, под которой ничего нет, а в темноте под белым кажется, что там бестелесный призрак. Ткань рубашки спадает обратно, но он задирает ее снова. Хозяин опускается на колени и притягивает рабыню к себе. Она стонет, как будто снова хочет заснуть, и перекачивается на живот. Но он подтягивает ее ближе, задирает ее халат через ягодицы и снова поднимает свой. Слышно, как он чем-

то шлепает по ее коже и пристраивается к месту. Соголон тихо поворачивается; ей любопытно, делает ли он сейчас то, что, по его впечатлению, делал тогда с ней у мисс Азоры. Толчками двигаясь, он шумно, с напором пыжится, иногда приостанавливаясь стряхнуть что-то, колющее ему под коленом – может, какой-то камешек, – но рабыня не движется. Она помалкивает, а он пыхтит от усердия.

Город есть город. Там, откуда она родом, иногда шелест травы на ветру создает ощущение, будто земля распахивается тебе навстречу. Особенно когда рядом нет ничего, кроме дыры в склоне термитника, из которого выглядываешь наружу. В Конгоре ничего подобного нет, и когда Соголон не спится, она встает и смотрит в окно. Сонная улица безмолвна, но на дороге там всегда мальчишки, и вид у них такой, будто они куда-то собираются.

Кто в лохмотьях, кто вообще голышом, но все при соломенных шлемах, с налокотниками или поножами в яркой расцветке, бросающей вызов темноте. Причиндалы, которые ей знакомы и памятливы, хотя и непонятно почему. Но что-то воздействует на нее глубже, чем понимание. Что-то в мальчишках, расхаживающих по городу с важнецким видом, как будто они хозяева улиц, заставляет ее ощутить свободу, которая буквально омывает ей ноги, а затем резво уносится. Девочка выскакивает за дверь прежде, чем даже дьявол успевает моргнуть. Двери здесь без замков и сторожей, ибо защита этого дома – имя его хозяина. Проходит слишком много времени, прежде чем до нее доходит, что она не знает, куда идти или как вернуться.

Но она в квартале Таробе, откуда путь на юг ведет к руслу реки, а если двигаться в другую сторону, к Башне Черного Ястреба, то тогда она пойдет на север или на северо-восток. Ночные улицы Таробе освещены светом факелов. Но вскоре Соголон оказывается на незнакомой улице, где единственный влекущий ее свет – это белесая луна. Звук увлекает ее больше, чем зрение, потому что она догоняет мальчиков.

Башня Черного Ястреба становится заметно ближе, однако до нее все еще далеко. Соголон приближается к пространству, где днем шумит торжище, но сейчас оно заполнено головами и трепетным светом факелов. Она выходит из-за угла и видит играющий рыжими языками кострище высотой с дом, а также мальчиков. Но не они, не их сборище волнительно пронзает ей сердце, а эти боевые причиндалы на их головах, локтях и коленях, соломенные доспехи палочных бойцов. Соголон находится в проулке, что выходит на площадь с костром; крыши урезают лунный свет и отбрасывают на нее черное затенение. Она отступает от тревожно-изменчивых бликов огня и наблюдает за происходящим из темноты.

Юнцы с задиристым смехом прыгают, орут и улюлюкают, но не как ее братья, у которых каждое движение было помечено злобой. Здесь есть и мужчины – некоторые в одеяниях семикрылов, черных с белым исподом, другие в благородных агбадах¹¹; иные смотрятся как вельможи, другие как нищие. Но в основном здесь мальчишки, в большинстве своем голые или те, кто сейчас спешно избавляется от одежды, и почти все в доспехах для палочного боя. На ком-то вообще ничего, кроме слоя белой глины и цепочки на животе.

Присмотримся к этим юнцам. Вот один пытается сдержать другого, молотящего в запале палкой другого мальчугана, бьющегося уже с земли. Лоснящийся от пота молотильщик силен и проворен. У мальчугана на земле не защищены пальцы, и удар по костяшкам заставляет его выронить палку. Еще один удар по лицу, другой по щеке, и к ним подскакивает мужчина, обрывая схватку. Густая орава мальчишек взрывается одобрительным ором, подбежав, они поднимают победителя на плечи. Проигравшего перестают замечать.

Второй бой длится дольше, но всё равно слишком уж быстро. Ей мучительно хочется наблюдать за мальчиками, но это не единственное, чего она хочет. Жадно глядя на их прыжки, Соголон представляет, как и ее ноги отрываются от земли. Со сладостным волнением она глядит, как они замахиваются, бьют, гибко уворачиваются, отбивают встречные удары и снова

¹¹ Агбада – одно из названий «струящегося» мужского халата с широкими рукавами.

наносит свои, пока не брызнет кровь, и сама тоже замахивается в темноте, подпрыгивает, уворачивается, парирует и бьет, парирует и бьет. Это можно делать и в танце, и хотя это бои в кровь, в них есть своя гибкость, подъем и грация. Больше всего на свете Соголон сейчас жаждет ощутить у себя в руках палку – эту штуковину толщиной с большой палец, длинную как дерево, прочнее камня. О, как ей хочется пронестись с ней по пустой улице, на которой где-то за углом притаилось зло, и победно с ним сразиться! Вон еще одна схватка – и подпрыгивая в воздух, как тот незнакомый мальчик, Соголон там как будто подвисает.

Чтобы попасть домой, надо идти к югу, но улицы Конгора по этим правилам не играют. Дом она отыскивает только к полудню, и видит, что все там занимаются своими обыденными, скучными делами. Облегчение в ней сменяется болью, когда становится ясно, что никто по ней не скучает, никто ее не хватился. Что за место такое, где всё происходит без нее, как будто она здесь для всех пустое место! Впору просто закричать.

Как-то раз, проходя по прихожей, Соголон случайно слышит возбужденные голоса, доносящиеся из комнаты приема гостей. Обычно Соголон туда не заходит: ей известно, что все секреты дома сосредоточены как раз в этом помещении, всё происходит именно здесь; в частности, все тайные разговоры. Не то чтобы хозяйка и хозяин держат всё в секрете, просто дело в том, что никто, проходя по прихожей, не останавливается послушать, о чем там говорят господа. Зачем это, когда своих дел полно? Если бы кухарка когда-нибудь застала там Соголон, она бы просто вlepила ей затрещину и сообщила хозяйке. Интересно заведено у благородных: не им надлежит быть скрытными, а низшему сословию блюсти их тайну. Впрочем, сейчас это не мешает Соголон подкрасться и затаиться в уголке, чтобы подслушать.

– Как, ну как мне к нему пойти? Как это может выглядеть? – спрашивает хозяин голосом, дрожащим от негодования.

– Выглядеть для кого, муж? – спрашивает хозяйка. – В полдень на улице никого нет.

– Ты из себя строишь умалишенную или в самом деле рехнулась? В полдень на улице никого. Ты думаешь, я не хочу идти, потому что боюсь людей?

– Нет, муженек.

– Он еще и наказывает нас идти пешком, хотя знает, что у меня есть повозка, колесница и лошадь, лучшая во всем Конгоре.

– Живет он не так уж далеко.

– Да разве дело в расстоянии, глупая ты женщина! Он хочет, чтобы я притаился к нему пешком; хочет показать мне, что его дом в фаворе, а наш нет. Иначе этот ублюдок, семья которого даже не может считаться родовитой, не посмел бы позвать меня в свой дом! Словно ему мало такого укола, этот болотный угорь решил добавить новое оскорбление. Мы должны не только идти к нему в гнездо, но и влачиться туда пешком, как будто мы его слуги. Представляю, как вся его челядь ждет, чтобы увидеть это, разве нет? Уж он, наверное, созвал и друзей своих, и соседей, сказав: «Приходите, смотрите все! Глядите, как чета Комвоно ползет к моей двери с пылью на ногах». Как ты всего этого можешь не видеть?!

– Потому что я смотрю дальше этого. Сезон засухи скоро сменится дождями, а ты всё ревешь, как тебя тяготит жара.

– Не вижу в твоих словах никакого смысла, женщина.

– Путь вперед лежит и по ухабам, муж мой.

– Что?

Хозяйка издает громкий вздох. Соголон чувствует бремя этой женщины. Приходится напускать на себя глупость, чтобы возвышать глупца в его собственных глазах.

– Всё так, как ты говоришь, муж мой. Конечное назначение – вот всё, что тебе нужно видеть. Даже не смотри на тех, кто стоит сбоку на пути, потому что мы пройдем мимо них всех. А потому прогуляемся пешком, с нас не убудет. Давай пройдем мимо них всех, муж.

– У тебя всегда так много слов.

– Что именно он тебе сказал?

– Ничего он мне не сказал. Ты разве не слышала? Я больше не достоин его голоса. Он прислал лишь гонца. «У меня вам известие из дворца. Благоклонность еще может осенить семью Комвоно». Это семью-то Комвоно? Мой дед, можно сказать, в одиночку освободил Увакадишу, в пер...

– В первую войну. Да, муж мой. Может, в этом и суть проблемы.

– Гляньте на эту женщину. Она теперь заделалась провидицей!

– Муж мой, вы с ним оба немолоды, так что наверняка он помнит, как наш король захватил Конгор силой.

– И что?

– Фасиси – дворяне по происхождению, живущие среди конгорцев. А на этой улице живет несколько вдов.

– Не глупи, женщина. Присоединение к империи было лучшим, что могло случиться с Конгором.

– Но они не присо...

– Я говорю, не глупи. Конгор не Борну. Заносчивость того царства стерла его из памяти. Это же место не поднимало против Короля ни единого голоса. Между тем у этого куска шакальего дерьма не хватило даже уважения просто послать весть, что у него срочное дело. Он поделился этим со своим слугой. Прислал сюда гонца! Гонца!

– Этой вести мы ждем три года, муж мой. Кому есть дело, через кого она к нам приходит?

– Ты всегда должна выдавать свое низменное происхождение?

Соголон ждет от хозяйки быстрого слова, чего-нибудь короткого и резкого, как хлыст, чтоб заглушить слова, сходящие с его губ. Но ничего не происходит. В помещении становится так тихо, что можно подумать, кто-то из них ушел. Соголон вздрагивает от внезапной мысли, что кто-то подкрадывается к ней сзади.

– Что ж, муж мой. В следующий раз прикажи выпороть посыльного, если захочешь.

– Он будет не последним, кого я за сегодня выпорю, можешь мне поверить. Они обращаются со мной как с какой-нибудь выгнанной собакой. Да, именно! С какой-нибудь собакой, которую выгнали пинком.

– Муж мой, ты мудр во всем. Но если они хотят, чтобы мы были собаками, пусть мы ими и будем. Чтоб они не знали, когда мы укусим.

Еще одна пауза. Соголон чувствует: хозяин наконец-то слышит то, что он может использовать. О мужчинах она знает немного, но достаточно для понимания, что будет дальше.

– Они обращаются с нами как с безродными псами? Это то, что им угодно? Ну так будем же ими! Да почувствуют они, как этот пес рвет зубами и пускает кровь!

– Мой муж так мудр, – лукаво воркует хозяйка. – Явемся туда в белом. Возьми свой кинжал.

О том, куда идут, господа никому не сообщают.

– Если те люди низкородны, то мы еще ниже и не заслуживаем никаких отчетов, – говорит кухарка.

Соголон дожидается темноты, чтобы вновь отправиться на поиски юных бойцов на палках. Там из своего укрытия она выжидает, когда взрослый мужчина крикнет об окончании донги, и все расходятся восвояси. На этот раз ей несказанно повезло: кто-то оставил в грязи свою палку. Она подхватывает ее зачарованно, словно вор, не смеющий поверить в свою удачу. Понятно, что сейчас надо без промедления бежать домой, нестись во весь дух, пока тот забывчивый не вернулся. Но уйти Соголон не может. Низко пригнувшись – ни дать ни взять гепард в буше¹², – она гибко подпрыгивает в воздух, сражаясь с темнотой.

¹² Буш – обширные неосвоенные человеком пространства, обычно поросшие кустарником или низкорослыми деревьями.

Научившись именовать дни и считать луны, Соголон знает, что с тех пор, как она поселилась в доме, минуло четыре луны. Накануне она отсчитала конец очередной и сидит сейчас в гостиной, гадая, что принесет с собой нынешняя, Гуррандала, последняя в этом году. Шестью днями ранее солнце навлекло на Соголон тягость с опухлостью и кровью, что не доставляет ей ничего, кроме беспокойства, потому как даже в этом доме *лунная кровь* намекает, что ты служишь для продолжения рода.

Хотя хозяин на нее по-прежнему не смотрит, она не забывает слов хозяйки, сказанных с ее появлением в доме, – что, возможно, однажды появятся дети. Странности в поведении Соголон не укрываются от кухарки, но вместо того, чтобы спросить девочку, что с ней, та просто дает ей пучок листьев, давая знак помалкивать. Остается пережить и надеяться. Вообще у женщины много занятий, но как только появляется лунная кровь, все они сводятся к одному.

– Времени нет, – вздыхает госпожа. – В самом деле, на откорм тебя отдавать уже поздно, да и стара ты для этого.

Госпожа Комвоно отстраняет ее от кухни, сказав, что применение ее рукам должно быть более нежным. Это значит, расчесывать волосы госпожи. Волосы у хозяйки жесткие, хотя она считает их тонкими, и всякий раз, когда гребешок цепляется за узел, она шлепает Соголон по рукам. Но одновременно она находит дополнительное время на то, чтобы обучить девочку большому, а не просто тыкать, что она делает не так.

– Стой во весь рост, милочка, а бедро слегка изогни, вот так, будто думаешь пройтись, уперев руку в бок. А теперь иди. Ну-ка, сколькими пальцами ты берешь кусочек хлеба? Ох же дуреха. Двумя, а не тремя! Как зачерпывать мясо, ты хоть, надеюсь, запомнила? Я вроде тебе показывала, как есть козлятину и как отличать проваренную от той, что сыровата. Опустись на пол, девочка, коленки вместе. Да не становись на них, не сгибайся и уж точно не приседай, а то люди подумают, что ты собралась испражниться. Послушать тебя, так правильная осанка – сушая мука. Никто и не говорил, что это легко. Ты еще не знаешь, какую нагрузку придется терпеть твоим ногам, а уже ноешь, что затекли. Ладно, давай расчесывай мне волосы.

– Да, госпожа.

Посреди этого размеренного занятия хозяйка внезапно хватает ее за руку.

– Что там хозяин, поглядывает на тебя?

– Нет, госпожа.

– Как это так? Разве он к тебе не приходит? Ночами, деточка, приходит ведь?

– Нет, госпожа.

– Странно. Тогда интересно, куда он там шляется? Возможно, ты права. Вогнали мы его, видно, в смущение, вот он тебя и сторонится.

– Мне с этим что-то сделать, госпожа?

– Да боги упаси. Стыд и вина держат его в рамках приличий. – Она озорно смеется, а затем, уже серьезно, добавляет: – Но если он к тебе придет, ты ему не отказывай.

– Госпожа?

– Ты меня услышала. Этот мужчина твой господин. Не забывай об этом.

В первую ночь луны Гуррандалы она омывается, думая снова отправиться на уличную донгу. После знойного дня вода из бочки тепла даже глубокой ночью. Ни кухарки, ни рабыни здесь не было, так что умывальня пуста; три стенки тремя сторонами выходят на задний двор. Место устроено между амбаром и поварней, что означает многое; прежде всего то, что ни один мужчина не увидит женщину, пока она уединяется. Уж тем более хозяин, которому само положение вменяет никогда не приближаться к поварне или амбару. Госпожа Комвоно однажды сказала это вслух, и с той поры хозяин не приходит в комнату. Это Наниль под утро уходит куда-то в другое место. Хозяйка следит, чтоб в умывальне всё было красиво и по назначению: узор из золотых монет и ракушек, затем опять монеты, затем опять ракушки. Гладкий пол

вытесан из камня, а в верхней части средней стены, прямо над головой Соголон, торчит трубка из тонкого бамбука, по которой стекает вода. Она в ней моется дольше обычного, потому что час поздний и все вокруг спят. А закончив мыться, она видит перед собой зрелище. Саму себя.

Кухарка рассказывала, как больше семи лун назад хозяйка приобрела большущее серебряное блюдо, но не затем, чтобы подавать на нем трапезу. Блюдо обосновалось в умывальне, где женщина может вольно себя оглядывать. Соголон не может взять в толк, зачем женщине смотреть на себя во время мытья, но сама сейчас смотрит и еще долго после того, как вышла из-под струи воды, стоит и вдумчиво себя созерцает.

Мисс Азора, помнится, пеклась, чтобы ни в одной из ее комнат не было ничего, способного ухватить отражение, дабы мужчина, не ровен час, не углядел свою неказистость, не возроптал от вида своего дряблого тела либо тяжести своей вины. Но это место, хвала богам, от взглядов мужчин защищено. Поэтому Соголон пристально смотрит. Она приопускает голову, чтобы видеть волосы, длиной почти до плеч, которые она скручивает в пучки. Лицо, по которому она угадывает свой возраст, – правда, гадает не она, а хозяйка.

Кухарка говорит:

– Госпожа, ей наверняка едва ли больше, чем десять и еще один годик.

На что госпожа отвечает:

– Нет, ее ум слишком хитер для кого-то столь юного, но еще груб и неотесан. Чересчур много сердца и слишком мало ума, чтобы дать ей старше полутора десятка лет.

«Тогда десять и еще три», – шепчет Соголон своему мутноватому отражению. В тусклом свете факела разглядеть мало что можно. Силуэт, всё еще малознакомый ей самой, с плечами как у того юного бойца на палках. Узкая талия и узкие бедра – не такие, чтобы обещать мужчине восьмерых детей. Длинные ноги, готовые стремглав бежать без оглядки. Свет факела падает на грудь, смотреть на которую Соголон никогда не видит смысла, хотя часто ловит на ней взгляд хозяйки и подозревает, что та подумывает при этом о хозяине. Жаль, что не получается его вспомнить, или какие разговоры он вел в комнате, пока не уходил в сон.

Что-то прошелестело по двору, отчего сердце чутко подпрыгнуло. Кошка.

Так Соголон стоит и рассматривает себя. Проводит по шее, груди, касается ку и снова думает о словах госпожи. Притрагиваясь к каждому месту своего тела, она как бы спрашивает его: «Чем ты занимаешься? Ну а ты?»

Рабыня Наниль говорит, что ее тело предназначено для множества детей.

Кухарка говорит:

– Эта маленькая шлюшка уже начинает себя проявлять, но госпожа всё не гонит ее из дома, несмотря что хозяин того требует.

– Как так может быть, что женщина перечит воле своего мужчины? – недоумевает Наниль.

– Видать, потому, что воли у него нет. А в Фасиси, когда господа женятся, невеста по желанию может оставаться хозяйкой своему состоянию, так что у хозяина и руки короткие.

Три женщины. Госпожа, кухарка и рабыня. Соголон смотрит на всех троих внутренним взором и думает не столько о том, кто они, а о том, чего они хотят. Госпожа хочет, чтобы однажды пришла какая-то благая весть и она бы смогла вернуться в Фасиси, не потеряв лица. Каждый день она ждет этой доброй вести, прислушиваясь к отдаленному бою барабанов, наблюдая за мальчиками-посыльными, что снуют мимо ее дома; за голубями, что пролетают над головой, но всё не садятся на крышу. Кухарке подай одно: хлопотать на кухне да подсмеиваться над людьми. Чего хочет рабыня, она не знает. Чего хочет Соголон, она не знает тоже. Может, ей хочется выговориться, без оглядки побежать, взлететь по стене Башни Черного Ястреба, подняться на самый верх и узреть оттуда край света. Она говорит об этом кухарке – надо же хоть кому-то сказать, – а та лишь отвечает:

– Послушай, девочка, это потому, что за тобой нет ухода. Нет матери, которая тебя бы растила.

Соголон слушает, а сама при этом слышит: *матери, которую можно было бы спросить: «Для чего ты меня растишь?»*

Она смотрит на себя и вздрагивает от мысли: эти женщины вызывают в ней радость, что у нее нет матери.

Соголон думает о кошке, которая только что прошелестела через двор и живет лишь для того, чтобы есть да гадить, как хозяин. А у Соголон есть дырка в виде ку, и ему есть что туда засунуть. Детей хозяйка, судя по всему, не хочет, зато прекрасно знает, как они заводятся. У них с хозяином бывают яростные, посвященные этому ристалища, каждую четверть луны или около того. В других случаях хозяин наяряивает Наниль до тех пор, пока ей не надоедает и тогда она начинает ему неистово помогать, чтобы всё побыстрее закончилось. Соголон стоит в умывальне уже невесть сколько; ночь становится всё глубже, а темень гуще. Попытки думать о том, чего она хочет, перебиваются мыслями о хозяине. Ей хочется сняться с места, уйти. Она не знает, что бы это значило, но ей хочется уехать отсюда. Хочется, чтобы люди знали ее только по следу.

«Кто тебе сказал, что ты можешь хотеть?» – спрашивает голос внутри ее. Хотеть не может ни одна женщина в Конгоре. Однажды она слышала, как хозяин в гостинной рассказывает другому мужчине, что есть люди, которые бродят по краю Песчаного моря на лошадях и странных зверях и покрывают свои лица тканью, а руки – знаками ведьмы, и иногда мужчины могут любить мужчин, или зверя, на котором ездят, а иногда своих сестер. Ни одну землю там не называют домом, не сажают зерна и не строят хранилищ, и даже когда стоят на месте, всё равно медленно движутся. Вот так и Соголон. Медленно двигаться, даже стоя на месте, – это ей ведомо и знакомо. Она уже двигалась, бежала, уходила, возникала, исчезала, мчалась, шла, скользила – что это всё, как не движение!

Соголон не блудница; это она скажет любому, кто услышит. Но она подворовывает, и об этом молчок. Покидая мисс Азору, Соголон приносит с собой всё наворованное у мужчин, и едва не каждую ночь, когда Наниль уходит ублажать хозяина, достает мешок из того места, где он припрятан. Для этого надо поднять незакрепленную плитку на полу, в углу комнаты, где она спит. Под плиткой лежит кое-что из одежды, а поверх нее тряпка, заскорузлая от застарелой крови.

– Лунная кровь, – шепотом говорит она однажды рабыне, чтобы та или еще кто, кому она скажет, из отвращения избегали притрагиваться к этим вещичкам.

Женщины в Конгоре некоторые странные поверья почитают за правду; например, что если ты прикоснешься к лунной крови другой женщины, то будешь до конца дней бесплодна. А Соголон думает единственно о прожитых днях. С тех пор как она освоила счет дней, затем четвертей луны, самих лун и всего, что за их пределами, она уже ставит себя впереди этого; уже думает, что никто для нее ничего не сделает, кроме нее самой, несмотря на то что сама находится под сенью хозяйкиной доброты. *«Доброта»* – вот слово, которое использует хозяйка, но не Соголон. Она скорее под сенью господского удовольствия. *«Удовольствие»*, да, так будет точнее.

Жаркая ночь донги. Демоны жары, что прогоняют дождь и покрывают трещинами речное русло, обрушиваются на город еще до рассвета, а к полудню испариной покрываются даже дороги. День из тех, когда звери либо падают, либо бегут к мутной грязной воде, где людям больше ничего не остается, кроме как сидеть в тени и проклинать, что тень не блокирует вид незримого огня, от которого глаза у стариков закатываются под лоб и жизнь покидает их. Ночь не приносит ничего, кроме покоя, потому что с уходом света зной не спадает. Хозяйка уходит к своей сестре, а хозяин забывается сном только после того, как кухарка обтирает его настоящей на листьях водой, которая за несколько недель настоя стала терпкой подобно вину.

Остальная часть дома перебивается как может. По-настоящему никто не спит, но все заняты только собой и больше никем. Девочка заворачивается в одеяло и выходит через переднюю дверь в ночь, борясь с густым супом мутного воздуха, сквозь который бредет как в полусне.

Соголон занимает свое место. Пот струится по ее лицу и тунике, меж ягодич и вниз по ногам, вызывая опасение, что она сейчас истечет ручейком. Люди в истоме вытирают пот, что заливает и слепит глаза, и вся площадь дышит тяжким духом озлобления. Проходят три боя, два в стиле, именуемом «конгори», и один в «западном». Западный стиль ей по нраву меньше всего. Двое прыгают в круг и атакуют, хлеща и молотя, рубят и лупят, не применяя ничего кроме силы, пока тот, кто слабее, не хватается за окровавленный лоб и переключается с нанесения ударов на глухую защиту. Тот, что крепче, продолжает лупить, пока слабый не перестает ставить ударам преграду – и шевелиться. Тогда донга затихает, проигравшего утаскивают, а из угла раздается победный рев. Заметно, что крепыш выигрывает каждую ночь. Но приветствуют его только в одном углу, оттуда бегут, чтобы схватить его, усадить себе на плечи под радостные возгласы и крики. Вот из толпы выходит человек, которого Соголон прежде никогда не видела, и порывисто идет к центру площадки. Соголон, вопреки рассудку, подбирается ближе.

На мужчине синяя юбка, завязанная высоко на талии и ниспадающая ниже колена, его головной убор – львиная грива. Он гордо стоит и вещает на языке, которого Соголон не знает. Вот она уже ближе, среди каких-то мужчин в более темной части площади; при этом она по-прежнему с головой плотно укутана одеялом. Обратно в круг выскакивает крепыш и машет толпе, заводя, но крики и вопли доносятся только из его угла. Новый человек качает головой и скалится в улыбке. С собой у него две палки. Одна длинная, которую он держит посередке, другая покороче.

Крепыш кричит, что палок может быть хоть девяносто и девять, но поражение всё равно будет одно. В середину бросается судья, но крепыш отталкивает его с дороги, секунда – и он уже с воем колотит того нового. Хрясь, хрясь, хрясь, вверх, затем вниз по смельчаку, а тот блокирует удары одной рукой. Если только заблокировать, то это приводит к проигрышу, но новый лишь смеется, будто выигрывает. Вот он раскручивает палку так, что она расплывается, и каждый удар крепыша отскакивает и бьет его рикошетом по лицу, иногда по губам. Тот серчает, бранится, хлещет с размаха, больше наугад, но смельчак блокирует, отпрыгивает и снова блокирует, и пританцовывает. Крепыш взбешенно набрасывается и тут получает встречный удар по лицу, прямо той укороченной палкой, прямо по скуле у рта. Крепыш плюется кровью и, оторопело качнувшись, снова бросается в бой, быстрыми взмахами ударяя по земле, поскольку в основном промахивается. Новый герой прыгает, кружится, танцует вокруг него как назойливый комар. Крепыш тоже пытается крутиться, но уступает и дважды падает. Новичок поворачивается спиной и с видом победителя поднимает руки к толпе, и та ревет и беснуется, будто в самом деле признавая его победу. Слева от себя Соголон видит парня, который на нее пялится. Новый победитель впитывает аплодисменты, как земля впитывает жару.

– Ты летом в одеяло кутаешься? Жары, что ли, мало? – спрашивает какой-то вислогубый угрюмец, но она не отвечает. – Или ты для них приз? – не унимается вислогубый. Соголон молча отстраняется.

Новичок по-прежнему раззадоривает толпу, а толпа, как известно, любит тех, кто ей глянется. Крепыш меж тем встает. Даже Соголон думает: «Будь как лев в буше, дурень». Но крепыш, как видно, крепок в основном телом, а не умом; он с рыком бросается вперед, а новичок стоит и не двигается. Крепыш несется с палкой наперевес, как с копьем. Соголон ахает. Новичок даже не оборачивается, а стоит до последней секунды, после чего молниеносно падает наземь и сует свою короткую палку крепышу между ног.

Крепыш жестко падает на подбородок и не двигается. Шум, крики, улюлюканье, но он так и не шевелится, и свои оттаскивают его в угол. Никто, кроме Соголон, не слышит, как он орет, что не может пошевелить ничем ниже шеи. Она отходит, но видит, что за ней теперь

увязался тот вислогубый. Соголон срывается на бег и мчится по проулку, ныряет там направо, а затем влево, уже в другой проулок.

Дом встречает ее тишиной. Хозяйка еще не вернулась от своей сестры – видно, заночевала. Хозяин от своего лица, должно быть, возблагодарил богов за то, что ложе нынче принадлежит только ему. Но Соголон так возбуждена своим ночным походом, что сон ее не берет. В господском доме всего четыре двери: парадный вход, супружеская спальня, затем еще задняя дверь и хозяйская библиотека.

В спальне Соголон бывала уже не раз и успела изучить ее досконально – ничего особо интересного там нет, – а библиотеку как-то обходила стороной, но сейчас ночь, все спят, можно и зайти. Просторное пустоватое помещение, похожее на любую другую комнату в доме; вокруг всякие ткани и занавеси, пуфы и табуреты. Возле одного окна что-то накрыто белой тканью. Соголон известно, что это: кухарка говорит об *этом* всякий раз, когда желает, чтобы ей улыбнулась удача.

Соголон проводит рукой по холщовому покрывалу. Ладонь прижимается к скрытому под ней предмету, и сердце пугливо падает при мысли, что это может быть затаившийся неподвижно зверь. Соголон хватается за покрывало обеими руками и стягивает его. Кухарка рассказывала, что хозяин держит в доме *мбеле*. Завидя его, она отшатывается, потому что он в самом деле имеет сходство с животным: четыре мелкие кривые ноги, подпирающие округлое тумбовидное основание, как у молодого бегемота. При более близком рассмотрении ножки больше похожи на табуретные, но форма всё равно схожа с туловищем животного. У мбеле есть горб на спине и шишка на передней части, имеющая вид головы; голова эта покатая, как бугор, без каких-либо признаков звериной морды. Мбеле толст, с грубой шкурой, напоминающей потрескавшуюся под солнцем грязь или старую лысую кожу. Это не похоже на статуэтки, расставленные по дому, на фетиши или на тело божества в облике зверя. Мбеле выглядит так, словно некий бог был в процессе творения, но не завершил его. Судя по тому, с каким благоговением перешептывались о нем рабыня с кухаркой, Соголон ожидала, что это будет блистательно и ужасно – может быть, именно потому она к нему и притрагивается.

– Сила от него может тебя ослепить.

Соголон, крупно вздрогнув, отскакивает, но бежать ей некуда. В дверях стоит хозяин. Она склоняет голову и робко кланяется. Хозяин входит, не глядя на нее.

– Или поразить тебя безумием за одну лишь мысль ею воспользоваться.

Он подходит прямо к мбеле и поглаживает ему горб.

– Впервые здесь появившись, мбеле имел вид не более чем куска дерева, завернутого в ткань. А посмотри на него сейчас, а? Десять и еще девять лет приношений богам. Глина, песок, грязь, дерьмо и еще кое-что, о чем приличный язык даже сказать не поворачивается, – произносит он и смеется.

Это первый раз, когда хозяин вообще с ней заговаривает, и Соголон понимает, что лучше ничего не говорить. Даже просто «да, господин».

– Я... Я...

– Вот видишь. Ты воровка, была и есть.

– Нет, мой господин.

– Не хочешь ли ты умыкнуть для себя мбеле?

– Нет, мой господин.

– Ты ведь даже не знаешь, что это такое. Да и зачем оно тебе? Что значит предмет силы для того, у кого ее нет?

Хозяин снова его поглаживает.

– Попробуй уяснить своим скудным умом, – говорит он. – Ньяме¹³ мира, что входит и выходит из твоего носа при дыхании, что приносит дожди и засуху, дарует жизнь и забирает ее – всё это сосредоточено в мбеле. Боги смотрят на это и сжимают до нужного им размера, как гончар сжимает глину. Это сохраняет в безопасности дух, понимаешь? И это же удерживает ньяме для людского сообщества.

– Это не сообщество, а ваш дом, – говорит Соголон. Лунный свет падает на нахмуренный лоб хозяина.

– Не всё заслуживает принадлежать всем, – усмехается он. – Поди сюда.

Соголон немного смещается к двери, но останавливается.

– Я не повторяю команд в своем собственном доме, ты меня поняла?

Соголон идет, но останавливается, когда ее нога касается ковра, на полпути от его пальца, манящего подойти ближе.

– Как получилось, что я мог быть с тобой, если я тебя не помню?

Соголон не отвечает.

– Ты здесь уже так много дней как ручная зверушка моей жены, что, наверное, позабыла: блуд – главное твое ремесло. Как тебе, должно быть, повезло, что ты покинула мисс Азору прямо перед тем, как кто-то ворвался к ней в дом и убил ее, сломал шею, как какую-нибудь веточку.

Соголон тихо ахает. Она и не знала, что именно случилось с мисс Азорой в ту ночь, а спросить было не у кого. Хозяйке явно нет дела до того, что вытворяет ее цепное чудище.

– Ты та, кто хочет предстать перед мбеле. Так войди ж в его присутствие.

Соголон возвращается туда, где стояла перед тем, как он вошел. С той поры луна сместилась и теперь серебрит изваяние своим задумчивым светом. Хозяин велит ей прикоснуться к горбу на кожистом выросте. Пальцы оттуда возвращаются влажными.

– Козья кровь по всей спине, а еще куриная. Ты понимаешь? Ты не можешь добавить сюда ничего, что не было бы жертвой. Чтобы взять что-то от него, ты должна ему дать, а что ты ему дашь, ты должна взять у себя. Что ты собираешься к этому добавить? – спрашивает хозяин.

Соголон смотрит расширенными глазами.

– Думаешь, твой взгляд и есть ответ? – усмехается он.

Она поворачивается обратно к мбеле. Хозяину она говорит, что могла бы отлучиться в поварню и вернуться с несколькими орехами кола, которые пожует и плюнет ими на мбеле; говорят, некоторые боги воспринимают это как подношение.

– Эти орехи куплены на мои деньги. Как это может считаться твоей жертвой? – ворчливо спрашивает он. Соголон отступает от мбеле, и хозяин отступает на шаг вместе с ней.

– Всё, что заботит твою госпожу, это чтобы ее снова призвали ко двору, понимаешь? Всё, ради чего она живет, это чтобы однажды королевский дом Акумов явил к ней благосклонность. Не важно, что отвержены мы именно из-за ее ядовитого рта.

Соголон берется за ткань, чтобы прикрыть фигуру мбеле.

– Оставь так. Иди вон.

Соголон поворачивается, чтобы как можно скорее уйти.

– Постой, – велит хозяин. – Еще кое-что. Вода для мытья снаружи, у амбара. Неходи сюда больше, когда от тебя несет донгой.

«Не подавай виду, что тебя трясет. Тебя трясет, но не подавай виду», – стиснув зубы, снова и снова внушает она себе.

– Взгляни на меня и на мое расположение. Я ведь с тобой, можно сказать, даже добр. В первый раз, когда ты отправилась, я последовал за тобой. А может, это было уже во второй раз, в третий или даже в десятый? Первое, что шепнул мне мой разум: «Посмотри на эту сучонку,

¹³ Ньяме – слово, в ряде африканских культов обозначающее имя бога; «всеведущий, всемогущий небесный бог».

как она изнывает от желания утолить свою похоть». И гляди-ка, где я тебя нахожу! Теперь мне даже не нужно за тобой следовать – тыходишь сюда, воняя мужиками.

Соголон стоит, замерев, и не оборачивается.

– Тебе нравится наблюдать, как мужчины набрасываются друг на друга, словно дикие псы? Это то, что тебя возбуждает, девочка? Любопытно, как на тебя воздействует мужчина, на котором нет ничего, кроме его самого?

Соголон не оборачивается.

– Я тебе сказал: убирайся.

Она не успевает сделать и пяти шагов, как ее сзади сбивает удар по затылку. Хозяин сбрасывает свой резной амулет, а затем кидается на нее, не давая опомниться, хватая за плечи и рывком переворачивает на спину. Голова чудовищно кружится. Хозяин что-то говорит, но изо рта выходит подобие рычания.

Голова Соголон откидывается назад в ту секунду, когда он хватается за ее нагрудную повязку, чтобы сорвать. Ему не удается, и он яростно дергает снова и снова. Соголон пытается его оттолкнуть, но он дает ей пощечину. Она задыхается, думает закричать, но он хрипит:

– Закричишь, сучка, вышвырну на улицу еще до восхода солнца, ясно?

Она поджимает ноги, но он, одной рукой сдавливая ей шею, с помощью другой руки и ног силится раздвинуть путь к низу ее живота. С измученным хныканьем она вырывается и высвобождает руку, чтобы расцарапать ему шею. Он снова с рыком ударяет ее по лицу. Удар оглушает, и довольно надолго. Она всё еще вяло пытается его оттолкнуть, перевернуться, но он уже задирает на себе ночную рубашу, выпрастывая наружу свой стержень.

– Не противься, передо мной тебе не устоять, – самодовольно говорит он и вонзается. Соголон зажимает веки и изо всех сил думает о чем-нибудь самом громком, самом диком, самом необузданном.

Буря с изжелта-серыми тучами, бурлящими как коровье молоко в кофе. Ливень, что раздражается и затапливает пастбище. Ветер, который вначале свистит, затем воет, затем уже вопит, а затем сметает прочь деревья, дома, землю, синь неба, грязь и Башню Черного Ястреба, срывая с фундамента статую и запуская каменную птицу в полет.

Открыть глаза ее заставляют звуки немощного кашля. Ветер, шепчущий демон, взлохмачивает на табурете бумаги, вздымает парусом наброшенный на изваяние холст, после чего мягко падает и проскальзывает мимо фигуры мбеле, ускользая через окно.

Прямо напротив распластался хозяин – голова под потолком, спина притиснута к стене, ноги раскинуты в стороны. Руки подрагивают, цепляясь ладонями за воздух. А грудь ему пронзает обломок балки, острый как наконечник копья.

Три

Bezila nati. «Они скорбят вместе с нами». К вечеру следующего дня старшая сестра госпожи Комвоно откладывает множество дел, завершения которых от нее ожидают боги, и предлагает свою щедро открытую грудь своей скорбящей сестре. Эта сестра приземиста там, где хозяйка высока, и толста спереди, как хозяйка сбоку, так что любой, кто посмотрит на нее, скажет: «Хвала богам за то, что они благословили тебя еще одним ребенком». У хозяйки детей нет, поэтому сестра производит на свет аж девятерых, все мальчики – старший чешется головой о дверную притолоку, младший оставляет детскую неожиданность в любой из комнат, куда заходит. Трое из шестерых ревут, двое из троих орут, восемь или девять верещат, четверо или пятеро хохочут, и по крайней мере десять раз сердитый голос им кричит: «А ну хватит!»

Все это помимо горя – однако каждому в доме сестра хозяйки дает понять, что пришла, дабы разделить бремя скорби своей сестры. А какое это бремя, известно одним богам, ибо только они знают, насколько тяжело она загружена. Вот почему она каждый день требует фуфу¹⁴ как из батата, так и из подорожника; три вида супа, по утрам двух цыплят, а также свежую козлятину и пшенную кашу, потому как все ее мальчики, кроме одного, вкус сорго на дух не переносят. И не вздумайте подавать это слишком горячим, иначе схлопочете оплеуху, или чересчур холодным, иначе вас ущипнут – чтобы еда была, по словам кухарки, «тепла детских ссанок», и тогда все вдесятером будут счастливы, что и вправду так. Сама же хозяйка не ест ничего.

Госпожа Комвоно была второй, кто увидел тело после того, как рабыня на рассвете, прокравшись из комнатки при поварне в библиотеку, где у них обычно происходят встречи с хозяином, вдруг своим визгом всполошила весь дом. Хозяйка по приходе домой от сестры, где было прохладней, но невыносимо шумно для сна, когда все девять чад просыпались по очереди и задавали ночи жару, тотчас направляется в комнату, откуда слышны вопли, надеясь застать своего мужа за чем-то ужасным, на что у него хватает смелости только в ее отсутствие, чтобы затем ему это предъявить. Кухарка и мальчики-близнецы подоспевают как раз вовремя, чтобы схватить госпожу за руки, пока она не грохнулась в обморок. Госпожа Комвоно визжит, голосит, плачет, воет, плюется и смеется над своим мужем – и всё это в манере, неподобающей благородной даме. Так говорит кухарка, замечая, что всего луну назад сама госпожа сказала бы примерно то же самое о ком-нибудь другом.

С обнаружением господского тела кухарка берет на себя верховодство всеми делами по дому, без указаний госпожи этим домом заправлять. Конец суе наступает в полдень, когда прибывает сестра госпожи с криком: «*Что там с моим шурином?!*» Хотя никто в доме не помнит, чтобы ей посылались хотя бы весточка. Первое, что делает сестра, именующая себя «дамой госпожой Моронго», – распоряжается, чтобы тело перенесли из гостиной в одну из задних комнат, куда никто обычно не заходит. В конце концов, не держать же покойника в семейных покоях, тем более что в нем дырка.

Госпожа Комвоно большую часть дня проводит в постели, и ей не хватает воли сказать своей сестре и девяти племянникам, чтобы они молчали – вы, мол, нарушаете мое горе. Кухарка начинает беспокоиться о том, что ее госпожа ест всё меньше и меньше, а через два дня хозяйка вообще перестает принимать пищу.

– Ай-ай, какой конфуз, – сокрушается ее сестра и добавляет: – Ну, раз так, дайте миску поглубже моему средненькому. Он вечно обойден вниманием со стороны старших и младших, так пусть хоть еда не пропадает даром.

¹⁴ Фуфу – традиционное блюдо Западной Африки; жидкая паста или каша из корнеплодов, с добавлением различных специй.

В ту ночь кухарка идет к хозяйке проведать, не захворала ли та от горя, и застаёт ее крепко спящей, но не на супружеском ложе, а на полу. Думая, что госпожа упала, она спешит ее разбудить и поднять обратно на кровать. Но хозяйка отбивается и говорит, что на полу прохладней.

– Но в комнате и без того нежарко, госпожа, – замечает кухарка, – зачем вы ищете, где еще холоднее?

Она смотрит на пол и видит там подголовник и всякое белье, разложенные в виде постели.

– Там на кровати дух, – отвечает госпожа Комвоно. – Кончина была нехорошей, и теперь он у меня в постели. Прошлой ночью даже залез мне под ночную рубашку.

Кухарка выходит за рамки своего положения и говорит, что, возможно, ей, должно быть, лестно сознавать, что даже с того света ее супруг по-прежнему испытывает к ней столь неистовое желание, на что хозяйка отвечает:

– Я не говорю, что это был он.

На следующий день сестра вразвалку заходит в поварню и, обмахиваясь веером, спрашивает, что теперь делать: бедная женщина разговаривает сама с собой. Один из близнецов говорит:

– Может, она так общается с предками? Наверно, беспокоится о безопасном переходе своего мужа. В смысле, в потусторонний мир.

– Именем богов больших и малых, кто позволил этому недоростку разговаривать со мной? – негодует сестра.

– Это колдовство и магия, – говорит рабыня, и эта мысль поселяется в доме.

Кухарка заявляет, что ни за что не оставит хозяйку в незащищенном состоянии, потому что такая неверность выйдет ей боком и отравит поиск новой работы. Рабыня не может уйти, потому что принадлежит семейству Комвоно. Мальчики-близнецы просто отказываются уходить, хотя спят даже не в доме – вместе с лошадьми, а Соголон некуда податься. Библиотеку закрывают сразу вслед за тем, как близнецы перетаскивают хозяина в гостиную. Каждый на свой лад ждет дурных знамений и зловещих чудес, но ничего не происходит.

Никто не звал, но является судья с двумя помощниками, вид у которых такой, будто их яйца давно облысели, но они всё еще ждут там волос. Хозяйка с ними разговаривать не в настроении, ограничивается фразой, что имя Комвоно уж наверняка дает ей уединение, чтобы оплакать мужа. Кухарка не в настроении смотреть, как незваные гости переворачивают всё в доме вверх дном, особенно когда первое из их деяний – нечаянно опрокинуть *боле*, а потом чесать в затылке, почему он не разбился.

– Ладно. Преступление – не лодка в ночи, – бодрится судья, – незаметно мимо не проплывет.

– Хорошо, тогда изловите демонов, что пригвоздили его под потолком, и прогоните их, коли уж вы такие вьедливые, – говорит ему кухарка.

Всем в этом квартале известно, что судья настолько же труслив, насколько глупы его помощники.

– Я с этим домом еще не закончил, – объявляет он, хотя с ним самим всё явно кончено, потому как больше он ни разу не объявляется.

Еще через пару дней съезжается родня со стороны жены и мужа – числом столь великим, что дом разбухает и лопается; кое-кому приходится искать жилье поблизости, а другие клянут всё и вся, грозясь уехать домой. Дама госпожа Моронго причитает, охает и раздает проклятия, ведь единственное, о чем она печется, это благополучие сестры, а эти поналетели будто нелюди: тащат всё, что плохо лежит, жрут как не в себя, спят так густо, что ступить негде. Но голос дамы госпожи в доме теперь тонет, так она жалуется кухарке. У госпожи Комвоно общим счетом три сестры, и все прикатывают со своими большими семьями, а у хозяина помимо трех сестер еще и три брата, которые являются с целым сонмищем детей и внуков. Это ошеломляет кухарку,

которой приходится звать на подмогу двух женщин, прежде в доме госпожи Комвоно никогда не бывавших.

Семья хозяина явно отличается от семьи хозяйки. Тут-то становится ясно, что они – род древний, потому что подобающим образом держатся. Ходят с высоко поднятой головой, как будто не смотрят вниз даже затем, чтобы посчитать деньги; несмотря на всюду расставленные табуреты, сидят на корточках. Все, как один, поджарые и все с хитрецей, как хозяин, будто что-то утаивают, даже друг от друга. Старший брат, притащивший с собой пятерых детей, уже взял на себя проведение обрядов. Младший, ни с кем не советуясь, решает, что хозяин умерщвлен через колдовство, и едва найдя рабыню, тащит ее прямо на середину двора, чтобы пороть, пока не сознается. Одному из близнецов он велит связать ее травяной веревкой, несмотря на брыкания, мольбы и выкрики.

– А ну признавайся в ведовстве! Признавайся, кому говорю! – орет он.

Он дважды ожигает ее хлыстом, пока сестра не кричит ему, чтобы он остановился. Брат орет, что это мужское дело и нечего сюда соваться, на что сестра заявляет, что это дело для мужчины с умом, а он его за годы ни разу не проявил.

Брат хватается палку и идет к своей сестре, будто думая поколотить и ее.

– Да мой муж тебе хребет одной рукой сломает, кусок ты собачьего дерьма, – говорит та вполне громко, так, что слышит весь дом, которому сейчас особо нечем заняться. Многие встают.

– Но у кого еще есть причина идти против своего хозяина, кроме рабыни? – спрашивает брат и хмурится. Он всё еще думает отыграть себе победу в споре. – Вон та девчонка-палка? Она, может, знает колдовство?

– Колдовство? Да малышка даже читать не умеет, – поддевает его сестра.

– Вы что, думаете, брат сам пронзил себя? – продолжает дознаваться младший, показывая, что он здесь, похоже, единственный, кто обеспокоен сомнительной смертью своего брата. – Может, вы тут все хотели, чтобы он умер? – горько язвит он.

– Может, мы ждем расследования судьи, братец.

– Судья уже приходил и ушел. Об этом на всех рынках судачат.

– Тогда, может, он это дело и решит.

– Вопрос пока без ответа, сестра, – говорит он.

– Если ты всё еще не понял, что она делала в библиотеке твоего брата до того, как петушок прокукарекал, то неудивительно, что у тебя всего одна лялька.

– Должно быть, сестрица, ты это по своему опыту кувыркания говоришь, коли думаешь, что это стало причиной его смерти. Кого же он пёр, летучую мышь?

Брат отпускает рабыню, но никак не вопрос. Требуется не так уж много времени, чтобы по улице разнеслась весть о том, что в доме Комвоно обитает нечистая сила. Особенно когда слух пускается с легкой руки младшего брата.

– Одна из тех сук в доме занимается черной магией, – говорит он столбу, который спяну принимает за молчаливого собеседника. – Убери от меня свою вонючую лапу, – одергивает он одного из близнецов, который пробует его увести.

За счет умершего брата он созывает в дом жрецов фетиша и оракула ифы¹⁵. Они подметают библиотеку вначале глазами, затем метелкой, собирая пыль, клочки бумаги, завалившиеся монетки и вообще всякий безымянный сор, на котором могло высохнуть то, что излилось при соитии мужчины и женщины. Не забывают и про засохшую на полу кровь.

Также они отрезают клочок волос Наниль и просят что-нибудь из ее одежды, но у нее есть лишь та туника, что на ней. В придачу они забирают несколько драгоценных книг хозяина,

¹⁵ Ифа – магическое знание обо всех вещах во Вселенной, в прошлом, настоящем и будущем.

не поясняя даже зачем. Библиотека – единственное помещение, в котором нет людей. Когда братья решают, что пришло время умкафо¹⁶, младший, чертыхаясь, говорит:

– Что толку посылать весть предкам, если никто не может им сказать, где его душа или куда она направляется?

– Тогда не произноси и речей на обрядах, – говорит старший брат, и мужчины покидают дом.

А Соголон тем временем обретается в амбаре, подальше от людских глаз. Никто ее не зовет и потому не видит темной опухлости под ее глазом. Свою циновку она постелила в уголке таком укромном, что уместиться там можно, лишь свернувшись калачиком, как младенец. Здесь она натягивает платье себе на голову, нижнюю часть тела отдавая мухам и колким зернам, отчего оно немилосердно чешется. Никому она не нужна, а в особенности хозяйке, которая не покидает своей комнаты и лежит на полу.

Из заточения ту выводят только сестры, которые изредка врываются в комнату с двумя ушатами воды, говоря: «Не хочешь вообще ничего? Пожалуйста, коли ты так решила, но сначала ты у нас помоешься!» Сестры и невестки хватают ее, как лесную дичь, и раздевают, а та бьется и кричит. Всё, что остается Соголон, рабыне и кухарке – безропотно смотреть, пока они не закрывают дверь, чтобы ни один мужчина или женщина низшего сословия не видели, как нечистота и горе принижают женщину.

На восьмую ночь Соголон вскакивает как от толчка. Она переворачивается на спину и выглядывает в окно. Дом полон, но все в нем спят. Сон сражает всех, даже обезумевшую от горя хозяйку, но не Соголон.

Вон она, выходит из амбара во двор и видит, что спят даже куры. Если пробраться коридором на другую сторону, пригнувшись там под окном поварни, то попадаешь к тем же воротам, куда выходит задняя дверь и оттуда можно бежать. *«Бежать, но куда?»* – спрашивает в голове сторонний голос. *«Бежать не куда-то, а от чего-то»*, – говорит еще один. *«Бежать, пока они не выяснили. Бежать, потому что скоро они узнают»*. Снаружи проскальзывает ветер подобно шепоту на диковинном языке, подслушанному из другой комнаты. Он чем-то похож на хихиканье, затем кудахтанье и, наконец, на рычание, и вот она чувствует, как вокруг начинает шевелиться грязь и дрожать зерно. Грохот, треск, от которых зевом открывается воронка и поглощает Соголон целиком.

Просыпается она оттого, что ей трудно дышать. Соголон закашливается в темноте. Она лежит на циновке в амбаре и видит, как рыжеватым огоньком оживает поварня. Рассвет. Только тогда Соголон вспоминается, что заснуть она не может не по своему хотению, а потому, что не осмеливается.

Вскоре после полудня на дворе появляются мужчины с несколькими старейшинами и коровой. Корову забивают прямо там же, на дворе, давая крови течь куда она захочет; возможно, это послание от бога суда и мести. Младший брат указывает на струю крови, бьющую в сторону кухни, и говорит:

– Я уже устал вам доказывать, что колдовство исходит оттуда.

Но мужчины за своим занятием его не слушают.

После того как корова забита, ее кромсают на мясо, рубят кости и варят всё это в трех котлах без соли и специй. После этого каждый, связанный с покойником узами родства или закона, ест. Люди сидят на полах в доме, на дорожках, на земле двора и снаружи на улице. От ужасного вкуса они шипят и хмурятся, но помалкивают из боязни разгневать предков, которые сейчас наблюдают и судят как живых, так и мертвых. Кухарка, рабыня, слуги и Соголон просто наблюдают.

¹⁶ Умкафо – погребальный обряд с целью сохранить связь между умершим и потерявшими его живыми, чтобы он мог затем вернуться и общаться с ними как предок.

Тем же самым днем между женщинами вспыхивает перепалка.

– Усмирите ваших чад, не гневите духов, – требуют сестры госпожи, у которых детей поменьше, даже если сюда приплюсовать даму госпожу Моронго с ее девятью.

– Это мы-то – «усмирить»? Да это ваши самые громкие, самые взбалмошные, самые избалованные и драчливые! – отвечают им женщины Комвоно, сестры и невестки хозяина.

Дама госпожа Моронго взывает к порядку, говоря, что покойный еще не ушел, а когда он несет послания предкам, его поведение привлекает духов. Кроме того, всем известно, что злые духи любят кучковаться именно на похоронах. На что сестры хозяина отвечают:

– Вы все такие же тупицы, как ваши мужья. Да зажгите в каждом окне по фонарю, и никакие злые духи сюда не сунутся, вот и всё.

Тогда дама госпожа Моронго, подбочившись, встает перед сестрами и невестками Комвоно и, шаркнув по грязи ногой, как лошадь копытом, громко фыркает.

– Это кто здесь тупицы? Да у вас еще волосы где положено не проросли и титьки не вспухли, когда ваш брат женился на деньгах и собственности моей сестры! – восклицает она. – Комвоно легендарный клан воинов, но те войны давно закончились.

Это больно задевает всех Комвоно, потому как громкое имя – это всё, что у них есть.

– Вы все просто боитесь, что у ваших детей есть глаза, которыми они могут видеть то, чего вам не разглядеть, – язвят они.

Сестра, глянув через двор, замечает Соголон и окликает ее – в первый раз, когда кто-либо из родни с обеих сторон обмолвился с ней хотя бы словом.

– Эй, ты! Да, ты, вся в зерне, которое мне скормливает эта стерва кухарка. Сколько тебе годков?

Соголон растерянно стоит возле амбара, чувствуя на себе взгляды, и не знает как быть.

– Вы это мне, госпожа?

– Ну а кому ж еще, чудная? Сколько тебе лет?

– Десять и еще три, госпожа.

– Хм. – Она дает этому вопросу умереть, прежде чем перейти к следующему. – Получается, ты еще дитя. Скажи-ка мне, детка, скажи всем этим драгоценным мудрейшим дамам, ты не замечаешь здесь по ночам каких-нибудь духов? Тебя кто-то из них беспокоит?

Соголон внимательно оглядывает сестер и невесток, родственников по линии хозяина и хозяйки, не разбирая, кто из них кто. Четверо с одной стороны, трое с другой, и все похожи друг на друга больше, чем хозяин с хозяйкой.

– Нет, госпожа, никого не вижу, – отвечает она.

Хотя всё, что она делает, это наблюдает. А затем смотрит за самим своим наблюдением; всматривается вплоть до выявления корневой сути того, что подчас не ее ума дело. Так, через два дня она узнаёт, какой брат и какая невестка, какая сестра и какой зять меж собой ближе, чем те или иные супруги в своей венчанной жизни. Всё свое время она проводит, глядя наружу, и в этой по-прежнему прибывающей толпе всегда отыскивается кто-то новый, кого можно понаблюдать и поизучать своим внутренним взором. Однако для нее эта причина не основная. Уже через два дня больше ничто не вызывает в ней любопытства ни к этим людям, ни к их миру, и всё же она не спит ночами до рассвета, а в дневную пору чувствует себя вялой.

Соголон приглядывается к себе в предвкушении перемен, потому что знает, что они грянут. Может статься, они уже здесь, изменения в ее голосе, походке, мимике, когда люди задают ей вопросы. Ей неведомо знание, что находится в одной комнате, видеть, как смерть приходит и уходит, унося чью-то чужую жизнь, тебя в каком-то смысле пятнает, метит. Это ощущается ею иначе. Иногда возникает тяжесть, подобная той, что случается с ее телом раз в две четверти луны, лунная кровь. Хотя не совсем так – оно наваливается как быстрая болезнь, задерживаясь дольше, чем хотелось бы, а затем уходит по своему усмотрению. Соголон не может описать этого даже себе самой. Не жар, но ощущение, что тебе медленно обжигает голову; не

боль, но что-то определенно саднящее, больше похоже на беспокойство, гнусное, неотвязное. Редкостно неудобная штука, когда не можешь решить, мысль это или чувство. Словно что-то сидит в затылке, примерно как в первый раз, когда кто-то дал ей кофе. Да, пусть будет кофе. Неловко сравнивать с чем-то настолько легким, но с чем еще? Ночами оно усугубляется; голову охватывает сбоку, зябко проходит по плечам и дрожит на кончиках пальцев, вызывая желание разрезать кожу и выбраться из нее. Этого хочется так сильно, что, кажется, Соголон готова содрать ее с себя как шкурку плода. Только так она и может думать об этом; о ползучем жаре, который не жар, о боли, которая не боль, о безумии, которого, собственно, и нет. Просто это... да кто ж его знает. Никакие размышления не проливают на это свет. Соголон видит в поварне огонь и дерзко думает, а не сунуть ли в него руку – не чтобы серьезно обжечься, а причинить себе примерно такую боль, чтобы этот ночной ползучий побег, как она стала его называть, уполз восвояси. Вышибить клин клином, так сказать. Когда братья забывали ее покормить, голова иной раз взлетала в неизъяснимой муке, словно злясь на саму себя, и всё, что оставалось делать, – лупиться головой о стенку термитника, опять и опять, пока одна боль не одолевала другую, и тогда, случалось, пропадали обе. Ползучий побег в голове вызывает острое желание от него избавиться. Но нет, она знает, что это не пройдет никогда. Оно является к ней из вечера в вечер и лишает сна, иногда утром, за собиранием зерна или при виде одного из братьев хозяина, а то и просто без причин – например, когда она замечает у себя в тунике дырку или видит закат не с оранжевым, а с багряным оттенком.

Девочка отсчитывает дни. Разум возвращает ее в библиотеку, где она касается *боле* и отводит руку, измазанную козьей кровью и куриной тоже. Разводы крови стекают по стене. Взгляд кочует туда, откуда он пришел, затем в сторону, вверх, и постепенно, как сквозь туман, перед взором проступают его ступни, голени и затем ночная рубашка. Из груди торчит заостренная балка, руки раскрыты широко, как для объятий, и неподвижные глаза, безжизненно устремленные куда-то вдаль – смотрят, но не видят. Соголон слишком напугана, чтобы назвать его по имени или позвать на помощь. Она поворачивается к проему, а он заходит нахмуренный, томясь желанием сделать свое дело и надеясь, что она уйдет прежде, чем он будет вынужден ей приказать. Он входит и замечает ее. «*Ты воровка, была и есть*», – бросает он с презрением. И вот он уже, распластанный, висит на стене. Его пустые глаза заставляют Соголон задаться вопросом, что он наметил на тот день, что собирался делать с восходом солнца, как сейчас, где бы он был около полудня. Когда человек гибнет, ты убиваешь и его будущее тоже. Хотя она никого не убивала. Ей нужно было выйти из комнаты и вернуться обратно, стереть каждый свой шаг, сделанный там, отменить свое присутствие. Но, не дойдя до дверного проема, Соголон снова останавливается.

Хозяин, скованный неподвижностью. Соголон гадает, что же ее ждет в конце этого дня, как вдруг у неживого подергивается левая нога, затем правая. Затем он приподнимает голову и пытается закричать, но изо рта изливается кровь, густая как мед. Голова конвульсивно дергается, руки судорожно трепещут. Соголон бежит.

Снаружи во внутреннем дворе, прямо возле входа, она всем телом подается вперед, и ее начинает неудержимо рвать; вытащивает всё дочиста, и всё равно продолжают рвотные спазмы. Ближится рассвет, ничто не может задержать наступление следующего дня. Соголон, едва желудок более-менее успокаивается, спохватывается, что скоро появятся люди, которые никогда не пробуждаются раньше ее, но всегда встают первыми, чтобы улизнуть и заняться кое-чем с хозяином, если тот сам не приходит за этим ночью. Соголон спешно ногами набрасывает поверх блевотины грязь и бежит обратно внутрь. Там она прокрадывается к своей постели и укрывает простыней пыльные ноги. Отвернувшись от рабыни, Соголон смотрит туда, где пол сходится со стеной, и ждет, когда рабыня зашевелится. Вот она тихонько отряхивает пыль с ночного белья, пытается бесшумно пройти к лохани с водой в поварне, опускает руку в воду, не желая, чтобы слышались всплески, и обнюхивает себя; нюхает еще раз, под мышками, и

вытирает их, а за ними грудь, ноги и ку; прихватывает свою постель, сворачивает ее и подходит к шкафу, осторожно открывает створку до первого поскрипывания, закрывает, выходит на цыпочках из комнаты. Ее неслышная поступь становится еще тише по мере того, как она отдаляется, пока звук не смолкает окончательно; Соголон считает ее шаги, которых не слышит, и задается вопросом, сколько шагов надо сделать до восточной части дома, если она движется постоянно или приостанавливается, потому что Наниль всегда осторожничают, чтобы никого не разбудить; затем считает, сколько шагов от наружного прохода до внутреннего, мимо гостиной и еще одного ответвления в супружескую спальню; мимо нескольких потрескавшихся плиток, которые хозяйка всё никак не добьется от хозяина заменить, и, наконец, останавливается перед библиотекой. Должно быть, Наниль постукивает в дверь своим тайным стуком, затем переживает два вдоха, может, три. Она не смотрит никуда, кроме пола, а дойдя до места, задирает на себе тунику, опускается на колени, с них на четвереньки, и ждет еще три мгновения, может, четыре. Соголон всё так же лежит на боку, на полу, глядя туда, где пол сходится с потолком, и ждет. Она удивляется, почему этого до сих пор не происходит. Может быть, в комнате плохая видимость или там творится что-нибудь еще? Или вообще всё просто кажется? Но тут Наниль заходится воплем. Вопль – один, и другой, и третий, а Соголон остается неподвижной, лишь слезы текут из глаз. Наниль все кричит, потом мертвое затишье. И вот быстрый скрип открывающейся двери, которая громко стучит о стену.

– Что за бесовщина творится в моем доме? – недовольно бурчит хозяйка. – Я этой чертовой кукле сейчас устрою, а вместе с ней этой... – Хозяйка осекается. Соголон ждет, и это происходит. Теперь хозяйка кричит и визжит, и снова кричит, и вот уже частые тревожные шаги шуршат по коридорам. На улицу за помощью выбегают близнецы. То чувство вновь переполняет Соголон, и она, вскочив, выбегает на улицу как раз вовремя, чтобы разблестаться в арочном проходе.

Весь тот день хозяйка рыдает. Чуть за полдень она вызывает к себе Соголон и говорит:

– Ну-ка развлеки меня тем, чему ты научилась у себя в буше.

Соголон в замешательстве. Она говорит, что не из буша, на что хозяйка возражает:

– Тогда почему ты всегда пахнешь высокой травой? – и хохочет заливисто и громко, хотя Соголон смешным это не находит. Раньше от нее пахло грязью, а теперь она пахнет любым цветком, какой только удастся найти, но никогда не травой.

– Развлеки меня-а-а! – вдруг заходится воем хозяйка, падает со стула и остается на полу, пока ее не поднимают прибежавшие на крик кухарка и один из близнецов.

– Ты почему не пособила ей встать? У-у, бестолочь, никакого с тебя толку, – ругается кухарка.

В течение трех дней от запаха, исходящего из комнаты хозяйки, свербит в носу.

В библиотеке ей делать было нечего – совсем. Хозяин имеет полное право находиться в своих покоях, она – нет. Тем не менее она вошла туда по собственной воле, что сделало ее предметом господского внимания, подобное должно было исходить от хозяина, а не от нее. Но если бы хозяин к ней не прикоснулся, он бы сейчас расхаживал по дому как ни в чем не бывало, по-прежнему обходя ее стороной. Голос, похожий на ее собственный, напоминает, что хозяйка велела ей ему не отказывать.

Если бы она не зашла в ту комнату без разрешения, как завзятая воришка, там бы не было никого, кто мог соблазнить хозяина, кроме Наниль.

«Ты навлекаешь зло на себя и на него. Закрой свой рот, пока он показывает тебе, для чего нужны твои дырки, и просто тверди себе: «Да, это и есть мой удел. Для этого я и создана».

«Нет. Я ничего не делала, это сделал ветер. Просто ветер».

Время размышлений превращает Соголон в полено. Она даже не видит, что стоит в поварне, пока кухарка не кричит ей на ухо:

– Прочь с дороги, дурища! Ты разве не видишь, что все здесь своим горем заняты?

Как раз в этот момент в поварню шаткой поступью заходит хозяйка, а за ней на крике всплывает ее сестра. Хозяйка едва держится, в безумных глазах потерянности, как будто она смотрит и видит вчерашний день. Она чуть не падает, а схватив Соголон за тунику, чуть не валит ее вместе с собой на пол.

– Это ты убила моего мужа? Говори правду! Правду, правду! Это ты? Ты убила моего господина? Ты, ты!

У хозяйки дурно пахнет изо рта. Держащая ее Соголон часто моргает, и по ее лицу текут слезы. Хозяйка отстраняется и хватается за кушачку.

– Это ты убила моего мужа! А ну говори правду! Я приказываю! Это ты убила? – требует она ответа. При этом она хватается за кушачку и пытается ее трясти, но у той мощная фигура, и встряхнуть получается только платье. Наблюдая, как госпожа смотрит на кушачку, Соголон понимает, что она не требует, а молит. Хозяйка от нее отцепляется и выходит на улицу, где замечает одного из близнецов. Две сестры готовы ее схватить, но этого не требуется. Руки у хозяйки опускаются, и она, поникнув, возвращается к себе в комнату.

Почти разом происходят две вещи: похороны хозяина и вызов к королевскому двору. В ночь похорон Соголон просыпается и видит, что фонарь в ее окне погас. Утром в день обряда сестры наряжают госпожу в черное, она должна носить этот цвет в течение девяти лун. Ближе к вечеру мужчины возвращаются с еще одной коровой и забивают ее прямо там же, на дворе, давая крови течь, куда она хочет. После того как корова забита, ее кромсают на мясо, рубят кости и варят всё это в трех котлах с солью, гвинейским перцем, чесноком, сумбалой и арахисовым маслом. Затем каждый, связанный с покойником узами родства или закона, ест. Люди сидят на полах в доме, на дорожках, на земле двора и снаружи на улице. Аппетитно причмокивая, они восхищаются чудесным вкусом и воздают хвалу хозяину, который теперь стал одним из предков, наблюдая и вынося суждения как о живых, так и о мертвых.

Жрец окропляет всех родственников освященной водой и натирает травами, чтобы отогнать крадущиеся за ними тени, иные, чем те, которые отбрасывает тело.

Но ни Соголон, ни кушачка, ни кто-то из работников участвовать в пиру не приглашены, потому что они не «кровь», то есть не сродники.

– Оно и хорошо, – говорит кушачка. – Их бесы – им их и отваживать.

– Дом Комвоно восстановлен в монаршей всемилости, – сообщает добрую весть отрок-говец с непомерно широкой улыбкой. Слова он произносит так, будто не знает, что говорит и кому, и это правда. Он не знает, что прибыл в дом в разгар траура, а известие сообщает первой встречной девчонке. – Боги да принесут вам утешение, – добавляет он перед своим скорым уходом, всё это время глядя в потолок, будто ловит там наблюдающего за ним злого духа.

– Передай мне всё, что он сказал, – требует госпожа Комвоно, и близкие изумленно наблюдают, как ее траурное настроение вмиг перегорает, как пущенный по бушу огонь.

Первое, что она делает, это прогоняет из дома всех, кроме своих работников.

– Сестра моя, а как же насчет тех, кто пришел издалека? – спрашивает дама госпожа Моронго.

– К тебе, сестрица, это не относится: ты живешь выше по улице, – отвечает хозяйка. – В общем, к полудню все должны уйти, поскольку я возвращаюсь в положение хозяйки дома.

Сестры и невестки воспринимают это как печаль. Зато братья и зятья вздыхают с заметным облегчением, потому что духи по ночам посещают их и теребят между ног; того и гляди согрешишь не с тем полом.

Сестры хозяйки одна за другой ехат отказываются, говоря:

– Дорогая наша сестра. В *укузиле* ты пробудешь девять лун, а может статься, даже год, если предки не примут твоего мужа в одночасье. Женщина в укузиле не может делать то, что

ождается от женщины, носящей красное или желтое. Боги требуют, чтобы ты не была смелой в деяниях или помыслах. Тебе нужны твои сестры, – говорят они. Женщины рода Комвоно говорят то же самое, но еще добавляют:

– Надо бы также посмотреть, что нам оставил наш дорогой брат.

– Укузила не связывает ни рук, ни ног, ни даже рта, – говорит она своим сестрам. – А вы, пиявочки отродья, забываете, что тот, у кого есть богатство, в тризне не нуждается, – говорит она сродницам из Комвоно, и по ее лицу видно, что на родню она смотрит как на сборище кровопийц. В тот же день они готовятся съезжать.

Соголон даже не верится, что ее госпожа могла вот так прийти в себя всего за несколько струек песочных часов, хотя еще накануне не могла даже выйти из комнаты, чтобы помочиться. Разум предусмотрительно возвращается к госпоже в вечернем часу, как раз когда сродники по крови и закону собираются отправляться на своих ногах, лошадях, повозках, колесницах и караванах. А на выезде вдруг видят воинов-семикрылов и наемников службы Черного Ястреба, которые, стоя у ворот, бдительно проверяют всех и каждого на предмет воровства.

Весь остаток вечера слышны стук и звяканье золота, серебра, железа, камней и слоновой кости, изымаемых из воровской поклажи, а хозяйка зловеще смеется и восклицает:

– Нет, вы гляньте! Вы поглядите! – словно бы кто-то наблюдает вместе с ней, стоя у окна.

Госпожа Комвоно теперь поглощена приготовлениями и подготовкой. Глашатай не оставил ничего, кроме следа своего голоса с сообщением, что господин и госпожа Комвоно приглашаются милостью Превосходнейшего Кваша Кагара, короля Фасиси, императора Северных Земель, регента Территории Долины, а также имперского клирика Божественных Областей Земли и Неба, на аудиенцию, разумеется, по его королевскому благоволению.

Госпожа Комвоно не дура, она знает, что «его королевское благоволение» – это разом и приманка и ловушка. Его благосклонность может меняться по прихоти, и путешествие из королевской резиденции в королевскую темницу может быть в пределах мановения пальца. Или же благоволение может состоять попросту в том, чтобы их так подразнить, сказавшись чересчур занятым, чтобы кого-то видеть. Их, потому что она не посылает вести о том, что господин мертв.

Ибо у Короля, чья кровь смыкается с божественной линией небожителей, крайне мало времени на глупые дела смертных. Да и кто она такая, чтобы полагать, что у нее было право ссориться с Королем или с кем-либо еще в доме Акумов? Эти слова госпожа адресует комнате как раз в тот момент, когда туда входит Соголон. Она ошеломлена. Госпожа воркует голосом почти девичьим, как будто хочет кому-то приглянуться, но не знает, что ей делать. Она, кстати, еще не рассказала, за что ее сослали из дворца.

– Господин, видите ли, пользовался у нее симпатией. Ей нравилось, как он называл ее «милашкой». Не симпатичной, как женщина, не красивой, как лошадь, какой она, безусловно, и была, а миленькой, как маленькая девочка. Потому она, должно быть, с ним и хихикала. То, что она сказала мне, было жестоко. А то, как она со мной поступила, было еще жестче.

– Кто, госпожа?

– Конечно же богиня любви и поэзии – о ком еще я могу говорить, как не о Сестре Короля, ходячая ты дурашка? Когда я была у нее во фрейлинах, она всегда меня костерила, называла растяпой, говорила, что я даже задницу подтираю ей медленно.

Соголон девочка, и по ее разумению, горе похоже на то, как если бы нести на спине дом, поэтому у нее вызывает недоумение, как хозяйка не прогибается под такой тяжестью. Может, она скрывает это? Или же большая женщина способна нести на спине горе размером с дом, а вместе с ним всё остальное тоже? Соголон дивится, как ей это удастся, потому что ее собственный разум дает сбой почти каждую ночь. Ей кажется, что она блуждает в джунглях сновидений, но ночь переходит в утро и оставляет ее с ощущением, что она либо так и не

просыпалась, либо вовсе не спала. Горе и вина смешиваются, превращаясь во что-то вроде комка под кожей, в нечто чудовищное.

В ночь перед тем, как они отправляются в Фасиси, к ней возле амбара подходит Наниль, но не поворачивается лицом. Довольно дерзко для рабыни – вот так разговаривать со свободным человеком, пусть даже с никчемной девчонкой-подкидышем.

– Я знаю, что это ты, – говорит она. – Я это точно знаю. Хозяин спустился в библиотеку, ожидая меня, ведь больше никому там делать нечего – ни жене, ни кухарке, ни тем более мальчишкам-близнецам.

Соголон думает сказать что-нибудь резкое: «*Закрой рот, невольница, пока хозяйка не позволит тебе его открыть*». Она уже приоткрывает губы, готовая вымолвить эти слова, и вдруг, оглядевшись, не видит вокруг ничего, кроме пустынного двора. Должно быть, это ее собственная голова бежит от нее прочь, не иначе.

По прошествии еще двух дней сборы закончены, и они с караваном отправляются в Фасиси. Прямо на окраине города им попадается судья, который вслед кричит, что всё помнит и как-нибудь вернется к ним в дом.

– Отправляйся туда прямо сейчас! – кричит в ответ хозяйка. – Но если ты не выяснишь, кто... нет, *как* убили моего мужа, я выхлопчу указ у самого Короля, чтоб тебя высекли!

Они едут. Королевский провожатый каждое утро сообщает хозяйке, сколько дней пути остается до Фасиси. Прошла четверть луны, впереди еще целая, если на то будет воля богов. В караване идет и едет то, что хозяйка взяла с собой, – корова на еду, барашек на угощение. В сундуке под четырьмя замками она хранит шелковую ткань из страны, где люди держат у себя в волосах червей, прядущих нить. Соголон однажды видела, как хозяйка открыла сундук, и оттуда выпорхнуло что-то бело-лиловое, настолько нежное и легкое, словно собиралось улететь. Госпожа сказала, что настанет день, когда самым вожденным блаженством на свете будет ощущать на себе шелк. А еще ткани укура и асо оке¹⁷, лазорево-синие, а также бутылёк мирры, которой госпожа нет-нет да себя помажет; леопардовые шкуры, золотые самородки – на всякий случай их госпожа засунула себе между грудей со вздохом, надеясь всё же с ними не расстаться, – а еще обезьяна, которая раньше забавляла хозяина. Из людей с госпожой один из близнецов, трое семикрылов, которым заплачено серебром, королевский провожатый впереди каравана, ну и Соголон.

Она едет в хвосте каравана, утопая в подушках, коврах, шкурах и мехах, которых много даже для такой особы, как она. Повозка напоминает шатер на колесах, стены покрыты орнаментами, где читаются все известные племена и народы: тут тебе и гангатом, и луала-луала, и речной народ Увакадишу, и многие другие, что выше Песчаного моря. Дух благово-ний внутри настолько густой, что щекочет ноздри. Два окна с обеих сторон бо-льшую часть дня остаются закрыты, но открываются при восходе, закате или всякий раз, когда хозяйка чувствует, что в шатер не задувает пыль. Ест она мало, и уж точно не много из того, что по вечерам на разведенном рядом костре готовит близнец. В основном просто пожевывает ломтики сухого мяса и фрукты, которыми кухарка снабдила Соголон для хозяйки, а иной раз ограничивается одним вином. Иногда во сне она разговаривает с хозяином и спрашивает, отчего его хер торчит дальше, чем та балка из груди. Единственное, что она еще делает, это смотрит на Соголон. Каждый раз, когда та поворачивается взглянуть на хозяйку, едва различимую во всех тех тканях и мехах, хозяйка уже смотрит на нее неотрывно и долго. Соголон не знает, что означает это выражение лица. Похоже, ей известно, что девчонка – причина ее горя, даже если не ясно, как там все произошло. Из-за этого Соголон не спит с той самой поры, как они отправились в путь. Она лежит на боку в дальнем конце шатра за занавесками, которые хозяйка не велит задергивать. За спиной у нее камень со множеством зазубренных краешков, для того, чтобы

¹⁷ Укура, асо оке – ткани ручной работы, созданные народом йоруба в Западной Африке.

уколоть себя, если забудется сном, что с ней иногда случается среди дня. Хозяйка смотрит на нее так, словно это замечает.

– Чего ты такого боишься, что не смеешь заснуть, – что сон развяжет тебе язык? Злой язычок, что живет внутри тебя, но никогда по-настоящему не повинется. Чего-то он ждет, чтобы поведать мне, лживые твои глаза?

Соголон уклоняется от ответа, пока не осознает, что все эти разговоры происходят у нее в голове.

Третья ночь третьей четверти луны. При свете фонаря девочка видит, что хозяйка вновь неотрывно смотрит на нее. Разговаривать с найденышем она не в настроении, но всё равно хочет, чтобы ее желания были ясны. Соголон открывает короб с дверцами как раз в тот момент, когда шатер подпрыгивает на ухабе, отчего и девочка и содержимое сундука летят в сторону. Слышатся чертыхание близнеца и смех едущих рядом семикрылов. Соголон прячет еду обратно в сундук и подносит госпоже бурдючок с вином, но та всё так же на нее смотрит. Сейчас она, несомненно, раздражена, но всё же не настолько, чтобы начать распекать недотепу.

Лавируя на тряском дне шатра, Соголон пробирается к хозяйке. Она думает подать ей бурдюк с вином и тут видит, что глаза женщины хоть и распахнуты, но она в глубоком сне. У мисс Азоры для такого рода вещей было свое объяснение. «Бог, наблюдая, что человек делает ночью, загладевает его сном и глаза использует как оконца». Наутро госпожа говорит:

– Это уловка. Нюхом чую.

– Госпожа?

– Вся эта церемония с милостью, приглашением вернуться – уловка, чтобы меня оконфузить. Ты не знаешь ее уловок, Сестры Короля, глупая. Она же принцесса Йелеза; даже не знаю, как она себя еще именует. Особы королевских кровей по-королевски велики в своей мелочности. Боги знают, что с нее это станет: заставить меня проделать весь этот долгий путь для того лишь, чтобы выставить меня посмешищем при дворе.

– Тогда зачем же вы так хотели ехать, госпожа?

– Что? Ах она паршивка, да как она смеет задавать мне такие вопросы? Как смеет даже помыслить об этом? Нет, ты несносна. Да-да, просто несносна. Точнее не скажешь. Надо было всё-таки тебя высечь.

– Молю вас о прощении, госпожа.

– Вот-вот, молиться и надо, хотя толку-то мне с этой твоей мольбы.

Она смотрит на Соголон так, словно только что заметила ее присутствие.

– Нет, надо было всё же отправить тебя в приют на откорм, чтобы ты могла стать нормальной женщиной. Подучили бы тебя танцам и рукоделию, может, даже пестовать детишек. Ну куда тебя девать, с этой твоей неотесанностью?

– Госпожа...

– Притомила ты меня, девочка. Иди гуляй куда-нибудь.

Соголон неспособна даже скрыть, насколько ее это печалит. Один из погонщиков снимает половину поклажи со своей запасной лошади и дает Соголон на нее взобраться. Вербкой эта лошадь привязана к одной из повозок, так что заняться Соголон нечем, но всё равно это ее первая поездка на этом звере. Она собирает воедино всё, что чувствовала однажды и чего хотела бы снова. Получается: ощущать руками шелк, ездить верхом и думать, что она свободна.

Время близится к ночлегу. Караван останавливается на открытом пустынном пространстве, без деревьев, и ночью холод пробирает до костей. Хотя Соголон укрыта двумя одеялами, она всё равно лежит под открытым небом, вместе с другими, посторонними мужчинами. С каждым днем приближения к Фасиси хозяйку пробирает всё большее беспокойство. Фасиси не похож на большинство мест Севера; здесь каждый обычай связан с благородством человека. Выходя в Фасиси замуж, женщина сохраняет за собой богатство и власть, которую оно дает.

Даже король, когда решает стать богом и присоединиться к своим царственным предкам, передает корону первенцу мужского пола из дома своей старшей сестры. Может, именно поэтому хозяйка, казалось, тосковала по Фасиси даже больше, чем хозяин, и сильнее, чем он, жаждала туда вернуться. Тем не менее она всё еще удивляется, иной раз даже вслух, зачем их вообще вызвали обратно. Хозяйка не раз говорила, что, разумеется, Король со своей Королевой пригласили их не только затем, чтобы слушать пустые словеса хозяина. Неизвестно, с каким бременем всё это сопряжено. Или что хуже, секрет или ложь. Если секрет скрывает достаточно правды, чтобы из-за нее история предстала в ином свете, то разве это не та же ложь? Хозяйка изгоняет Соголон спать с мужчинами и насекомыми, но она всё равно жалеет хозяйку и корит себя за то, что способна кого-то жалеть.

И теперь, когда Соголон с рассвета до заката находится под открытым небом, путь в Фасиси являет ей то, чего она прежде никогда не видела. Дорога то появляется, то исчезает. Иногда по половине дня она безупречно вымощена камнями, но сразу после этого не остается ничего, кроме грязи, песка и колючего кустарника. В другой раз, когда они выезжают на участок старой дороги, погонщики говорят, что всё это часть старого царства, еще задолго до Фасиси, когда никто и на свете не жил. Они проезжают селения, гнездящиеся по склонам холмов, с мелкими домишками из камня и глины, под соломенными крышами и без дверей.

Проезжают селения, которые выглядят так, будто все люди здесь убежали или вымерли. На повороте с двумя тропами впереди провожатый кричит, что держаться надо вдоль реки, так как это самый прозорливый способ избежать разбойников. Семикрыл кричит, что готов к любому бою, на что провожатый говорит:

– Ну так иди и сражайся, а мне Король отдал приказ доставить груз живым и невредимым.

Хозяйка, слышащая это из окна, шипит на слово «груз» так, чтобы тот услышал.

– Гостей, – поправляется он.

Они тянутся вдоль реки и минуют стены Джубы, где через каждые несколько шагов стоит лошадь с седоком, одетым в доспехи, как воинский эскорт.

А этот провожатый!.. Семикрылы даже в самый жаркий день одеты в черные туники с синими кушаками, и бо́льшая часть лица у них сокрыта. Этот же смотрится им полной противоположностью. Во-первых, он почти весь в зеленом, на спине у него бронзово-черный щит. А на его боку Соголон замечает длинный клинок – ятаган, с которым она вскоре научится обращаться. Зеленая кольчуга, зеленая туника, кожаная перевязь и длинный, струящийся зеленый плащ, в который он кутается, как хозяйка в свои одеяла. Огненно-золотистые волосы и косматая борода; лицо худое и с полными губами, придающими вид скорее улыбчивый, чем нахмуренный, а голос подобен течению реки. Такие к мисс Азоре не навешиваются. Соголон смотрит на его лицо, как бы заостренное; в этой бороде есть что-то озорное или даже смешливое. Это не тот человек, который ходит в дома терпимости, потому что это просто *не его*. Красивый? Соголон едва знает это слово или как его использовать. Иногда она специально смаргивает, но всё, что видят ее глаза, это его волосы, скулы и губы, кожу, подобную кофе с молоком, как раз в нужной пропорции, веселые, смелые глаза. Смеются ли они и тогда, когда остальная часть его лица этого не делает? А усмешка в них, не адресуется ли она ей – даже когда он отворачивается, чтобы вести караван? На своем речном маршруте процессия дважды останавливается. Первый раз – дать отдых лошадям, а второй ее останавливает госпожа, потому что иначе они доберутся до Фасиси слишком рано, что будет «непоправимой потерей лица», ее фраза, слово в слово. Оба раза тот человек моется, хотя никто другой этого не делает.

– Водица здесь – лучше не бывает, – говорит он Соголон, идя к берегу. Говорит это ей, которая все свои годы приноровлялась оценивать слова мужчин только на предмет подвоха и опасности.

– Я не купаюсь, – произносит она.

Он смотрит на нее безо всякого разочарования и говорит как равной:

– Дело твое.

Не задумываясь, что его видно, он раздевается. Соголон поклялась бы любому, кто спросит, что выглядит наоборот: одежда слетает с него будто сама. Мужчины, которые приходят к мисс Азоре, выглядят как мужчины, которым нужно именно ее заведение, а не мальчишки, что выигрывают донгу. Мальчишки из донги напоминают темные лоснистые палки с длинными тонкими руками и ногами. Этот же выглядит так, словно его одежда совершает злодеяние одним лишь тем, что скрывает его. Широкие плечи и тяжелая мускулистая грудь, тонкая талия канатоходца и толстые ноги молодой лошади. Соголон знает, о чем подумает сейчас, и хочет встретиться с этой мыслью до того, как та достигнет ее головы, чтобы пресечь ее, но терпит неудачу. Член, который втайне хочется увидеть на таком вот теле. Свисающий поверх яичек, толстый, упругий, не торчащий впустую.

Он поднимается из реки и у берега потягивается, затем идет, совсем не глядя на Соголон, ибо уже забыл, что она рядом. Но она смотрит, как мужчина идет, и с него капает вода, а она после стольких лет в доме терпимости и не знала, что, когда мужчина движется в одну сторону, его член движется в другую. Вверх и вниз, покачиваясь, как будто танцует под ускоряющуюся музыку. В доме терпимости есть только два вида члена, буйный и вялый, и ни тот ни другой девушек не радует. Но провожатый либо не видит ее, либо забывает, что она здесь, либо такая прогулка для него ничем не отличается от пробуждения или оплаты пива. Оплаты пива, да. Соголон задается вопросом, всегда ли он с ней, этот стыд за тело. Не может быть, она по рождению не из таких. Будь он проклят, этот дом терпимости, за то, что дал ей то, чего от такого места никогда не ждешь! Скрамность. Соголон пытается увязать у себя в голове мысли, которые идут вразброд. Он встает и протягивает руки, словно приветствуя уходящее солнце.

– Что ж, Соголон, – молвит он, и девушка чутко вздрагивает. – Разве это не твое имя?

– Ну а чье ж еще, – чужим голосом отвечает она, отворачиваясь от него всей своей головой и гадая, откуда у нее взялось такое движение.

Он к ней не оборачивается, а его ягодицы, мускулистые и более темные, выглядят так, будто они – центр тяготения, сводящий воедино эти своенравные руки, ноги и спину.

– Ты не думаешь покататься на этой лошади, или тебя устраивает, что это она едет на тебе?

– Что?

Провожатый поворачивается к солнцу спиной. Вода словно не мыслит разлуки с его кожей – вон как она пытается удержаться на нем подольше. Соголон не знает, кто за нее думает, но произносит вслух:

– Слушай, лучше остановись-ка.

Он подходит к ней, и что он там говорит? Подходит к ней, а она не может поднять глаз на его лицо, но смотреть вниз едва ли лучше, потому что взгляд сейчас приходится между двумя сосками и катается вверх-вниз по стиральной доске, которая на полпути, а внизу волосы, которые чем ниже, тем курчавей и дорожкой вниз, вниз...

– Хочешь прокатиться? – спрашивает он.

Соголон превращается в палку, просто в палку, и всё.

– Там у нас, в хвосте, еще одно седло. Пристегнем его к коню, а сверху пристегнем тебя. К седлу, не к коню. Девушка должна же уметь ездить верхом, как думаешь?

– Не знаю.

– Никогда не знаешь, когда может понадобиться сбежать. Лошадиные ноги быстрее твоих собственных.

Провожатый снова улыбается. Соголон думает, что седло он замышляет прицепить прямо сейчас. Научить ее прямо сию минуту. Схватить ее своими могучими руками и посадить верхом, как будто она не тяжелей тростинки.

– Завтра, – говорит он и идет к своей одежде.

Значит, Фасиси.

Четыре

– Итак, великий бог неба, что плачет дождем, правит молнией и рычит громом, имеет двоих сыновей. Один у него от солнца, и когда возлежали они, свет огненный вырывался при соитии из глаз их, и то небо, что серое, становилось лиловым, а из него синим. Второй же у него от луны, ибо ночь сменяет день, и бог в обнаженной тьме своей имел соитие с белой луной и обращал небо в серебро. Когда возлежал бог неба с одной, другой ничего не говорил, ибо их неприязнь меж собою глубока и беспрестанна; и если видеть солнце, столь полновластное днем, а ночью луну с ее сотнями мерцающих деток, то скоро можно постичь почему. Солнце и луна вынашивали свои разбухшие животы четыре года, и едва не падали с небес, ибо непомерна тяжесть ношения плода от тех божественных соитий. Но так как с богом они знали не в одно и то же время, то обе и не ведали, что разом носят от него во чреве своем. Мир был настолько нов, что многим вещам еще не было названия, а поскольку не было, то никто и не мог иметь их в виду. А вещи те огонь, нагота, изумруды и морские звери. У богов, творящих прекрасный и ужасный мир, тогда не было времени, потому что его они тоже пока не нарекли.

Солнце и луна разрешились бременем в один и тот же день, и обе передали сыновей своих богу, ибо ни одна не нашла бы место для материнской заботы: солнце постоянно стоит на страже земли, у луны же своих чад в избытке. «Дитю потребен от тебя мир», – говорили они богу, хоть и в разное время, в разных с ним покоях.

Ни одна не пожелала вскармливать дитя и морить голодом вселенную, ибо вселенной и дитю потребно одно и то же. Бог неба нарёк сыновей своих Думата, что значит «свет огненный и лиловый», и Дурара, что значит «кожа приходящего с ночным дождем». Но и бог был подобен человеку, которого еще не создал, и сыновей своих возвращал дикими и необузданными, то есть не воспитывал вовсе.

Вскоре пришел час, когда отроки стали носиться по его царству, грохоча с силой такой, что тучи разверзались и в сверкании несметного числа молний убивали всё, что лежало бы под деревьями, если б деревья и им подобное могли тогда существовать. Они донимали солнце, которое в гневě подожгло небо, а затем досаждали луне, которая всё более хмурилась и пряталась за тьмою, так что двадцать и еще восемь дней спустя полностью сокрылась на четыре ночи. О, сколь лютое бедствие сеяли те отроки!

И тогда великий бог неба, что рычит громом, правит молнией и плачет дождем, низверг двоих сыновей своих в мир. «Низринул вас, но не зовите сие изгнанием. Да не вернетесь более никогда на небеса!» – наказал он им вослед и ноги их для верности сковал тяжким грузом. Послал он сыновей с тремя вещами, но поскольку у тех вещей тогда не было имен, ни одна из них к этой истории не относится. Думата, что от солнца, упал на севере, а Дурара, что от луны, на юге. Встать здесь было негде, ибо такого места еще не создал бог, потому оба достали нечто из сумы и посыпали вниз прежде, чем спуститься с высот. Где упал Думата, там земля была желта, тверда и блестела при свете дня. Думата нетерпелив, и не было у него времени ждать благоволения богов, потому он сам нарек ее золотом. Дурара же припал на землю твердую и белую, что ошибочно принял за застывшие облака. Твердь сия бледна была и скудна, и не давала отблеска. Растянувшись на животе, Дурара высунул язык, дабы лизнуть ее, и вкус у нее оказался весьма приятен. Дурара, хоть и от другой матери, нравом был един со своим братом, и тоже сам нарек ту землю, дав ей имя соль.

Вышло так, что два сих отрока стали мужами, а затем королями, Король Золота и Король Соли. Оба тучнеют и впадают в жадность, оставляя почти все себе и ничего не оставляя людям, которые ныне разбросаны по всему свету. Но золото и соль – это больше, чем золото и соль, ибо золото – это всё, что красиво, а соль – всё, что полезно. И хотя Север – прекрасные земли, с прекрасными богатствами и прекрасным королем, более красивым, чем его Королева, там не

так уж и много полезного, даже пищи; всё, что там есть, всегда выглядит красиво, но на вкус одинаково. Однако на Юге нет ничего великого, так как нет у них там ни единой вещи, которая б не была пущена на пользу. В королевстве нет ничего, на что можно было бы смотреть, восхищаться и любить, даже короля. Не то чтобы король был уродлив, просто никто в этих землях не видит ничего, кроме употребления глаз на то, чтобы видеть, ушей, чтобы слышать, носа, чтобы обонять, а рта, чтобы говорить. Даже соитие предназначено там лишь для размножения, а не для услады, вот почему его, принижая, называют «срамным» и «свальным». Что же до пищи, то она удовлетворяет вкус и делает отроков сильными, но люди там, прежде чем положить пищу в рот, закрывают глаза.

Голос разума вопиет: Север мог бы многое получить от Юга, а Юг – от Севера. Торговля – то, за что ратуют многие, но короли выполняют предначертание своих матерей и объявляют друг другу войны. Север вторгается в земли Юга, и именно поэтому у них есть соль и специи. Юг грабит Север, и именно поэтому у них есть замки, растущие из земли, и ожерелья из блестящего золота. Так длятся времена войн, пока старые названия северного и южного королевств и имена двух отроков, Думаты и Дурары, не теряются для всех, кроме южных гриотов и забытых богов. Всё, чему учатся мужчина и женщина, они постигают от богов, в том числе и это. И будь то дух или плоть, люди – единственные существа, которые, даже если знают как лучше, никогда не делают как лучше. А за то, что делают, они оскорбляют всех остальных живых созданий, кроме лошади, верблюда, осла, свиньи, голубя, козы и собаки; потому другие животные являются от века врагами большинству людей. Тем временем солнце и луна освещают оба королевства одинаковым светом, сокрушаясь о том, что люди земли слишком упрямы и глупы, чтобы ладить; так уж они, видно, затвердили себе, воюя друг с другом.

– А тебе, красавица, никак тоже разум об этом вопиет? – насмешливо спрашивает наемник-семикрыл, сидящий рядом у костра. Вокруг него расположились провожатый, близнец, несколько семикрылов, а чуть в сторонке Соголон. Госпожа спит у себя в шатре, храпя настолько самозабвенно, что распугивает всю мелкую живность, возжелавшую было прикорнуть под его днищем.

– Я лишь повторяю то, что говорят мне боги, – отвечает провожатый, звать которого Кеме.

– Войне разумность ни к чему. Война – это просто война, – говорит семикрыл.

– Война – просто война? Для тебя она, скорее, звон монет, наемник?

– Ты вникни, красавица. Король за королем объявляют войны, но не спешат бросать в бой своих людей. Зачем им это, когда есть глупцы вроде тебя, полагающие, что они есть могучая десница Короля? И вот вы сражаетесь и гибнете по цене монетки, которая перепадает вашим женам. Деньги, по крайней мере, что-то, удалец. А за что сражаешься ты?

– Я-то? За то, за что стоит сражаться. Ну скажем, за нее, – и Кеме кивает на Соголон.

– Тоже мне, нашел госпожу. За такую – идти на смерть? То, за что ты сражаешься, подобно воздуху. Его ни схватить, ни пощупать, ни даже понюхать.

– Однако если им не дышать, не выживешь.

– Вижу, тебе этой болтовней о воздухе изрядно голову надуло.

Семикрыл развязно смеется. Еще не так давно Соголон думала, что эти черные истуканы вообще не разговаривают, не говоря уже о том, чтобы смеяться. Они ей нравятся, пожалуй, больше, когда закрывают себе лицо и ничего не говорят. Нет, не так; даже до этого они ей не нравились совсем. Кеме, должно быть, сердит, вот о чем она сейчас думает. Раздражен настолько, что, наверное, взял бы и ударил этого язву, выбил ему острые зубы, и никто бы его за это не осудил. Но Кеме сидит с ними у огня, смеется и улыбается, как будто ему нравится их компания, в то время как они глумятся над человеком, который готовит на всех еду. На какое-то время Соголон одолевает интерес, как этот мужчина держится среди других мужчин. Всё для нее вновь – как, например, они сидят друг с другом среди травы и песка. Все находят себе

место у костра, ждут, когда дойдет мясо и что там еще, а свои мечи, копья и шлемы снимают и бережно укладывают близ себя словно сонных детей. Затем укладываются, подперев головы локтем, или садятся, сложив руки на колени, а голову опустив на руки, и широко расставляют ноги, словно приглашая огонь проникнуть туда и обогреть тело снизу.

Соголон раздумывает о мужчинах и даже не уверена, откуда у нее такие мысли; неужто их разжигает в ней этот провожатый? Ведь ни братья, ни хозяин, ни близнецы никогда не вызывали в ней ничего подобного. Соголон не может вспомнить, когда попутчики перестали называть его «провожатым» и стали звать по имени: Кеме. Непонятно, как ей относиться к этому имени. Точнее, не к имени, а к тому, как произносить его вслух. За этими своими раздумьями она сидит в стороне от каравана, хотя и не совсем у костра. Когда мужчины проводят какое-то время вместе, скажем, за одним и тем же делом, или просто в совместном пути, то всегда ли они становятся братьями?

– Гляньте-ка на Кеме в свете костра! Такой хорошенький, что мог бы быть девицей!

Все смеются, в том числе и сам провожатый.

– Осторожней, наемник. В Фасиси любителям мужчин ходу нет, не то что у вас в Конгоре, – говорит он, и все снова взрываются смехом, кроме семикрыла, который назвал его «красавой». Соголон мысленно его отмечает и успевает заметить, что отмечает и провожатый, даже когда смеется. Его взгляд чутко перепрыгивает на нее, а она отвести глаза не успевает.

– Ты как думаешь, Соголон? – окликает Кеме.

У Соголон едва не выскакивает сердце.

– Ты спрашиваешь девчонку, считает ли она тебя пригожим?

Соголон молчит, уставясь в темноту. Правда между ней и небом состоит в том, что мысленно она задавала себе этот вопрос множество раз. И отвечала на него.

– Кое-кто казался смышленнее в прошлую четверть луны, – говорит Кеме.

– На прошлой неделе я не разговаривал, – бурчит семикрыл.

– Я не тебе. Ну так что, Соголон, ты сражаешься за правое дело или за монеты?

– Женщины не сражаются, – кривит губы семикрыл.

– Ты метишь стать одной из них, потому и отвечаешь? Я разговариваю с Соголон.

Она не знает, защищает он ее или подтрунивает. Может, и то и другое.

Мужчина способен бывать двумя разными существами одновременно, точно так же как женщина. Видя, как все мужчины насмешливо на нее смотрят, Соголон выходит из своего оцепенения.

– Что значит «правое»? – молвит она.

– То есть? – переспрашивает Кеме с любопытством.

– Ты говоришь, сражаться за дело. А каково оно? Одна борьба не делает его правым.

– А что, удалец, она ведь с умом говорит, – оживляются остальные семикрылы. – Ты не сказал, правое ли то дело.

– А вот ты назови, – предлагает он. – Назови дело, которое считаешь правым.

Соголон не желает на него смотреть, но не может и отвернуться. Он взирает на нее не сердито, не грустно и не насмешливо, но и не так, как будто особо ее ждет. Скоро разговор сменится, а вместе с тем изменится и он, смеясь и пошучивая, как и раньше. «Но будет ли он меньше думать обо мне?» – спрашивает Соголон себя, только не этими словами. Когда провожатый смотрит на нее, слова у нее исчезают.

– Глупый караванщик, перестань выжимать из девчонки мысли, – говорит первый семикрыл, и все смеются. Звук смеха Кеме в общем хоре больно ее задевает. Но смотреть на нее он не перестает, и от этого у Соголон такое чувство, будто на ней воспламеняется одежда. Этой ночью сна ей не видать. Впрочем нет, сон придет, но только беспокойный.

Всю ночь до утра ее глаза широко распахнуты, и она смотрит, как угасает костер, а он лежит там с тихим похрапыванием, вызывая у нее мысли, что всё, на что она годна, – смотреть, как он спит.

– Пусть эти люди тебя не беспокоят, – говорит он ей наутро. – Только и горазды что на всякие рассказы, всякую блажь о богах, чудовищах.

«Только ты ее всем и рассказывал», – говорит она молча, а вслух добавляет:

– Да мне-то что.

– Мужчины в тесном кругу все стараются друг друга перекричать. Но никто из нас не громче богов.

– Мне как-то всё равно.

– А вот я малость переживаю, – признается он и поднимает с земли ее седло. Соголон следом за ним идет к лошади. Утро в разгаре, все уже просыпаются. Кеме набрасывает седло на лошадь и собирается приладить, а Соголон противится:

– Я и сама могу.

Кеме отступает, воздевает руки, будто он в плену, и улыбается:

– Соголон. Ты знаешь, зачем ты едешь в Фасиси?

– Конечно. Быть в услужении у хозяйки. Для компании.

– Если для компании, то почему ты не рядом с ней, а в хвосте каравана?

Ее словно обдает ледяными брызгами. Соголон приоткрывает рот, но ничего не говорит. Он отвечает кивком, пряча его под капюшоном плаща.

– Прошлой ночью я не назвала дело, потому что не хочу войны в виде распрей, – говорит она.

– Девочка, война всегда с нами. А если не война, то слух о ней. Ваш король вроде бы за мир, но ваш принц?

– Я ничего не знаю ни о короле, ни о принце. Фасиси от нас далеко. Где он, а где мы?

– Теперь он ближе с каждым днем.

Он учит ее ездить верхом, чтобы лошадь под ней не взбрыкивала и не оставляла синяков на ногах. Хозяйка не ведает, чем ее юная компаньонка занимается снаружи, но рада уже тому, что, просыпаясь, не видит на себе ее пристальных глаз. Что до Соголон, то, катаясь однажды вечером впереди каравана, она теряет из виду Кеме. А когда оборачивается, то он уже рядом; подъезжает ближе и обжигает плетью ее лошадь. Та с гневным ржанием взвизгивает на дыбы и мчится на отрыв.

– Не вопи, только не вопи.

Чтобы не завопить, она вынуждена повторять это вслух. На скаку лошадь под ней подпрыгивает; Соголон соскальзывает, и всё это на безудержной скорости, так быстро, что земля из-под ног. Она ее сбросит, эта лошадь, сломает шею. Соголон сжимает поводья и тянет, рвет на себя, но лошадь лишь ускоряет свой безумный галоп. При прыжке через камень Соголон чувствует, что всё тело ее, взвившись, повисло в воздухе, но снова приземлилось-таки на седло. Она натягивает поводья всё туже, пока не понимает, что от этого только хуже. Каждый рывок заставляет лошадь вздрагивать, вгоняет в страх еще больше, и конца этому не видно.

«Попробуй что-нибудь еще». Соголон тянет за повод слева, крепко, но осторожно, и удерживает до тех пор, пока животное не поворачивает шею. Поворот замедляет их. «Вот так, успокой лошадь». Вскоре они переходят на рысь, и Соголон впервые может перевести дух. Мысленно она трижды отсчитывает сыпучую струйку часов, прежде чем караван догоняет ее, стоящую рядом с мирно щиплющей травинки лошадью. При виде девочки провожатый кидает своего коня в галоп и, подлетев вплотную, спрыгивает с седла.

– Соголон! Хвала богам. Я уж думал, случилось что-нибудь скверное, – говорит он, а у самого улыбка на лице неудержимо ширится. Соголон открывает рот, чтобы что-нибудь ска-

зать, но из горла рвется лишь рычание. Размахивая руками, она бросается на него. Кеме пригибается – как раз то, чего ей надо. Он не замечает летящее к лицу девичье колено, которое лупит ровно в цель. Он падает плашмя и не двигается.

– Кеме?

Ярость Соголон развеивается как туман. Она в тревоге припадает на землю.

– Кеме, ты живой?

Он поворачивается на спину и сплевывает кровь. Красные зубы ослабились в блаженной улыбке:

– Язви тебя боги! Кто тут теперь истинный укротитель лошадей, не ты ли?

Итак, вот он, Фасиси.

Как и Малакал, это город, близость которого начинаешь ощущать при подъеме. Воздух становится разреженным и стремительно холодает. Семикрылы вновь прикрывают себе лица, а близнец обертывается в занавесь из шатра. Кеме по-прежнему в зеленом, но свой плащ меняет на одеяло, похожее на то, в котором иногда выходит госпожа Комвоно. «Само собой, белое с зеленым», – подмечает Соголон, когда он накидывает его себе на плечи. Белый, как холодное свечение гор, но с зеленым рисунком в виде торчащих из листьев початков. Еще одно одеяло Кеме бросает ей.

– Фасиси близится, – говорит он.

– Пора будить госпожу?

– Нет.

От внезапного уклона встряхивается близнец. Внутри шатра что-то падает, катится и бьется, но проверить он не удосуживается.

– Мне кажется, он уподобляется тебе, – улыбается Кеме.

– Что? Как ты...

– Не начинай все ответы со «что».

– Я спрашиваю, что ты имеешь в виду?

– В начале перехода, едва что-нибудь заслышав в шатре, он останавливал весь караван для проверки, удостовериться, что с его хозяйкой всё в порядке. Теперь она может свернуть себе шею, а он и ухом не ведет.

– Переход уж больно долгий.

– Твоя правда. Я, пока ехал, уже почувствовал себя старше.

– Тебе-то что. Доставишь нас, да и с глаз долой. Гульнешь на радостях.

Он поворачивается, глядя на нее с задумчивым укором:

– На радостях? Не думаю.

Дорога, стоит на нее въехать, принимается петлять. Уже вскоре опускается завеса тумана, но лишь когда караван проходит значительное расстояние, до Соголон доходит, что они едут сквозь облака. Дорога здесь вдвое шире каравана, а под копытами лошадей, насколько видит глаз, покрытие из тесаного камня, красноватого и такого чистого, будто по нему только что прошел дождь. Путь змеится поворотами, от одного к другому, и лишь небольшие его участки сравнительно ровные. Иногда дорога опоясывает гору, потому что иного пути нет, местами проходя по самому гребню, с крутыми уклонами в туман по обе стороны. Кое-где закраина зияет пустотой, и ничто здесь не может уберечь заблудшую повозку или испуганную лошадь от падения с кручи.

Дальше больше: за очередным поворотом дорога сужается еще сильнее, и с обеих сторон отвесно вздымаются каменные стены. Соголон никогда не забиралась так далеко и не поднималась так высоко; никогда не видела гор среди еще множества изумрудных отвесных склонов, из-за дали кажущихся синеватыми. Быть может, это всё и впрямь деяния сына бога неба, из грязи создавшего холмы и долины, под которыми он сейчас лежит, изредка ворочаясь во сне?

– Это черный ход, – поясняет Кеме. – Не такой видный, зато ведет прямо к королевской ограде и сокращает время на въезд через городские ворота. – Караван близится к повороту, делающему почти полный круг, прежде чем снова выпрямиться. Через каждые пару сотен шагов сверху величаво проплывает каменная арка.

– Ты ребенок своей матери или отца?

– Чт...

– Хватит уже чтокать.

– Это один из вопросов, которые ученые люди задают друг другу.

– Ты спрашиваешь или отвечаешь?

– Да.

– Я тебя спрашивал: что тебе рассказывали люди? Ты дочь своей матери или отца?

– Не знаю.

– Как так? Возьми на заметку: в следующий раз, когда мы повстречаемся с моим отцом, он заодно встретится и с этим вот кинжалом. Но даже я должен признать, что во мне есть его упрямство, его веселость и, да простят меня боги, его грехи. Нам даже нравятся женщины одного склада. Я это знаю, потому что он однажды чуть не умыкнул мою, – Кеме смеется. – Это слишком уж бесцеремонно.

– А по мне, так лучше.

– Я догадываюсь.

Они едут, давая своим лошадям свободно идти рысью.

– Моя мать, она была повитухой для наследного принца, а затем его сестры. Они именуют ее среди женщин особенной, потому что она приняла на свет того, кто однажды станет богом.

– Благословенные руки, сказала бы госпожа.

– Да уж. Особенно когда она валтузила нас ими так, будто изгоняла злых бесов. О боги, боги. Только им должно быть ведомо, как можно испытывать любовь и одновременно неприязнь к одной и той же женщине. Два противоположных чувства, и они оба поглощают тебя.

– Так кого ты одновременно любишь и ненавидишь?

– Что тебе на это сказать...

– Не чтокай.

– Умница, усвоила урок, – смеется он.

– Да что отец, что мать, – отвечает она, – я их обоих не знаю.

– Ни того ни другого? Совсем ничего? Но ты ведь не сирота?

– Троица, которая меня разыскивает, скажет, что я их сестра. Один из них худший, кого я когда-либо знала, двое других и того хуже. Ну а отца с матерью я не помню вообще. Люди говорили, что ему голову поразили бесы.

– Откуда им знать? Может, он просто был болен.

– Присовывал свой член ко рту и хлебал мочу, как вино.

– Язви ж их боги! Мерзко, но впечатляет. А мать?

– Я ношу ее имя. Кроме него, моим братцам с меня взять нечего.

– Она позволила тебе уйти?

– Она мертва. Умерла, рожая меня, отчего отец и двинулся умом.

– Вот как.

– Мне сказали, что я через это проклята.

– Какой сын гиены посмел тебе об этом сказать?

– Мои братья и все в деревне. Их слова перескакивали через забор и приходили ко мне.

– О Соголон.

– Что ты такое делаешь?

– Жалею тебя.

– Зачем? Я этого не хочу.

– Интересно, ты всегда такая? Видишь и замечаешь. С тобой стервятнику никогда не быть ястребом.

– Это хорошо или плохо?

– Наверно, все же хорошо.

– Когда меня обзывали проклятой, жалость у них мешалась с презрением. Деревня сжигала любую женщину, которую кто-либо называл ведьмой.

– Язвы богов, и ведьм, и веру в тех ведьм. Ребенок без матери и сестра без брата. Вместо одной жизни ты словно прожила уже три. Ты думаешь об этих вещах?

– Зачем? Жизнь есть жизнь, и уже для одного этого столь многое приходится делать. У кого есть время заниматься чем-то еще?

Он останавливает лошадь и смотрит на Соголон долго и пристально.

– Я забуду тебя нескоро, Соголон-без-матери.

Госпожа просыпается с диким зверским аппетитом.

– Неужто целый день? – ошарашенно повторяет она снова и снова, поскольку не может взять в толк, как так она могла проспять два восхода и один закат. А еще, почему эта недо-тепа-негодница ее даже не разбудила. Соголон оставляет госпожу наедине с ее одиночеством и за растерянной проверкой, не обмочилась ли она во сне. Остаток дня она ловит хозяйку на том, как та смотрит в окно, словно пытаясь найти там канувший день.

На ум идут также бесчисленные чаи, поданные ею в шатер, и которые, оказывается, частенько заваривались не так, как надо. Она случайно выболтала об этом провожатому и только затем спохватилась. Теперь она чувствует жуткое смущение всякий раз, когда ловит на себе его насмешливо-веселый взгляд, или хуже того, слышит смешки.

– Заткнись! – вспыхивает она.

– Да я и слова не вымолвил.

– Я знаю, ты специально меня изводишь!

– Делать это мне уже недолго осталось, – говорит он и забирает их улыбки с собой.

Наперегонки с вечером караван достигает великой стены. Взгляд ожидает увидеть тесаный камень, возможно, даже кирпич, но стена гладка, как глина. Розоватая там, где на нее еще падает солнце, и почти лиловая в местах, где тень. Большие зубчатые башни с прорезями окон; из одного стекает бурая вода. Соголон прикидывает: стена примерно в десять и еще два раза выше стражника, стоящего рядом с ней, а наверху через каждые несколько шагов друг от друга тоже стражники в железных шлемах и с копьями в руках. Караван проезжает к другим воротам, которые при виде провожатого сразу же открываются, видимо, расценивая его приезд как важное дело. Соголон тоже старается держать голову высоко и надменно, но слишком уж много здесь всякой невидали, которую хочется рассмотреть.

И вот он, долгожданный въезд в Фасиси. Прежде чем она успевает осмыслить то, что видит, Кеме говорит ей, что это местопребывание знати, а не сам город. Чтобы добраться до другого края Фасиси, потребовалось бы полдня. Невидали на этой улице более чем достаточно. Само собой напрашивается сравнение с Конгором: там стены настолько похожи на грязь, что может показаться, будто весь город вырос из пыли. Возможно, потому, что голова Соголон крутится в обе стороны с небывалой быстротой, глаза сначала выбирают только цвета. Пятна белого, красного, лилового, зеленого и синего пестрят на одеждах мужчин и женщин; красноватая грязь кирпичных строений и стен; фиолетовые ткани, струящиеся в руках базарных торговцев на пути у проходящих; зелень травы и деревьев, чьи купы венчают скрытые за стенами дворы; синие стены дальше по дороге, по которой ведет гостей Кеме. «*Спокойно, девочка, спокойно*», – звучит голос, похожий на Соголон, но она представляет, что эти слова произносит Кеме. Он уже ушел вперед, не очень далеко, но достаточно, чтобы в городе прослышали: посланец вернулся.

Сначала она оглядывает небо, а под ним город, окутывающий эту величественную гору подобием неимоверного подола. Выше, на склоне, судя по всему, дворец, но он так высок, что отсюда различимы только очертания и огни. Улица впереди широка настолько, что запросто разъедутся хоть три караванных шатра, едущие встречно. Опять кирпич, всюду кирпич, весь кирпич мира для одной лишь дороги. Стайки мальчиков в белых юбках, шароварах и накидках; группы мужчин с золочеными щитами, мечами и копьями, а на головах уборы с мягким колыханием перьев. Каждый мужчина носит бороду, а некоторые усы, которые и того длиннее. Соголон проходит мимо уставившейся на нее маленькой девчушки в коричневой козлиной шкуре и целой башне из бус на шее. Вон еще три женщины, все в белом, и у всех волосы густые и пышные, как подушки на плечах.

Еще две несут блестящие тыквы с кожаными ремешками в качестве сумок, а у одной через плечо повязан большой оранжевый кушак, в котором лежит ребенок. Вот они какие, женщины Фасиси. Соголон ничего о них не знает. Женщины перешептываются и смеются поверх городского шума, который она до этого и не замечала. Крики, хохот, пересуды, ругань, взывания, молитвы. Кто-то требует вернуть деньги: «Ах ты плут, считаешься за приданое, думая всучить мне моего же козла!», «Ну и иди, иди сейчас к своей сварливой жене!», «А вот я лучше не пойду и выпью еще пива!», и «Это не тот, о ком я думаю, с той-то разудалой кумушкой?», и «Да, я сам слышал, ее призвали обратно ко двору». И другие вольные разговоры, и раздраженные возгласы, и пьяное стихоплетство – на него Соголон некстати отвлеклась и чуть не пропустила еще много интересного. Она даже приостанавливается, чуть ли не понукая свою лошадь тоже посмотреть на женщин: дескать, позвольте познакомиться.

Фасиси не думает спать, как и Соголон. Дома здесь выше, чем большинство домов в Конгоре, хотя в них и меньше этажей, потому что на горе, как бы высоко вы ни поднимались, есть часть, что расположена сверху. Район знати, по словам Кеме, который весьма отличается от остального Фасиси – этого он не говорит, но она догадывается. Если это квартал знати, то можно себе представить, кто будет жить выше. С того места, где они находятся, единственно, что видит глаз, это стены, подобные той, через которую они проехали. *«Дворец, двор, король»* – все эти слова ей известны, но они плохо укладываются в голове. Хозяин и хозяйка – единственные дворяне, которые ей знакомы. Но вот они с госпожой здесь и уже на подходе.

Наконец-то высовывает в окошко голову хозяйка. Соголон притормаживает лошадь. Она ждет, что ей скажут, приказ или проклятие, но хозяйка не произносит ничего. Губы ее приоткрываются да так и замирают, а глаза едва заметно помаргивают. На улице слишком шумно, и ее вздох не достигает слуха. Стена, что впереди, выглядит неприступной. Вряд ли дворец, потому что внутри скрываются всего три башни с дымоотводами в крыше, похожими на соски. Соголон непроизвольно хихикает. Кеме косится, будто собираясь задать вопрос, но ничего не говорит. До стен дворца уже рукой подать. Кеме натягивает поводья, и все следуют за ним. Еще одна синяя от сумрака улица, окруженная стенами, дверями и окнами, часть которых сейчас закрывают изнутри.

Они минуют здания, величественные как дворцы, с каменными арками, ступенями, куполообразными крышами, в некоторых из которых восходят по ступеням люди в синих одеждах, чинно опустив головы. «Монахи», – вспоминает она слова о них в публичном доме. А здесь совсем наоборот, это дом для поклонения всемогущим богам. Провожатый сворачивает на другую улицу, более узкую, чем когда-либо. Семикрылы, ехавшие рядом с караваном, отступают назад. Мимо протискиваются две женщины с корзинами на головах, а один мужчина ныряет в дверной проход. Соголон держится рядом с Кеме, но глаза у нее прикованы к этим домам с обеих сторон, все с балконами и висячими садами – две вещи, для которых у нее просто нет слов. А с балконов мужчины, женщины и дети возбужденно кричат на лошадей.

Процессию останавливает какая-то суeta на перекрестке. Стремительный цокот копыт, с дороги отпрыгивают двое праздных зевак. Мимо проносятся две колесницы, в каждой по два

седока: один стоит и щелкает над лошадьми кнутом, второй сидит и рассматривает что-то у себя в руках. Оба мужчины в белых одеяниях, скрепленных пряжкой на одном плече. Вся эта суматоха привлекает к окну хозяйку.

– Остановись. Стой, кому говорят! – командует она дважды, прежде чем близнец слышит. – Соголон. Соголон!

Та спешивается и спешит к своей госпоже.

– Скверная девчонка, ты не слышала, что я тебя звала?

– Мне пришлось спешиться, чтобы к вам подойти, госпожа.

– Еще бы ты не спешила. Эта улица такая узкая, что пролезет только женщина без грудей, язви ее. Почему эта улица, и что всё это значит? Отвечай скорее.

– Госпожа, я не знаю, о чем вы.

– Если я глупа, то я глупа. Но даже мои глупые глаза ясно видят, что это не королевский квартал. Мы прибыли в Фасиси?

– Да, госпожа.

– Тогда что это за место?

– Фасиси, госпожа...

– Девчонка, не заставляй меня обрушиваться на тебя громами средь ясного неба. Ты знаешь, как уже долго меня ждут при дворе? Клянусь, я спущу шкуру со всех вас, если вы заставите меня опоздать. Скоро уже ночь на дворе.

– Я спрошу у Кеме, госпожа.

– Кеме? Да сосать вам вымя бесплодной коровы! Кто такой Кеме?

– Наш провожатый.

– Ах провожатый. Так вот, для того провожатого у тебя не должно быть никакого другого названия, кроме как *про-во-жа-тый*. Я ясно выражаюсь?

– Ой.

– «Ой» – это верно. Это правильно. Твои дни с мисс Азорой давно миновали, девочка.

– Я не...

– Я не задавала тебе никаких вопросов; зачем ты мне отвечаешь? Голова того провожатого такая же ветреная, как у тебя?

– Не знаю, госпожа.

– Ничего, я узнаю сама. Ну-ка посторонись.

Кеме еще лишь пробирается к шатру, а в него уже вонзаются молнии госпожи Комвоно, желающей знать, не провалились ли у него глаза в штаны, а вместо них по бокам от носа остались две отхожие дырки, и что если караван сейчас не рядом с дворцовой оградой Фасиси, то, значит, они совершенно не в том месте.

– Так что это за место? – наконец осведомляется она.

– Углико.

– Какой же это Углико. Вокруг одна торговля.

– Торговая сторона Углико, почтенная.

– Торговая сторона? Так вот что нынче делают деньги – покупают благородство?

– Всё с благословения Короля, почтенная.

– А дальше что, торговаться будут и дворянские звания? Сколько стоит быть священником? Страшно подумать, но кто-то ведь может заплатить и за то, чтобы стать гриотом! В любом случае прошу доставить меня куда-то в другое место.

– Здесь вы останетесь до тех пор, пока венценосец не призовет вас ко двору.

– Что ты мне сказал? Остаться? Даже ступить сюда моими ступнями? Да ты в уме ли?

И дальше, и больше: действительно ли она не ослышалась, что ей, особе благородного происхождения, состоявшей в замужестве с персоной еще более знатной – человеком, чья родословная уходит к великим королям-воителям Северных земель, – предлагается осесть в

префектуре Углико, этом гнездилище торговли. «*Тор-гов-ли!*» – негодуяще выкрикивает она так, как иной выкрикивал бы слово «дерьмо». И словно в подтверждение, что она имеет в виду именно это слово, хозяйка продолжает распинаться, как дурно пахнет торговая префектура, и как извечно пахнут торговцы, и как болезнетворно этот запах скажется на ней, если она останется здесь хотя бы на ночь, и как бы следовало поступить со всем этим рассадником, пес его поberi. Как будто не она, помнится, обожала считать и пересчитывать в разговорах деньги, свои и чужие. Провожатый выслушивает эту тираду с терпеливым спокойствием.

– Госпожа Комвоно. Все, кто имеет счастье лицезреть Короля; все, кто устает чести быть приглашенными ко двору, будь то дворянин, селянин, семья или домашнее животное, должны пройти через Дом уведомлений, где их проверят, прежде чем дать разрешение находиться в ближних пределах королевской резиденции.

– Но я не...

– Не глухая, я знаю. Вот почему мне не нужно повторять эти слова. Я уверен, что вы считаете безопасность нашего Короля, Королевы и принцев первостепенной по значимости. Или, может, нет?

– Что?

У Соголон чуть не вырывается: «*Не чтокай!*»

– Конечно, да! Да хранят боги нашего Короля и принцев во все века.

– А Королеву?

– Бессмертные боги! Разумеется, и ее тоже, хотя в этом есть что-то новое.

– Не совсем так, моя почтенная. Это началось в тот месяц, когда вы были... вы покинули двор. Мудростью его превосходительства канцлера. Госпожа, нам пора двигаться. Углико с наступлением темноты совсем другое место.

– Что ж это за место? Надеюсь, не совсем уж безвестное?

Провожатый кивает и возвращается на свое место впереди. Соголон думает за ним последовать, но ее останавливает хозяйка:

– Куда? Я тебе задам!

В торговом квартале проходит два дня. Они обосновываются в особняке размером с дворец; при этом хозяйка использует любую возможность пройтись насчет того, сколь вульгарным ей кажется это место.

– Во всем здесь блеск вкусовщины, – пренебрежительно говорит она. – Блеск грубого и пошлого вместо элегантной патины прежних поколений знати и изначального благословения богов.

Соголон это место кажется более представительным, чем любая комната в доме хозяйки. В каждой комнате здесь есть камин; каждая повествует какую-нибудь историю в картинах на потолках, изображающих хмурово-задумчивых людей, которые делают что-то с виду благочинное. Комната с ванной для хозяйки и еще три для тех, кто пожелает, и слуги, которые приходят по высочайшему повелению, но никто из них не работает во дворце. Это известно, потому что об этом спрашивает хозяйка. С ними здесь и Кеме, так как обременение с него не снимается до тех пор, пока он не сделает все, для чего его снарядил двор: доставить господ из дома Комвоно. Соголон ухаживает за своей госпожой, пока той не надоедает восхвалять Сестру Короля за ее безграничную милость, затем поносить ее же за мелочную мстительность. После этого хозяйку обычно берет сон, а вот Соголон так и не спится.

На вторую ночь она выходит во внутренний двор и застает там провожатого в компании льва. Раньше она, безусловно, ничего подобного не видела. Гривастый лев, в темноте почти белый, здоровенный, как стол, – настолько, что может запросто раздавить Кеме, даже если просто на него ляжет. Лев утробно рыкает, и Соголон так и подскакивает, хотя ее и не видно. Что это за место, где звери бегают на свободе? Госпожа Комвоно о такого рода опасностях

никогда ничего не рассказывала. Соголон не знает, что делать, она в глубоком замешательстве, не сказать бы в ужасе, но тут она замечает, что Кеме держится как ни в чем не бывало.

– А ну-ка! – кажется, говорит он и бросается через пространство двора, а лев с рыком кидается за ним. Отбежать далеко Кеме не успевает. Лев набрасывается как раз в тот момент, когда тот оборачивается, и оба падают наземь. Соголон на грани истошного крика, но Кеме, гляди-ка, хохочет и кричит:

– Смотри, куда лижешь, герой-любовник! – На что лев снова издает рык. Кеме чешет зверю челюсть, а тот мурлычет, как кот, трется о провожатого мордой и чуть не валит с ног. Всё это заставляет Кеме смеяться еще больше. Они катаются и барахтаются по грязи.

– Комар забрался в это тело раньше тебя, – смеется Кеме и ласково его шлепает, после чего лев с урчанием убегает.

– Хорошо, что ты держалась это время в сторонке, – говорит затем Кеме, оборачиваясь к Соголон. – А то Макайе как раз сейчас нужна подруга.

– Я бы вышла замуж за льва?

– Без церемоний. Он просто бы взял тебя зубами за шкуру и утащил.

– Женщинам такое нравится?

– Благороднейшим из созданий? С тобой бы, может, он и не сладил.

– Я на вас и не смотрела.

Он стряхивает с одежды пыльные следы львиных лап.

– Ты ни на что не смотрела, а мы со львом просто попались тебе на пути?

– Я, вообще-то, иду спать.

– Только сон тебя не берет. Иначе б ты не стояла здесь и не разговаривала со мной.

– Я не...

– Перестань мне возражать сугубо ради возражений. Не каждый мужчина хочет с тобой драться.

– Верно. Мертвые ко мне уже не цепляются.

Кеме заходится смехом так, что сам затем спохватывается.

– Хозяйку разбудишь, – предупреждает Соголон.

– Язви боги, только не это. Слушай, а пошли на задний двор? Могу там тебе кое-что показать. Думаю, понравится, – предлагает он.

Соголон останавливается и смотрит на него долго, пристально. Хмурость на ее лице видна, должно быть, даже в темноте. Ее напряженный взгляд держит его там, в пространстве и в ночи.

– Ни по каким задним дворам я с тобой ходить не собираюсь.

– Как знаешь, – пожимает он плечами и уходит.

Соголон, признаться, довольно долго размышляет, не стоило ли последовать за ним, но затем возвращается к себе в комнату и углубляется в ту самую страну не-сна, не-бодрствования. Вещи здесь зыбки и движутся как под водой, но при этом она всё видит и знает. Этот дом с кроватями, приподнятыми над полом, с сине-зелеными попугаями, порхающими под потолком, и рисунками святых людей на сводах, которые иногда, на краю зрения, скрытно шевелятся. «Это обман», – успокоительно думается ей. В это время ночи, в такой момент усталости разум слишком слаб, чтобы сохранять что-либо неподвижным, включая и то, что видишь.

– О нет, эта женщина воистину теряет голову. Указ есть указ, – щебечет она.

Она, то есть дама, которая сегодня утром наносит визит госпоже Комвоно. Хозяйка за беседой зовет ее не иначе как «дражайшей сестрой», что, однако, не мешало ей перед приходом звать ее «сквернословкой» и «вислогрудой сукой». На подобные слова хозяйка не скупилась с того самого момента, как ушел глашатай, перебудив утром весь дом своим бравурным сообщением, что, дескать, сегодня после полудня предстоит визит.

– Сказал бы уж проще: после полудня готовь обед, – съязвила хозяйка.

Госпожа Комвоно тотчас загружает работой повара, и к приходу гости уже ждет мпото-пото с макрелью и сельдь в соляной корочке, а морская рыба в горах вообще редкость; также сладкий батат, свежие фиго и клуиклуи¹⁸ на деревянных досточках.

А потом, уже откинувшись на подушки, статс-дама госпожа Дунгуру сетует на то, что всё здесь такое сладкое, слишком уж сладкое, даже селедка, и что тот, кто стряпал, чувствуетея, не утонченный повар с кухни дворца. Потому как при дворе пикантность – старое понятие, вновь входящее в моду, что раньше привело бы к росту цен на соль, но поскольку мы с Югом больше не воюем, то и цена остается неизменной, и хотя такая женщина, как она, со столь благородным происхождением, ни за что бы не стала связываться с какими-нибудь торгашами и купцами на рынке, но всё же иногда можно немного побаловаться для собственного удовольствия и поиграть с ценами на рынке, пусть даже для многих это может оказаться печально, но на самом деле не для них – то, что в мирное время цены на соль падают так низко. А потом она снова жалуется на еду, но хозяйке не оставляет ни крошки.

Соголон наблюдает за ними и замечает кое-что новое: друг-враг. Понять это сложно, поэтому она наблюдает дальше. Статс-дама госпожа Дунгуру, *дражайшая сестра, вислогрудая сука* – она и в самом деле носит свое платье на старый лад, с открытой грудью. Эта дама напоминает ей хозяйкину сестру, которая тоже цепко за нее держится, но хозяйка не раз говорила, что эту пиявку терпеть не может; и кажется, что такие друзья и родня – единственное окружение госпожи Комвоно. Но у Соголон такое в голове не уместается: что же их держит, если не любовь? Не то чтобы она сама знала, что такое любовь, не говоря уж о том, чтобы она удерживала людей рядом. Ее братья, например, держатся меж собой, потому что не знают, как жить иначе, а если бы сообразили, то наверняка побросали бы друг друга. Нет, это какое-то другое громкое слово, которое использовал покойный хозяин. Мысль о нем Соголон предпочитает незамедлительно отбросить. Что же сближает этих женщин? Может, так оно и бывает, когда тебя окружают люди всех мастей, но на самом деле у тебя никого и нет? Вон у Кеме есть лев, с которым он играет в грязи. Мысль о Кеме Соголон тоже предпочитает поскорее прогнать. Может быть, это представление, танец, церемония между ними, между двумя людьми?

– О да, определенно с той поры, как место в ногах у наследного принца занял сангомин, теперь каждая вторая женщина благословлена, если ее не назовут ведьмой, – продолжает щебетать статс-дама госпожа Дунгуру.

– Неужто госпожу Каабу называют ведьмой? В таком случае как же называют ее мать?

– Словом, которое в кругу приличных женщин неуместно.

– Тогда не берите в голову, дражайшая сестра.

Обе госпожи развалились на подушках, как женщины, которым совершенно не нужна мужская компания. Статс-дама госпожа Дунгуру облачена в темно-зеленое платье с грудой ожерелий из бисера, свисающих до ее темных сосков. Каждый палец статс-дамы унизан золотым кольцом, кое-где их по два. Хозяйка тоже говорит много и не только ртом, но в равной степени и руками; в совокупности это создает атмосферу нагнетаемой тревоги.

– После недели гаданий они позвали оракула Ифы, и все то время никто ничего не мог сказать наверняка.

– Но почему они сочли ее ведьмой?

– Боже, что за слова, нджайе¹⁹! Вы там у себя в захолустье вообще новостей не получаете? Две наложницы лорда снесли ребятишек, которые вышли вперед ножками. Один уда-

¹⁸ Клуиклуи – кольца жареного арахисового масла.

¹⁹ Нджайе (здесь: «сестра») – обычно женщина невысокого социального статуса; домработница, компаньонка или наложница.

вился материнской пуповиной, другой рождением убил свою мать. Все слуги шепчут, что Каабу исполнена черноты и злых духов после того, как родила всего одну девочку, и то ослабленную.

– И лорд Каабу позволил им забрать свою жену?

– Он сам ее и обвинил. Жрецы не смогли найти ничего, что говорило бы о том, что она ведьма, поэтому лорд призвал сангомина.

– И теперь этот мерзкий речной шаман добрался до самого трона? Да, всё действительно изменилось.

– Так ты хочешь услышать историю или нет?

– Конечно, хочу!

– Ну так вот, лорд просит Короля возместить ущерб, и вот тут-то, добрая моя сестра, вмешивается канцлер. Истинно говорю, одно имя этого человека заставляет меня содрогаться. Если по правде, то он и есть тот, из-за кого всё это и заварилось. Ты знаешь, я слухам не верю, но слышу, что силами канцлера двор сейчас являет к сангомину благосклонность и, значит, потому теперь должно состояться судилище над всем и всеми, кто подозревается в причастности к ведовству. Вот так всё происходит, сестра. Человек из белой глины, этот самый охотник за ведьмами, власы которого за всю жизнь не знают гребня, без предупреждения появляется в вельможном доме. Я слышала, выглядит он как кожаный мешок с костями, и, представь себе, пришел он не один, а еще с семерыми. Все семеро из них, сестра, вроде как дети, но дети самые странные из всех, каких кто-либо видывал. У одного красная кожа, другой ползает боком по стенам, а у третьего две головы! И вот они врываются как гром среди ясного неба и хватают даму Каабу, визжа, что она ведьма. Я слышала, на ее защиту встают двое стражников, потому как думают, что это какое-то нападение, но дети те кидаются на них, как если б кто бросил сырое мясо стае гиен. Я слышала, нджайе, что когда их оттащили, то от одного стражника остались одни кости, а у другого все части тела были разбросаны по всему двору! Демонята, чисто демонята, но сейчас-то они служат вроде как добру, значит, они хорошие? Двух других наложниц там тоже сочли ведьмами.

– Как так?

– Тот упырь из белой глины прорицал, что они питают друг к другу вождение.

– И что здесь такого? Брошенные наложницы на это, бывает, идут, здесь ничего нового.

– Теперь это ново. Тот охотник за ведьмами велит своим демонятам распластать их и держать, пока он сам делает тем женщинам правеж.

– Я даже не понимаю, о чем вы, моя дражайшая сестра.

– Так уж и не понимаешь? Этот гадкий волосач со своими демонами-уродцами занял дом, как будто пришел в него с войной. Порой они даже хватают хозяина и слегка его поколачивают, пока кто-нибудь не разберет, кто перед ними.

– Вы ничего не упускаете, сестра? Когда это случилось, что ведьмы вдруг стали злыми?

– Как давно ты... Как давно тебя не было, сестра?

– Достаточно долго.

– Да, конечно, и бедный, бедный господин Комвоно! Я и не знала до прошлой четверти луны, сестра.

– Ведьмы, дражайшая сестра. С каких это пор любую женщину стало можно называть ведьмой?

– Но они ведьмы и есть.

– Вы не слышите, о чем я спрашиваю, сестра.

– Тебе придется расспросить моего мужа. Он так умен, что впечатлен даже наследный принц.

– Вы уже второй раз упоминаете наследного принца. А что же Король?

– Король? Ты, получается, не слышала. Дорогая сестра, я-то думала, что ты затем и прибыла. Ибо твой муж всегда был в сердце Короля. Даже после того, как ты...

– Вы говорите так, будто...

– Он нас покидает, сестра.

– Покидает, чтобы отправиться *куда*?

– Он отходит, сестра. Отходит.

– А я спрашиваю, куда... он... Ох! Так Король, получается, при смерти?

– Сестра! Тебя не было чересчур долго. Подобные разговоры теперь – крамола и измена.

Король занимается устройством своих дел с предками, ты меня поняла? Хорошо, что ты не ведешь на этот счет дальнейших расспросов. Нынче это государственная измена. А говорить то, чего ты сейчас не произнесла, а я не слышала, значит желать гибели своей стране. Так говорит лорд-канцлер, и наследный принц это одобряет. Ну а писцы записали это на пергаменте, из чего следует, что это теперь закон. Король занят своими думами, в которых улаживает отношения с предками.

– Никто не умирает, а значит, и последних почестей воздавать не нужно?

– Теперь ты, хвала богам, рассуждаешь так, будто чему-то научилась.

– Я научилась многому, нджайе, хотя это всего лишь мой третий день здесь. Ну а не говорить *о ней* – это тоже новая традиция? Или я этого недостойна, пока она сама меня не примет?

– Ты о ком, сестра?

– Это, безусловно, ответ на мой вопрос.

Прежде чем уйти, статс-дама говорит госпоже Комвоно:

– Удостоверься, что ты готова к аудиенции с канцлером.

Это вызывает у хозяйки еще один вопрос:

– Я всё никак не пойму этих дел с канцлером. Король что, лишен собственного мнения?

– Меня озадачивает, почему это озадачивает тебя, сестра, – говорит статс-дама и хмурится, бровями показывая то, чего не произносят ее губы: «Ты задаешь слишком много вопросов».

– У Кваша Кагара никогда не было канцлера, – говорит госпожа. – Насколько я помню, он опирался на жрецов фетишей и Сестру Короля.

– Ты блуждаешь в темноте, сестра моя. Разумеется, канцлер был всегда. Как его могло не быть?

– Но не пять лет назад. Сестра величества была его великим советником. Откуда взялся канцлер? Кто он?

Статс-дама желчно смеется:

– Сестра, ты слишком долго промаялась в провинции. Или твою память похитил ночной демон? О, я понимаю. Ожидание – это такое горе, должно быть, оно играет коварные шутки с твоими воспоминаниями. Аеси с Королем, на месте Короля. А никакой сестры у Короля нет.

– Думаю, я бы запомнила того, кто меня изгнал.

– Не будем ворошить былое, сестра.

– Кажется, принцесса...

– Принцесса Эмини? Да нет, она тогда была еще в слишком юном возрасте. Ты ставишь меня в тупик, сестра.

– Не больше, чем вы меня, дражайшая. Йелеза, Сестра Короля. Указ об изгнании пришел с ее собственным посыльным.

– Никогда не слышала, чтобы кто-то упоминал это имя.

– Что? Какая глу... Ах да, конечно. Я все еще не достойна произносить это имя.

– Впечатление такое, что ты оставила в изгнании свой разум. Указ разве не был скреплен печатью?

– Да, на папирусе, хотя какое это имеет значение?

– Значит, печать была от королевского дома. Впрочем, какая разница. Тем более теперь, когда ты будешь восстановлена.

– Безусловно, дражайшая сестра.

– Но ухо держи востро. Нынче его величество слушает советы своей дочери, хотя при дворе все уже жалуются, что она ведет себя так, будто наследный принц – это она. Даже после того, как Кваш Кагар отдал ее замуж.

– Простите меня, дражайшая сестра. Очевидно, воздух Конгора вызвал у меня помутнение памяти.

– Это горе играет свои шутки, сестра. То, что нужно, вычищает из памяти, то, что не нужно, оставляет позади.

– Пожалуй, так оно и есть. Благослови вас боги своей щедростью, дражайшая сестрица.

– И тебе того же, сестра моя.

Едва статс-дама выходит за ворота и ее паланкин удаляется за пределы слышимости, госпожа поворачивается лицом ко внутреннему двору.

– О Йелеза, – страдальчески молвит она. – Ведь мы обе были женщинами, женщинами при дворе Короля! Соголон, выйди наконец из-за той чертовой двери!

По улицам шествуют окъеаме. Дворцовые вещатели, стать которыми – заветная мечта глашатаев, когда из вещателей кто-нибудь откинется. Все они облачены в священные тоги из кенте²⁰, обернутые дважды через левое плечо, потому что правое принадлежит Королю. По улицам они передвигаются с посохами в руках. На выходе с рынка, где повар делал для дома закупки, Кеме указывает на одного из них Соголон:

– Глянь. Окъеаме сегодня вещают языком Кваша Кагара. Их отличие – высокопарность слога, ибо из их уст изливается красота, даже если они описывают слякотную лужу.

Соголон видит, как старший окъеаме прирастает еще одним, по виду учеником, но ничего особо интересного в них нет; даже в золоченых посохах, которыми они постукивают при ходьбе. Между тем Кеме тянет ее за собой, подобраться к вещателям поближе; «поглядеть, что они там вещают», – говорит он, хотя не вполне ясно, что имеет в виду. Они лавируют через толпу, пока не оказываются непосредственно за спиной у старшего и его подмастерья.

На оголовьях их посохов резное изображение трех человечков – один прикрывает себе глаза, второй уши, а третий рот. Кеме собирается что-то сказать, но тут окъеаме зычно возвещает:

– Превосходнейший ясноликий Кваш Кагар изволит заниматься делами трона! Король изволит заниматься делами предков! Превосходнейший ясноликий Кваш Кагар изволит заниматься делами трона!

Соголон смотрит и не верит глазам. Весь рынок, со всеми его покупателями и продавцами, зазывалами и зеваками, враз замолкает. Молчат все – даже, кажется, скот и домашняя птица.

– Превосходнейший ясноликий Кваш Кагар изволит заниматься делами трона! – повторяет окъеаме. Рынок неподвижен. Вон застыла торговка фруктами, не успевшая подать покупательнице кокос, а та – его взять. А затем, как по щелчку, всё снова приходит в движение. Весь рынок снова мерно двигается, покупает, продает, торгуется, горячится, вздорит, плутует, ловит за руки жуликов, а окъеаме тем временем движутся дальше.

Тут навстречу Кеме и Соголон выскакивает вторая повариха – растрепанная, запыхавшаяся от волнения.

²⁰ Кенте – ткань из полосок ручной работы, сделанных из шелка и хлопка; исторически носится в тога-подобной моде ряда африканских монархий.

– Они в доме! – заполошно кричит она. – Не послали вперед себя ни слова, ни весточки, а хозяйка уж напугана вусмерть!

– Да кто, дурёха? Кто явился? Скажи, пока не проглотила язык.

– Аеси!

Они спешат в ограду дома, и тут на подходе к воротам Соголон обдувает порыв внезапного ветра – могильно-стылого, с пригарью пепелища. Два порыва, один за другим, а следом что-то вроде хлопка громоздких крыльев. Звук пугает, но замечает его только Соголон. Повара спешат к себе в поварню, а Кеме занимает место рядом с дворцовыми гвардейцами, стоящими навтыжку у ворот.

Соголон пробегает мимо во внутренний двор, а оттуда к коридору, что ведет в гостиную. У входа истуканами застыли два стражника с похожими на ошейники ожерельями из бисера; мускулистые торсы обнажены, а от пояса книзу струятся белые одеяния, похожие на подолы платьев. Внутри у окна стоят еще двое, а на табурете, лицом к хозяйке, восседает некто в черной накидке и с огненно-рыжей копной волос, собранных пучками по всей голове. Даже сидя он кажется заметно выше большинства стоящих; шея и руки иззелена-черные, как изнанка моха. Хозяйка собирается что-то произнести, лицо у нее окаменелое. В эту секунду Аеси оборачивается.

– Прошу подождать снаружи, – щерится он улыбкой.

Песочные часы в голове у Соголон переворачиваются трижды, пока за ней не приходит гвардеец. Он указывает ей сесть на табурет, а сам выходит из комнаты. Те двое истуканов по-прежнему стоят у окна. В комнату входит Аеси, и накидка на нем развевается, хотя ветра вроде и нет. Впечатление такое, будто рыжина волос делает его кожу темнее, а ее угольная чернота воспламеняет и волосы.

Он прочищает горло.

– Ты, девочка без имени.

– Я...

– Не заговаривай, покуда я не задал вопроса, и не заставляй меня его повторять, если он уже задан. Ты поняла?

– Да... Да, господин.

– Господин у нас лишь Кваш Кагар. Мы все ему служим. Ты поняла?

– Да, госпо... Да.

– Меня называй канцлером, или Аеси, или вообще никак. Чины и титулы – они для стервятников вокруг нас. Мне до них нет дела.

Что-то захватывает внимание Аеси, и он выглядывает в окно. Смотрит долго. Соголон неуютно ерзает.

– Ты знаешь, за что изгнана твоя госпожа?

– Нет, Аеси.

– Но ты была там, когда умер господин Комвоно?

– Что?

– В доме, малышка. Ты была в доме тем утром, когда умер господин Комвоно?

– Да, Аеси.

– Ты знаешь, как он умер?

– Рабыня застала его на стене, господин.

– А ну без чинов!

– Ой.

– И теперь ты... Нет, не рабыня – и не ребенок. Так ты что, приживалка?

– Д-да.

– Ты знаешь, что такое «приживалка»?

– Нет.

Аеси прыскает смешком, похожим на чих.

– Твоя госпожа желает быть приближенной ко двору. Повторно. Я склонен пойти на это, ибо наследному принцу подобает слыть милосердным правителем. Кто знает, может, теперь она будет лучше управляться со своим языком. А нет ли у нее в подругах каких-нибудь ведьм, а, девочка?

– Нет. Нет, господин, ведьм она на дух не переносит. От нас в Конгоре все ведьмы шарахаются.

Аеси кивает и снова прыскает. И вдруг, крутнувшись в мгновенном повороте, впивается в Соголон взглядом.

Соголон пытается выдержать этот взгляд. Не то чтобы она бросает вызов или пытается быть твердой, но ей опостылело, что мужики воздействуют на нее своей силой, даже если это просто давящий взгляд. Она упорно не отводит глаз и моргает всего единожды. Аеси, понятно, пересиливает и не моргает, кажется, вообще. Все это происходит так быстро, что со стороны едва ли заметно, но она видит, даже непонятно почему. Прямо перед тем, как снова заулыбаться, он хмурится. Эта маска занимает всё его лицо, а затем исчезает.

– Твоей госпоже надо бы напомнить, чтобы впредь держала язык за зубами. Хотя права говорить ей об этом у тебя нет, – молвит он. – Кто назвал тебя Соголон?

– Я сама.

– Ложь. Это имя дала тебе госпожа.

В этот момент один из стражников хватается за живот, и его крючит рвотный позыв. Соголон отвлекается, а когда поворачивается обратно, Аеси смотрит на нее с угрюмой пристальностью.

– Выведите его, – не повернув головы, командует он и встает, думая уходить. – Что будет, когда хозяин тебя найдет? – спрашивает он.

У Соголон отвисает челюсть. Аеси склбится.

– Ладно, это я так. Это не про тебя, – говорит он.

Хозяйка на весь остаток дня укладывается в постель и остается в ней до утра. Где-то перед рассветом она разражается криком:

– *Твои слова годятся для любой женщины, чье платье ты не задираешь!* – после чего просыпается.

Соголон сидит рядом у ее кровати, в спальном кресле.

– Ты зачем за мной приглядываешь, девочка? Я не больна.

– Меня просто сморил здесь сон, госпожа.

– Смотри, чтобы он тебя впредь здесь не смаривал. Я не потерплю, чтобы за мной приглядывали. Хотя чего это я... Такой чудесный день! Зачем портить его недовольством и брюзжанием? На это просто нет времени. Соголон, сейчас же ступай в поварню. Завтракать я буду яйцами, а не тем кошмаром, который повар наверняка приготовит. Ах какой славный день!

Не успевает Соголон отойти, как хозяйка зовет ее обратно.

– А когда вернешься, мы выберем, какая из этих тканей лучше подходит для платья и геле.

– Да, госпожа.

– Соголон, ты... Ладно, иди. Нет, стой! Зачем я спрашиваю об этом тебя, какую-то там девчонку из буша?

Соголон как ни в чем не бывало поворачивается, чтобы идти.

– Я просто не знаю, что мне ей сказать, – растерянно признается ей в спину госпожа Комвоно. – Не как верноподданной, а как другу. Как женщине.

– Я не знаю, госпожа, какое слово вы напоследок сказали Сестре Короля, но...

– Да не сестре, глупая ты девчонка. Я говорю о дочери короля. Сестры у Кваша Кагара нет.

Соголон кругло моргает, отгоняя безмолвное потрясение.
– У Кваша Кагара сестры нет и не было, дурёха.

Пять

– Чтение? Да ты, верно, считаешь себя уроженкой Джубы! Очнись. В Фасиси чтения нет. Да и к чему оно тебе? – зубоскалит Кеме.

Гляньте на девочку. Посмотрите, как вытягивается ее лицо, когда этот, в ее представлении, мужчина из мужчин говорит, чтобы она не утруждала себя этим занятием, поскольку сам он не усматривает в нем никакой пользы ни для себя, ни в конечном итоге для нее, так как ни к чему хорошему это занятие не приведет. Соголон даже не знает, зачем его об этом спросила. Последнее время он ее разочаровывает, разом ничем и всем, в том числе и насмешкой над ее желанием разгадывать смысл закорючек, которые писцы ставят на пергаментях. Она хочет, чтобы ее кто-нибудь этому обучил, потому что у нее самой не получается. Соголон уже толком не помнит, откуда у нее вообще взялось желание читать. В Конгоре есть Большая архивная палата – гигантское яйцо из гипса и соломы, высотой в десять и еще три человеческих роста, где содержатся записи о каждом короле и королевстве Севера. Люди из Джубы рассказывают про Дворец Мудрости, куда люди со всех концов света – а некоторые вообще из самого далека вроде земель за бурным морем – прибывают и чтением мостят свой путь к познанию наук о естестве, составлению звездных карт, искусству врачевания, хирургии и математики. Дворец Мудрости заботится только об уме и не беспокоится о теле, его несущем. Но ни то, ни другое не соответствует Фасиси, столице империи. Здесь знание предназначено для тех, кто хочет процветать, ну а если вы уже благородного происхождения, то куда в девяти мирах вообще стремиться с подобной целью?

Кто-то говорил ей, что сила в мужчине лишь оттого, что его одолевает обуза; кто-то с голосом, звучащим совсем как у Кеме, что удручает еще больше. В итоге перед глазами предстает мужчина, идущий по жизни с такой бездумной легкостью, что чешет в паху тогда, когда ему вздумается, без оглядки на то, где он и кто стоит рядом, – или заходит в место, пахнущее хуже дохлятины, и ждет, что женщина там безотказно даст ему свою ку. Братья, и те привычно смотрели на нее как на обузу, хотя именно она таскала для них всё, от мешков с зерном до больших листьев с кучами коровьего, свиного и козьего дерьма. Что ж, если человек хочет думать, что им движет бремя, то пусть так и думает. В пыльных комнатах дома Соголон попадают свитки и бесхозные пергаменты, гравюры и книги в кожаных переплетах, и ее раздражает желание знать, что же в них кроется. Отчего-то ей становится нестерпимой мысль о том, что, открывая книгу, чувствуешь свою беспомощность перед неразрешимой загадкой. Свиток, разворачиваясь, так и остается нераскрытым; то же и пергамент, рассматривая который ничего нельзя для себя почерпнуть. При этом своему желанию она вынуждена наступать на горло: на ней бремя, которое не имеет ничего общего с тем, от которого подгибаются колени.

В несколько ином свете предстают и приглашения Кеме прогуляться на задний двор, где он может ей «кое-что показать» и ей это «понравится». Соголон хватается ума понимать, что она еще не совсем вошла в возраст, а также, что нельзя доверять мужчинам, когда те предлагают тебе прогуляться в потемках – уроки, усвоенные еще у мисс Азоры. Когда же Соголон интересуется, почему Кеме все еще здесь, при доме, он в ответ спрашивает: ей что, не терпится, чтобы он ушел? А сам тут же смеется и говорит, что ему было поручено доставить чету Комвоно к королевскому двору, а это, по высочайшему мнению, пока еще не состоялось. Последнее время он еще и зазывает ее пойти поучиться стрельбе из лука, на что Соголон, впрочем, тоже соглашаться не торопится.

Стены отведенной ей комнаты безмолвно давят; уходя головой в подушки, она чувствует себя куском железа. После ухода Аеси в гостиной и коридоре остается его запах; или, может, это просто воспоминание. Приходят мысли и о свойствах памяти. Вот, скажем, два дня назад хозяйка переживала насчет Сестры Короля, но прошел всего день, и она сказала, что такой

души на свете нет. Впрочем, сказать, что ее теперь нет, может подразумевать, что раньше она была. Плохо, если хозяйке мнится, что она путает, хуже, если она решит, что Соголон всё выдумывает с каким-то тайным умыслом. Между тем она знает, что принцесса не выдумана, и подозревать госпожу в потере памяти причин нет, особенно когда остаток дня память у хозяйки превосходная – вон как она давеча распекала ее за подслушивание. Но спутанность хозяйки наводит на мысль, что сны и память в ней сплавляются воедино, и остается лишь гадать, куда это может завести. Такие раздумья отягчают, но затем Соголон погружается в легкий сон с зыбким видением, в котором есть вспышка тех самых волос, рыжих как голова птицы-ткача. В сновидении он поворачивается к ней лицом и собирается заговорить, но тут Соголон просыпается.

Через три дня после визита Аеси приходит извещение, что дом Комвоно завтра ожидают при дворе. Сразу с уходом глашатая хозяйка разражается жестокой бранью, сетуя и крича на Соголон, что всё пропало и никуда не годится; что все ее ткани еще с прошлого раза, как она была при дворе, и что это будет чудовищной потерей лица.

– Ты слышишь меня, скверная девчонка, какой это ужас? – кричит она. – Чтобы я явилась ко двору в таких вот вышедших из моды обносках! Да лучше б я оделась как рабыня! – кричит она Соголон, хотя бедняжка никаким боком не причастна к ее дилеммам насчет нарядов.

– А ну на базар! На самый что ни на есть! – командует госпожа Комвоно и кидает в девочку золотую монету. Соголон в смятении, потому что ума не приложит, что потребно хозяйке, что может приглянуться двору, и не противоречит ли одно другому. К Соголон госпожа приставляет Кеме, который негодуяще шипит, слыша такое унижительное для себя поручение: выбирать женское тряпье.

Базар тканей и даров расположен в Баганде – районе у оконечности длинной насыпной дороги, соединяющей четыре других района города, вниз по склону. Перед полуднем они выезжают через западные ворота, оба на лошадях, хотя Соголон верховая езда всё еще нервирует. Выбравшись на дорогу, они отправляются в путь. Изрядная его часть проходит вдоль вершины горы, где с обеих сторон ничего, кроме крутых откосов, а взгляд встречает лишь дымчатые вершины гор, синеющие вдали. Один перекресток переходит в другой, после чего следует поворот глубоко вниз, к исходящему паром озеру, которое они объезжают. Еще один протяженный изгиб, и вслед за тем выезд на прямую дорогу в район, где трудятся кузнецы и гончары, усердствуют зазывалы и торговцы, шумят базары и лавки, рядятся покупатели и канючат попрошайки. В Углико тоже торгуют, но там к заходу солнца всё должно неукоснительно закрываться и освобождать улицы; зазевавшимся светит ночь в подземельях, которые уходят столь глубоко, что некоторые наружу уже не возвращаются. В Баганде почти каждой лавкой и кузней управляет владелец или семья, у которых там же и жилье – или непосредственно сверху, или сзади. Места, подобного Баганде, Соголон прежде никогда не видала. Должно быть, именно отсюда берутся шелка госпожи, потому как здесь изобилуют ткани таких цветов, выделок, узоров и оттенков, названий которым Соголон даже и не знает. Чего на них только нет – и плавающие рыбы, и вздыбленные львы, и танцующие под неслышный барабан танцоры, совсем как живые. А еще здесь навалом еды, шкварчащей, булькающей, сырой и всякой-всякой. В одном ларьке мужчина продает живых желтых кошек из-за Песчаного моря: *«Кому на взгляд, кому на жаркое! Подходи выбирай, первое или второе!»* Тут и там торговки кричат, что у них товар-де только что с корабля из страны, где люди, не сходя с места, крутятся десять лун, из страны, где рыбы ходят, а лошади плавают. Соголон, замешкавшись, чуть не врежется в прилавок с живыми змеями и испуганно вскрикивает. Кеме со смехом ее оттаскивает. Лошади идут легким шагом. С седла видно людей, которые к лавочникам не принадлежат, – женщины, делающие семейные закупки; купцы на пути к рядам, где торгуют золотом, камнями, шкурами, специями и солью. Мальчики-помощники идут впереди с пожитками ковыляющих сзади стариков. Деловито проходят ремесленники со своими инструментами; колыхают груженные

повозки, запряженные ослами, мулами и волами. Быки фыркают на удары хлыстов. Глашатаи нараспев вещают, что Король занят своими думами, а наследный принц – делами трона.

– Я ведь скоро вступаю в легион буйволов, – сообщает Кеме, заметно волнуясь.

– Что-то я про такой не слышала.

– Да ты вообще знаешь, что такое легион?

– Я знаю, что смогу хотя бы спокойно ездить верхом.

– Беда с тобой в том, что никто никогда с тобой нормально не шутил.

– Я всё время только шутки и вижу, – парирует она.

– С тобой любой разговор моментально превращается в борьбу.

– Ты хотел мне рассказать про твой легион.

– Язви его боги. – Кеме хмурится, а затем улыбается. Соголон по-прежнему непроницаемо на него смотрит. – Он первым идет к полю сражения и возглавляет путь войны. Его воины искусны во всех видах боя и не подчиняются никому, кроме Короля.

– У тебя уже есть такие навыки. Легион буйволов, значит? Ты, наверное, и сам не прочь превратиться в буйвола.

– Из уст любого, кроме тебя, это звучало бы как похвала.

– А от меня как звучит?

– Даже и не знаю, царица Соголон.

– Ну вот, хоть что-то в тебе есть, что я смогла исправить, – примирительно ворчит хозяйка. Она придирчиво осматривает каждый привезенный Соголон отрез, но тем не менее поглаживает их с одобрением, ласково. – Эти три подойдут, – говорит она, указывая на стопку слева, – а эти еще посмотрим, – кивает она на стопку, что справа. – В смысле, на тебе, девочка. Не пускать же тебя в присутствии Короля в одежонке болотной крысы. Скажи служанке, чтобы подыскала мне швею. Нынче же вечером, поняла?

Внутри весь дом поеживается от криков хозяйки на швею, так что Соголон выходит во двор. Она уже сбилась со счета, какая нынче ночь – кажется, вторая либо третья без луны. Соголон скучно. «Мужчины в это время ночи, должно быть, читают», – думается ей. А она вот читать не умеет, и нет вокруг никого, кто мог бы научить. Хозяйку больше заботит обучить ее сидеть, есть, стоять и держать себя; удивительно даже, что она не пыталась научить ее правильно гадить. Мысли приходят колкие и жестокие. Даже не особо волнует, что завтра она будет при королевском дворе в присутствии какой-то из высочайших особ; честь, которой удостоиваются немногие, и уж точно никто из подобных ей. Соголон приходит в голову оглянуться на свою жизнь до этого момента, вернуться как можно дальше назад, насколько охватывает память, а затем перескочить в настоящее, просто чтобы поразиться всему, что с ней произошло. Но ее не интересует возвращаться так далеко или возвращаться вообще. Даже в начало сегодняшнего дня и то не тянет.

Сейчас ее больше интересует Кеме – как он выводит под уздцы лошадь, проскальзывает в ворота и исчезает в темноте. Даже толком об этом не задумываясь, она продельывает то же самое и отправляется следом. Они на той же дороге, что ведет в Баганду. Ночь пугает до тех пор, пока до нее не доходит, что тьма не так уж и темна, что дорога ярка от пыли, а деревья словно тени на фоне неба, которое не черное, а темно-темно-синее. Ну а там, где темноту не осилить глазам, видят уши, и Соголон следует за Кеме на изрядном расстоянии, но ни разу не теряет его след. Даже хорошо, что в темноте взору не видны крутые откосы по обе стороны дороги.

На первом перекрестке она поворачивает налево и выезжает за поворот, ведущий с горы вниз. В середине поворота направо ответвляется тропинка, где в воздухе всё еще висит пыль, поднятая лошадь Кеме. Соголон приближается к концу ответвления, где видит его лошадь, привязанную к дереву, но самого Кеме там нет. На краю дороги Соголон углубляется

в деревья и кустарник. Кеме не отзывается, хотя она уже дважды его окликнула. Над кромкой обрыва она внезапно спотыкается. Хорошо, что одежда цепляется за какой-то куст или деревце, потому что дальше, кроме воздуха, ничего нет – во всяком случае, она чувствует это своими ногами. И там видно что-то еще. Соголон несколько раз смаргивает, вглядываясь, но это не меняет того, что она видит – потому что смотрит она на Кеме, хотя это едва ли делает картину менее сказочной.

Кеме над облаками ступает по воздуху. Впрочем, нет, он идет по плиткам – одни такие мелкие, что едва умещают ступню, другие размером с дверь, но и те и другие не крепятся ни к чему, кроме ночного неба. Плитка, кирпичи, камни, куски пола – всё это образует тропу, выстеленную по открытому воздуху. Не успев осознать, что делает, Соголон уже стоит на первом плавучем камне. Под ногой он слегка опускается, и она хлопает себя по рту, чтобы пресечь крик. Второй блок тоже немного проседает. Двинуться дальше она не может. Под ней зыбятся горы и долины, а воздух вокруг пустой и ничего не обещающий. Неужто это Кеме, ступающий словно по обычной пешеходной тропе, загнал ее сюда? При попытке скакнуть на следующую плитку Соголон чуть не падает и коротко взвизгивает, но не так громко, чтобы донеслось до слуха Кеме. Плитки, доски, кирпичи теперь кажутся такими же прочными, как и земля. Облака плывут под ней, и темнота внизу вселяет в ее грудь немой ужас. Кеме же ступает как человек, который гуляет здесь так часто, что по сторонам и не оглядывается. А вот Соголон впервые окидывает взором пределы тропы и смотрит за пределы ветра, пасмурным призраком колыхнувшегося в ночном небе.

Тропа длиннее, чем кажется, дольше, чем два раза перевернутые часы. Что за бог со столь рассеянным нравом мостил этот путь, словно собирая воедино всё, что можно найти? Самое, язви его, время для таких раздумий, когда тебя при малейшей оплошности может сдуть с этих плиток. Конец тропы еще более загадочен, чем начало. Голову Соголон распирает от увиденного, но ей всё равно не верится, несмотря даже на твердость поступи Кеме, шагающего всё так же целеустремленно. Облака сбиваются в кучи и расплываются по ходу движения, и что-то витает в воздухе; что-то, похожее на отдаленный шепот. Кеме пропадает из виду.

Растирая себе шею, она пересиливает панику. Облака расступаются, и сначала снизу видится дым – семь его струй, тянущихся вверх, – а под ним крыши, кое-где заостренные, кое-где плоские. Видение и вера не сходятся вместе, и это роковым образом сказывается на равновесии Соголон. Дома, лачуги, таверны, мосты, святилища – всё это тесно жмется друг к другу, как в любом районе Фасиси, и всё парит в воздухе. Двери смыкаются с дорожками, которые смыкаются с дверями, которые смыкаются с дорожками, а вдоль них всюду движение.

Опрометчивый шаг обходится ей дорого. Теперь внизу только небо. Она падает – и перестает падать. Запястье ей обхватывает чья-то крепкая рука и тянет вверх. Кеме.

– «Не буду с тобой разгуливать по задним дворам» – чьи слова? Не твои ли? Да еще сказаны так самоуверенно. Зачем же ты увязываешься за мной?

– Ты *это* собирался мне показать?

– Я вижу, ты всё не уймешься со своей чушью.

– Что за место такое?

– Ты всё хмурилась, будто чуяла у меня на языке что-то гниlostное. Я и подумал: «Неужто она решила, что у меня на уме обойтись с ней дурно?» Ты действительно так считала?

– Вовсе нет.

– Ты лучше лги при свете дня.

– Здесь живут дети богов?

– Нет. – Кеме возобновляет свою ходьбу. – А вот дети Го вполне.

Соголон не просит объяснений, полагая, что лучше ему сейчас не досаждать: всё же она действительно перед ним слегка виновата. В ту ночь он действительно не давал ей причин

усомниться в своих благих намерениях. Как будто мужчинам нужны причины. Но он не как *они*, он на них не похож, хотя тоже мужчина.

– Я что-то не понимаю.

– Откуда тебе. Смотри снова не оступись.

Она идет по пятам, ступая след в след, прыжок в прыжок, на цыпочках там, где он на цыпочках. Вскоре они оказываются в центре города – ибо чем это еще могло быть, как не городом? Ничто в Фасиси и близко не похоже на эти крыши и стены, и в Миту и Конгоре тоже. Стены из белой глины, но темные ночью, сплошь в узорах, царапках и картинках сцен войны, охоты, плавания, совокуплений, танцев, и всё это в ночи светится медно-красным, как железо в кузне. Рисунки тянутся мимо окон первого и второго этажей к небу; из той же глины и плоские крыши. Дома здесь всех форм, какие только заблагорассудятся; одни растут вширь, другие ввысь, некоторые напоминают устремленные в небо иглы, есть и изогнутые, а иные округлые, похожие на яйцо или женскую грудь.

– И всё-таки, что ты имеешь в виду?

Кеме останавливается у какого-то входа, откуда доносятся веселый шум и смех. Таверна.

– Го. Дети Го. Ты про Го слышала?

– Нет такого названия.

– Значит, не слышала.

– Почему, слышала. Я просто в том смысле, что оно нигде не на слуху. Ну разве что матери рассказывают в сказках малышам.

– И матерей таких тоже не встретишь.

– Ты будешь мне рассказывать или нет?

Кеме смеется и качает головой.

– Здешние люди произошли от народа Го, пришли сюда десять колен назад. А покидая Го, они забрали с собой всё, даже глину, даже дерево и камень для постройки своих домов. Но всё из Го, будь то дерево, камень, металл или грязь, ведет себя так же, как Го, и легенда эта правдива. Хотя даже не легенда. Всё, что из Го и от Го, всплывает, едва садится солнце, а с восходом опускается.

– Ты хочешь сказать, что весь город всплывает в воздух после того, как садится солнце?

– Это именно то, что я сейчас сказал.

– Не верю.

– Но вот он город, парящий в воздухе, веришь ты тому или нет.

Он поворачивается и входит в таверну.

– Кеме! – встречают его восторженные голоса.

Соголон собирается войти следом, но не может оторваться от того, что находится перед ней. Казалось бы, всё выглядит как обычно, но это если не смотреть вниз, а на краю деревянной или каменной дорожки есть зазор, отделяющий одну от другой. Что, если кто-то туда невзначай провалится? Или, может, люди из Го освоили еще и летание? Вот они снуют в своих повседневных делах и при этом ничем не отличаются от любых других в Фасиси. А ведь это таверна. Что может случиться с пьяным, который плохо держится на ногах?

Мимо проходят трое, увлеченные спором о том, как между девушками можно заметить и распознать богатую. Соголон провожает их взглядом, пока те не скрываются слева за стеной, испещренной светящимися красными узорами. Ее подмывает к ним прикоснуться, узнать, жжется или нет. Район вокруг большой, дома теснятся один над другим, во многих из них зазывно горит свет – значит, люди там спокойно занимаются своими делами. Соголон входит внутрь.

На каждом углу трепещут факелы. Под их неверным светом хохочет, шумит, ругается народ; мотаются пьяные головы, требуя еще вина или пива, а кто-то бойкий взывает:

– Ну и сама подходи обнаженная!

– И что же ты думаешь делать со мной обнаженной, задохлик? – смеется разбитная деваха-виночерпий.

– Ты, главное, подходи! – кричит ей в ответ беспечный выпивоха. – Подходи, и я выпью тебя до донца, как это вот пиво!

– Как же ты меня испьешь, когда в тебе из-за выпитого уж днища не видать? – бойко отвечает деваха под всеобщий гогот.

Под взрывы смеха Соголон ищет Кеме и находит его по голосу, громкому, как крик, нисходящий до выдоха. Здесь всё немного странное, как во сне. Слышно звучание коёры и уда²¹, но тех, кто играет, не видно. Тусклого освещения вполне достаточно, чтобы всех разглядеть, но на лицах словно мягкий лиловый грим, скрывающий очертания. Все полулежат на расстеленных по полу коврах, припав к валикам и подушкам. Кеме сидит и радушно хлопает лежащего рядом льва, который в ответ неохотно рыкает и приподнимает лапищу, будто собираясь смести приставалу с ног. Кеме смеется лишь громче, остальные ему вторят. Спина к Соголон в обнимку с длинным посохом сидит старик – худющий, все ребра можно пересчитать. Рядом развалился немолодой семикрыл; без своей мотни на голове он блестит лысиной. Бок о бок с ним сидит кто-то в доспехах, похожих на те, что у Кеме. А рядом дама в длинном платье с золотыми полосками; ткань такая тонкая, что сквозь золото просвечивает тело. Мимо Соголон к ним протискивается какая-то молодая, видная; Соголон принимает ее за служанку, но она смело, как ровня усаживается рядом со стариком.

– Соголон, познакомься с моими друзьями, – говорит Кеме.

Первым оборачивается старик, и Кеме начинает с него:

– Это Алайя. Не удивляйся, если где-нибудь в Малакале или Миту ты встретишь такого же, как он. Скорее всего, это будет его близнец.

– А если таких восемь или больше, то всё равно близнец? – интересуется старик.

– Больше восьми – это уже инцест, а не близнец, – поправляет соседка, и угол опять взрывается хохотом.

– Эту злодейку, что рядом, зовут Бимбола.

– Каждую бабу, видящую мужика насквозь с его дурью, клянут не иначе как злодейкой, – усмехается Бимбола и глазами указывает Соголон местечко, куда можно сесть.

Кеме продолжает:

– Семикрыла ты знаешь, но, наверное, впервые видишь его лицо. А слева от меня Берему, лев с самой гадкой пастью во всем Фасиси. Да, зверюга?

Лев снова издает утробный рык.

– А вот справа... Справа от меня та, кого бы вам лучше не знать.

Из темноты что-то шлепает Кеме по голове, сбоку.

– Женщина, чем ты меня, черт возьми, сейчас угостила?

– Тем, чем угощают Берему, – является в поле зрения та, видная. – Я Ому. А ты кто будешь? – спрашивает она гостью.

– Я Соголон.

Кеме смотрит на старика и спрашивает:

– Ну так что, Алайя, как там наш Король?

– Дворцу служишь ты. А я всего лишь гриот.

– Который знает о власти новости, неизвестные даже ей самой?

Алайя дважды стучит посохом по коврику.

– Король все думает свои думы, – возглашает он, и лев рычит.

– Да. Берему, напхни ему, чтобы не раскидывал дерьмо, – подает голос один из сидящих.

²¹ Ко`ра, уд – струнные щипковые музыкальные инструменты, по строению и звуку близкие к арфе и лютне.

– Ничего, – успокаивает Ому. – Представь, что мы у тебя в спальне.

– Помолчи, – одергивает ее Кеме.

– Я ничего и не говорю.

– Зато *думаешь*. Берему, а что скажешь ты?

В ответ снова рык, затем урчание, а затем звук, которого Соголон от льва никак не ждала.

– Людям наверху, в небе, нет дела до Короля, кем бы он ни был, – говорит Алайя.

– В каком смысле?

– В смысле, что ваш принц держит себя так, будто корона у него уже на голове, а Король все глубже погружается в свои неясные думы. Две ночи назад он их почти уже завершил. Впервые за три луны принц явился во дворец, а его никто не вызвал. И тут Кваш Кагар решил, что надо бы поработать еще, даже встал и сделал несколько шагов, пока его не уложили обратно в постель. Видели бы вы лицо принца, когда Короля увозила колесница. Взгляд был такой, что можно плавить им серебро.

– Колесница далеко его не увезла, – вполголоса рассказывает Бимбола. – В Тахе его сняли с девки, как только она под ним затихла. Прямо среди улицы, а ему и наплевать, что его видели. Так после этого сангомины нашли ее дом и спалили дотла. Только на этой неделе те ублюдки-деточки...

– Бимбола, – встречает Кеме.

– Отстань, я говорю как есть, – отмахивается она. – С тех пор, как этот бесогон заполучил себе уши Аеси, и с тех пор, как Аеси провел его на верхи вместе с его выводком, Фасиси живет на острие ножа. Демоны носятся, бесчинствуют, подгребают всё, что хотят. Вы бы видели их на рынке, как они хапают всё, на что положат глаз! На прошлой неделе одна женщина возмутилась, так один из них отжег ей язык. Другой снес голову мужчине только затем, чтобы люди это видели. И боги да будут вам в помощь, если вы просто окажетесь у них на пути, ибо тот из них, кто не наступит, тот пройдет вас насквозь, чтоб лопнуло сердце! Счастье, если вы отделаетесь всего-то оторванным пальцем. Судей не зовите, они просто не придут. Демоны распоясались окончательно, не знают удержу. Всё королевство под ними стонет.

– Это не они распоясались, это кто-то дал им распоясаться, – высказывает предположение Алайя.

– Что же станет с этой землей, когда наш Король...

– Ому, замолчи, – требует Кеме.

Берему ревет.

– Ты тоже замолчи! – говорит ему Кеме.

Лев поднимается, недовольно фыркает и уходит в соседнюю комнату.

Алайя поворачивается к Соголон:

– Это лев говорит: «Перестань быть таким трусом».

– Ему повезло, что это он, иначе я бы полоснул ножом прямо по его морде, – горячится Кеме. – Как он, бесы его заberi, осмеливается назвать меня трусом?

– *Tu loji*, – говорит вполголоса Бимбола.

– Мое лицо не горячее! – отмахивается Кеме и делает глоток пива.

Ому с прищуром смотрит на Соголон и спрашивает:

– Ты, девочка, наверное, метишь стать у Кеме второй женой?

Кеме что-то кричит, но Соголон не слышит. «Вторая жена». Фраза пронзает голову навилет, покидает ее, возвращается и снова вылетает. Разум не знает, что на это ответить. Только и может, что впускать и выпускать это слово.

– Бедняга и с первой-то едва управляется, – усмехается Ому.

– Ому, не корчи из себя злючку.

– Я не корчу. Если бы я затевала выходку, я бы тебя предупредила.

Соголон растерянно смотрит на сидящих справа. Стариканы улыбаются, но ничего не говорят, остерегаясь соседских ушей. Бимбола в это время отлучается к стойке долить кому-то еще пива. Гляньте на него. Конечно же, у него есть жена, может, даже две. Ну а тебе-то какое дело? Между ним и тобой нет ничего, кроме легкого ветерка. Соголон хочется быть большой женщиной, которая уже понимает большие женские вещи. А это... Это заставляет ее ощущать себя просто девчонкой. Нет, не девчонкой – дурочкой. И даже не ощущать: какие могут быть ощущения у бесчувственного полена?

– В каком из девяти миров ты сейчас обретаешься? – говорит ей на ухо Ому. Соголон не отвечает. Воздух нестерпимо разрежен, нечем дышать, и вообще ей хочется уйти, скрыться, лучше бегом.

За стеною грохот, рев, крики, рычание, снова грохот, уже как при драке, топот бегущих ног. Бегущего кто-то или что-то преследует, затем резкий удар не то об дверь, не то об пол. Никто не знает, что стряслось, пока не появляется лев, с маленькой белой девочкой в пасти. Вся таверна вскакивает и с криком разбегается, кроме тех, кто рядом с Кеме. Челюсти Берему сомкнуты на шее девчушки с кожей белой, как глина.

– Берему, брось девочку! – кричит ему Кеме.

Лев ее по-прежнему треплет, а та уж и не шевелится.

– Берему! – снова кричит Кеме и хватается за копьё. Берему бросает девчушку и издает громовой рык. Разбежались уже все, кроме тех, кто с Кеме.

– Ты убил ее? – спрашивает зверя Ому.

Берему строптиво рыкает и встряхивается.

– Но вид у нее как у мертвой.

Лев смотрит и рычит. Кеме по-прежнему сжимает свое копьё. К девчушке подходит Бимбола. На полу лежит детское тельце, белое с головы до ног, включая волосы. Невидящие глаза открыты, отверст и безмолвный рот. От прикосновения ко лбу вся девчушка рассыпается в порошок, словно она и в самом деле была целиком из глины.

– О боги! – невольно восклицает Бимбола.

Кеме опускает копьё.

– Сангомин? – спрашивает он Берему.

Лев в ответ фыркает и шипит. Кеме пристально смотрит на Соголон. Его взгляд ей не нравится.

– Гляньте, один глинистый прах, – растерянно произносит Ому.

– Он или она уже превратились в кого-то другого. Ушли, – говорит Алайя.

Соголон подойти побаивается, но все подходят и смотрят. Кроме Алайи.

– Сангомины здесь раньше если и бывали, то я их не замечал, – говорит он.

– Алайя, кого ты сейчас злишь? – говорит Кеме. – Скоро за ним явится еще кто-нибудь.

Сыпучий прах выскальзывает из ладоней Ому. Теперь все взгляды устремлены на Алайю.

– Берему его убил, – молвит тот.

Лев собирается зарычать, но Ому говорит:

– Убил кого – эту пыль, что ли?

– Кстати, ты, дворцовый страж, – обращается к Кеме Бимбола. – Тебе здесь оставаться нельзя.

– Но я ничего не сделал.

– Пусть всё вначале поостынет. Уходи.

– Вот Алайе точно лучше уйти.

– Ты думаешь, меня нужно об этом упрашивать?

– Всё, расходимся, – бросает Кеме, не оглядываясь. Но на выходе приостанавливается: – Соголон!

Ее тоже упрашивать не надо. Она бежит следом.

Выйдя наружу, Кеме шагает быстро и размашисто; Соголон с трудом удается его нагнать.

– Да дайте мне хоть одну спокойную ночь!

– Разве я тебя ее лишаю?

– Ты цапаешься даже тогда, когда к тебе никто не пристаёт.

– Цапался сегодня ты со своей подругой.

– Да? Я уж позабыл. В общем, дружба наша врозь. Завтра ты идешь во дворец, и голова о вас пускай болит уже у других караульчиков. А у меня обуза с плеч.

– Ах, так я обуза? Ты всех своих обуз обучаешь верховой езде и стрельбе из лука?

– Иди домой, Соголон.

– Дома у меня нет.

– Тогда куда глаза глядят. Или куда позовут. Но не за мной.

– Послушай, я...

– Больше за мной не ходи.

Шесть

Стоит уяснить, что за внешними стенами Король не живет. Здесь обитают благородные и близкие по крови, богатые и могущественные, люди старых и новых денежных состояний; те, кто пользуется благосклонностью Короля и состоит у него в услужении. А вот внутри находится еще одна крепость, с высокими отвесными стенами, расположенная на вершине горы. Там-то и находится замок Кваша Кагара и священный предел, где располагаются семь других замков. Семь, держащих за собой истории о семи королях династии Акумов, ибо любому из наследников воспрещается жить в доме мертвого короля. Принц может жить в любом из замков, в котором пожелает; может и принцесса, и Королева-Мать, и те, у кого есть кровь, но нет титула. Однако наследный принц должен возвести свой собственный замок перед тем, как восходить на трон, и в возведении том должны быть мудрость и старание. Ибо если построит слишком поздно, то старый король своей смертью оставит нового без жилища, а если слишком рано, то живой узрит в этом оскорбление от сына, уже торопящегося занять его место, и сошлет его в горную крепость, находящуюся еще дальше, чем даже Манта.

Кваш Кагар построил замок самый большой, какой только может предстать взору; величием сравнимый с его устремлениями, и чтобы размещал в себе всех его многочисленных детей, законных и внебрачных, как острят иные колкие на язык гриоты. Навесные кирпичные стены здесь высотой в четыре этажа и с зубцами высотой в человеческий рост. На каждом этаже окна в виде арок, каждая высотой в пять рослых мужчин. По углам стен четыре башни с зоркими часовыми, а сам замок внутри, и на верхнем его этаже еще два шириною вдвое меньше, где живут Король и его Королева. Смотрит человек на замок Кваша Кагара и видит, что Король сей действительно пришел с одной целью – быть величием выше любого другого монарха, а если нет, то смотреться таковым. На каждом буре кирпиче отпечаток с днем его рождения. Каждая кирпичная стена толщиной в четыре человеческих шага. Говорят, замок тот настолько обширен, что, когда в восточном крыле наступает ночь, на западном еще держится вечер. По мере того как королевство и семья Кваша Кагара растут, он пристраивает к комнате еще комнату, к покою еще покой, к залу еще зал, и то, что не является частью замка, выходит в наружные пределы, включая помещения для слуг и челяди, что кормит его, одевает, моет, подстригает когтистые ногти, счищает с его глаз присохшие корочки и вытирает с ночи королевское ложе, дабы оно не провоняло мочой. Также рядом находится зал танцев и увеселений, зал зрелищ, а еще баня. Затем палаты для десяти и двух дворцовых львов, библиотека размером с первый дворец и зал архивов. На каждом промежутке зубчатой стены стоит по стражнику с копьем, местами по двое. Стоят и караулы: четверо солдат у воротной башни и по одному на каждой ступени лестницы, ведущей к входу.

В стенах замка, а порой вне его, чтоб не раздражать Короля, вращаются те, кто при дворе. Некоторые задерживаются здесь всего на четверть луны, иные до полугода, кое-кто не покидает его никогда. Госпожа Комвоно не знает, кем из них отведено быть ей. Но она почерпнула сведения от «дражайшей сестры», статс-дамы госпожи Дунгуру, которая сейчас находится при дворе. Король Кваш Кагар, ныне уже старый и немощный, предпочитает уединение своего ложа. Его жена, первая королева, почилла за много лет до него, а ее дух угнезвился на ветви монаршего древа, хотя сама она не из высокородных. Вторую жену, Королеву Вуту, Кваш Кагар взял за себя два года назад, но на нее он, когда еще мог ходить, наткнулся как на незнакомку в собственном доме, и спрашивал, которая она из его наложниц. Такая красивая, что слышет глупышкой, но всё равно безудержно строит козни, так говорит повар. Повар говорит еще и то, что в прошлом году она жаловалась на детородную болезнь, но прекратила, едва Аеси высчитал время, когда она заявила о зачатии – он обнаружил, что Король тогда был уже слишком слаб, чтобы заниматься в постели чем-либо помимо сна. Присутствует также ее сестра, у которой

четверо детей, отцом которых считается ее муж, но на вид все они просто вылитый Король; ее чванливый отец и развратный брат, который мнит себя любимцем наследного принца, хотя принц продолжает считать его одним из людей Короля и при каждом случае с издевкой спрашивает, не является ли его обязанностью вытирать монаршую задницу прежде, чем весь двор учует, что венценосец обделался. Что касается наследного принца Ликуда, то он жил в одном замке со своей сестрой, принцессой Эмини, но оба с некоторых пор притомились от наклонностей друг друга. В доме принца и непосредственно с ним живут четверо мужчин и три женщины, которые могут быть – или не быть – чем-то меж собой обручены, поскольку слуги всегда застают ту или иную их конфигурацию в разных кроватях, или на полу, или на перилах, или на крыше, однажды и в клетке зверинца. В покоях принцессы пятеро женщин, знающих ее с рождения, так как все они раньше прислуживали покойной королеве. И принц и принцесса сетуют всем, кто подвернется, что эта Королева, даром что новая, успела заразить весь дом своей родней – подобно вшам, обживающим волосы, вслед за ней ко двору пролезают ее дядя, тетя и двое кузенов.

При дворе живет несколько королевских бастардов, к которым монарх питает нежную привязанность, и военачальник Олу, самый заслуженный воитель Короля – жизнь во дворце пожалована ему как награда. Олу пережил попадание копья в голову; оно пронзило ее насквозь, отняв изрядную часть мозга, и новая Королева частенько язвит, сколько же нынче при дворе шутов: один или два? Олу живет отшельником, но на шее носит свадебное ожерелье; для чего, не может сказать никто, даже он сам. Живут и еще четверо мужчин, состоящих близко при Короле; и еще семь дам, которые состояли при покойной королеве; игроки на барабанах, арфе и ко€ре; один шут, один прорицатель Ифы, и множество сангоминов – все как один молодые, а некоторые и того моложе. А также Аеси, хотя что можно сказать о нем? Кто он такой, знают все и всегда, хоть никто и не помнит, когда впервые его увидели или как он стал канцлером. Просто знают, что так было всегда.

Двое семикрылов едут легкой рысью, направляясь к воротам замка. Они держатся впереди, а за ними правит колесным шатром близнец. Кеме подъезжает к каравану сбоку и то ли хочет перемолвиться с госпожой Комвоно, то ли просто заглядывает в окно.

– Чего это у тебя вид, будто ты здесь что-то забыл? – спрашивает госпожа.

– А? Да нет, почтенная госпожа.

Соголон хотелось бы видеть, как его лицо горит от смущения, но этого не происходит, потому что у него этого чувства нет. Просто вид, будто он что-то здесь оставил и пытается найти. Соголон сзади сортирует подношения для Короля, в том числе мирру, которой хозяйка мажется, не переставая, хотя и говорит, что в природе она встречается реже, чем малыш дженгу²² в колбе. Кеме глядит в окно, но Соголон к нему не оборачивается: пускай его потужит. Госпожа Комвоно взирает с благодушным видом: по крайней мере одна забота с плеч, не надо переживать, что девчонка предстанет перед двором оборвашкой. Соголон поглядывает вниз на свое платье – первое за всю жизнь. А ощущать на голове геле вообще странно; раньше она не чувствовала там ничего, помимо собственных волос. Платье голубое, как утреннее небо, с разбросанным рисунком в виде куриных лапок, то же самое и геле. Соголон чувствует себя куклой или рамой, в которой хранится платье, но не той, кто его носит. «Как же непросто ходить в этом узилище», – отмечает она, чувствуя в коленях стягивающую узость. Так неловко, должно быть, чувствуют себя на суше рыбы: ни согнуться, ни вильнуть хвостом.

– Мы приближаемся к первому из великих замков, почтенная госпожа, – рассказывает Кеме. – Справа, за деревьями, замок Кваша Джафари, второго из королев дома Акумов. Эти земли завоевал Кваш Калифа, его отец, но он умер прежде, чем начать на них строительство. Люди называют этот замок Красным, потому что... Ну, вы видите почему.

²² Дженгу – дух воды в традиционных верованиях камерунцев.

Соголон так хочется выглянуть наружу, хочется увидеть замки, дороги, стражу и всякое такое, от чего не стыдно упасть в обморок. Но она не хочет встречаться глазами с Кеме. Караван поворачивает направо.

– Сейчас мы приближаемся к замку Кваша Джафари – дворцу, сказать по правде, где живет принцесса Эмини. Один из двух замков, построенных из камня, хотя всё остальное из кирпича. Также...

– С какой стати этот вездесущий распирает мне о месте, которое я и без него знаю? Или он думает, что я при дворе впервые?

Госпожа обращается к воздуху, потому что никогда не опустилась бы до того, чтобы обращаться напрямую к челяди или жаловаться Соголон. Она отворачивается от окна, откидывается на спинку стула и закрывает глаза, подготавливая себя. Процессия останавливается. Хозяйка протирает веки и ворчливо требует подать воды. Только сейчас Соголон замечает, что она плачет.

От воротной башни всем приходится идти пешком. Взять паланкин хозяйка не предусмотрела, за что вполголоса себя клянет. Кеме через арку проводит их в просторный зал приветствий, где у дверей стоят стражники в красном. Кеме почему зря не останавливается, хозяйка тоже, так что Соголон лишена возможности разглядеть что-нибудь настолько, чтобы восхититься. Она может смотреть только вперед, на две пурпурные двери в арке, которые с их приближением медленно отворяются в покой с занавесями до уходящих ввысь потолков, украшенных картинами людей на поклонении, в битвах и на охоте. Еще две двери открываются в еще один покой с большими урнами возле окон и вазами на подоконниках, из которых растут маленькие деревья. Здесь притихли стулья в ожидании, когда на них сядут. Во главе покоя возвышение из золота и три кресла, причем то, что посередине, самое большое, пурпурное и с золотыми словами, смысл которых для Соголон остается загадкой. Они подходят к еще одной двери, возле которой на страже стоят два льва. С ними не сравнится даже Берему. Соголон побаивается, видя, что они ростом едва не с человека, но те вполне равнодушно пропускают гостью мимо себя, вызывая у девочки неловкость. Кеме на ходу что-то говорит и успевает почесать правого по гриве, вызвав в ответ негромкое, утробное урчание. На полпути через помещение обнаруживается, что оба льва следуют за ними. В соседнем покое стульев меньше, чем в предыдущем, а на стенах гобелены с изображениями королей и королев. На белом коне гарцует Кваш Калифа, первый король, а вот он уже на троне, рядом со своей королевой.

И опять Кваш Калифа, перед множеством своих детей и подданных на склоне горы. Затем Кваш Калифа с мечом и копьем, во главе великого красного воинства бьется с зеленым врагом, который рассыпается на поверженные трупы возле его ног. А впереди еще два изображения, по обеим сторонам коридора, ведущего к очередным дверям. Слева Калифа сражает огнедышащую нинки-нанку²³, чье длинное чешуйчатое тело и хвост обвивают всю картину снизу. Справа – Король, Королева и маленький принц в окружении львов.

Входят еще два льва и провожают их в соседний покой.

– Но это же не королевский дворец? – спрашивает госпожа Комвоно. Кеме оборачивается, но не отвечает.

– Кваш Кагар не станет жить во дворце мертвого короля, даже если он...

Два льва грозно рыкают. Хозяйка мгновенно смолкает.

Створки дверей размыкаются, и в них врывается гул голосов. Многолюдство. Блеск. Двор. Болтовня, смех, вполголоса сплетни, шепотом слухи. Воздух втекает, восходит и кружится под сводами, заливая уши патокой несносной болтовни. *«Какой забывчивый бог вдруг вспомнил, что она... помяните мои слова, когда он уйдет, с ними уйдет и мир... в наши дни держаться так с мужчиной, посмотрим, как она дотянет до замужества... война? Нет-*

²³ Нинки-нанка – мифический болотный дракон.

нет-нет, никакой войны...» Но озираться бессмысленно: фраз уже не поймать и говорящих не найти. Всё, что охватывает глаз, – это скопище мужчин и женщин, разряженных так, что весь зал словно светится. На некоторых одеяния даже из золота, женщины с узорами всех форм и расцветок, и в негласном состязании за самую высокую и широкую игию. Женщины и мужчины в одеялах басуто всех видов и орнаментов; их так много, что Соголон подмечает, как хозяйка придиричиво оглядывает свой собственный наряд, созданный ею по наитию, и хмурится. Понятно почему: больше всего на свете она хотела выделиться, а теперь сокрушается, что так оно и происходит. То же и Соголон, которая одета примерно так же. До слуха доносятся шепотки, в силу своей тихости невнятные, но ничего лестного в них явно не содержится. Все смотрят на вновь прибывшую, которая деликатно кивает несколькими своим знакомым. Вот двое мужчин улыбаются весьма натянуто, две дамы прячут в ладонь неприметные смешки. Кивает мало кто, зато заметно, что некоторые хмурятся, ну а большинство вообще смотрит и не видит. Куда больше взглядов приковано к гуще этого собрания, где, вне сомнения, правит бал статс-дама госпожа Дунгуру.

Между тем маленькая процессия продвигается. Впереди два льва, за ними двое семикрылов, Кеме в полном боевом облачении, госпожа, Соголон и два льва позади. На подходе к трону характер хода меняется: львы начинают припадать. Вначале их пышные гривы развеваются, как под порывом ветра, а шкуры на спинах заметно темнеют по мере того, как бугры мышц под ними начинают ходить ходуном, а конечности растягиваются в ноги и руки; из них образуются четверо нагих мужчин могучего сложения, с темною кожей и светлыми волосами, которые распрямляются и дружно встают. Госпожа семенит к высоким ступеням трона и простирается перед ними на полу. В зале становится тихо, если не считать шептунов, которые полагают, что их не слышно.

– Дом Акумов, начало берущий от божественного кузнеца, что говорил с Бакали, богом молнии и огня, который ошибочно убил семью свою и с той ночи делится с миром своим огнем и своею печалью, но также и своим торжеством! – молвит глубокий медленный голос.

– Так было, так есть и да будет так! – замороженным хором отзывается собрание. Голос продолжает:

– И посмотрел Бакали на кузнеца Калифу, и признал его самым видным из всех людей, и потому возвел его в круг королей, что однажды вознеслись к предкам, которые затем присоединились к богам. Во имя Кваша Калифы!

– Так было, так есть и да будет так! – повторяет людское многоголосье.

– Благословение тем из вас, кто взыщет божественного совета! – раздается голос от западной двери. Аеси. В развевающейся красной мантии он идет через зал, из-под ризы проглядывает верх белой туники. Шею обвивает с десятков тяжелых ожерелий из бусин, оранжевых и желтых, на голове соломенная шапочка с двумя хвостиками из бисера, ниспадающими за ухом до самой талии.

– Благословен! – хором выдыхает собрание.

Соголон наблюдает за хозяйкой. Та сначала лежит, прижавшись лбом к плитке пола. Но вот она приподнимает голову, словно ее слуха достигает музыка, которой больше никто не слышит. Аеси смотрит на нее, но не приближается.

– Король сегодня занят своими думами, – говорит он.

Хозяйка либо не слышит, либо не знает, о чем он, и потому остается лежать.

– Встань! – велит Аеси, уже громко.

Хозяйка возится, и Соголон спешит ей на помощь. Госпожа Комвоно хватается за руку, но как только обретает равновесие, сердито по ней шлепает. Люди-львы, что-то заслышав, с кошачьей чуткостью застывают на углах тронного помоста. У западных дверей вновь какое-то движение. Все в зале преклоняют колена в ожидании, когда на тронные ступени взойдет особа правящего дома.

Входит принцесса Эмини, одетая проще всех здесь присутствующих, в тунику и плащ, словно она только что с какого-нибудь *спорта* – новоявленных забав, присущих знати. Единственный знак царственной власти у нее на голове – золотой обод с камнями и раковинками каури, разделяющий пышные кудри принцессы надвое. На шее у нее несколько узорчатых ожерелий, а на ушах большие серьги-кольца. Следом за принцессой, стараясь не отстать, торопливо шаркает бледный мужчинка, чем-то похожий на мокрую крысу.

– Их высочества, принцесса Эмини и принц Мажози!

Принц садится на трон, что справа, а принцесса смело занимает средний, главный.

– Ваше высочество, сей королевский трон...

– Холодноват. Ничего, потерплю. Какие королевские обязанности наследный принц наслал сегодня на меня? – вопрошает она.

– Обязанности трона, ваше высочество, – с поклоном говорит Аеси.

Из-за его широкой спины Соголон втихомолку наблюдает, как Эмини кривится в ухмылке:

– Надо же. Вот и всё его чувство долга перед своим народом.

– Наследный принц занят...

– А я изнываю от скуки. Но никто не видит, чтобы я прятала под подолом убийц и расправлялась со шлюхами. Или, может, мне стоит этим заняться, а, Аеси? Тебя, я вижу, проказы мальчиков беспокоят совсем не так, как проступки девочек?

– Но вы женщина, принцесса. Причем несравненная.

– Прибереги эту лесть для жены или для рабынь. От женщин вокруг тебя впечатление всегда двойное, сразу и не разберешь, кто есть кто.

Кое-кто неосмотрительно хихикает; в частности, принц, перед которым кое-кто не прочь позаискивать. Аеси резко оборачивается, и все мгновенно стихает, кроме опять же принца. Выставив крысиные зубки, он хихикает так долго, что принцессе приходится прожечь его взглядом.

– А уж мой отец занят и подавно. Ах, если б наш наследный принц был занят так, как он! Аеси, а не зреет ли в нашем королевстве измена?

– Пока нет, ваше высочество, – с наклоном головы отчеканивает канцлер.

Всё это время Соголон смотрит ему в спину. А он выпрямляется и смотрит резко вбок, словно пытаясь заглянуть себе за спину, как будто ловит ушами звуки музыки. Негромко кашлянув, Соголон вызывает новый поворот головы.

– Король днями погружен в свои думы, не так ли? – продолжает размышлять принцесса. – О, чего бы я только ни отдала, чтобы жители Фасиси могли разговаривать свободно! Пускай хотя бы в этом зале. Думаю, его пространства достаточно.

– Они говорят так, как потребно тебе, дражайшая принцесса, – со смешком отвечает принц.

– А дражайший принц у нас сегодня глух? – язвит в ответ Эмини.

– Я слышу всё, дражайшая принцесса, – отвечает тот, но ее взгляд уже устремлен на толпу придворных.

– Каковы нынче подношения от наших друзей? – интересуется она.

Кеме с семикрылами теснятся вбок и увлекают с собою госпожу Комвоно. Соголон умеется между двух женщин с породистыми носами и в золоченых платьях. После этого и бо Ельшую часть дня к тронному возвышению подходят люди, ставя там сундуки, сумы, мешки, коробы, бочонки и клетки. Туда же приносят живность, птиц и умильных лошадок, маленьких, как кошки, а еще двух мальчиков, которые умеют превращаться в животное, доселе не виданное ни на Севере, ни на Юге. Принц из Калиндара, который не может доказать, что он принц, является с предложением руки и сердца, что заставляет принцессу смеяться и спраши-

вать, знает ли он, что она замужем. Весь двор ахает, а принц Мажози злобно шипит, когда этот наглец говорит, что знает, но жениться всё равно готов.

Принц Мажози умоляюще смотрит, чтобы принцесса что-нибудь сделала, но та со смехом говорит:

– Кроме того, мой муж – это ответственность моего отца, но никогда не знаешь, милый принц, как оно всё обернется. Ведь все мы люди, а жизни людей способны меняться в одночасье.

И она машет незадачливому жениху рукой, подмигивая и игриво улыбаясь.

Еще приходят люди с дарами из земель за Бурным морем и Песочным морем, а последний из них пахнет миррой, которую приносит. Соголон тревожится за хозяйку, которая явилась с таким же подношением.

– Думаю, этим я на сегодня ограничусь, – милостиво говорит принцесса. – Мой покой уже переполнен вашими дарами и петициями.

– Ваше высочество, еще хотя бы несколько.

– Хорошо. Еще одно.

Аеси растопыривает в поклоне руки:

– Как вам будет угодно.

Соголон кажется, что это уже слегка перебор, хотя непонятно, чего именно.

– В наш круг придворных возвращается госпожа из дома Комвоно, – возвещает он, и хозяйка, не дожидаясь понуканий, спешит вперед. Перед троном она застывает в глубоком поклоне.

– Откуда она возвращается?

– Из Конгора.

– Из такого далека? Это же месяц и еще четверть луны! Почему тебя здесь не было? Что за причина?

– Я... если, если это будет угодно вашему высочеству... – теряется госпожа Комвоно, теперь уже в смятении оглядывая придворных. Она поворачивается и смотрит на Аеси, словно взывая о помощи.

– Госпожа Комвоно рада снова быть с нами, – медоточиво произносит Аеси.

– Что рада, это хорошо. Но почему она ушла? Ведь ты уже была однажды при дворе? Была, затем ушла, теперь вот снова воротилась. Вопрос-то несложный.

– Это было до того, как вы выросли до выполнения ваших королевских обязанностей, ваше высочество, – напоминает Аеси.

– Что-то вы очень уж долго отвечаете на мой вопрос. Вы оба.

– Придворная дама Комвоно...

– Комвоно, Комвоно. Кажется, припоминаю... Ах да, вспомнила.

Принцесса умолкает и долго раздумывает, поглядывая то на хозяйку, то куда-то вдаль.

– Ты та, что была отлучена. Моей матерью, насколько я помню.

Госпожа Комвоно вновь склоняет голову.

– Придворная дама...

– Пусть скажет сама за себя, Аеси. Или тебе в удовольствие, что я постоянно тебя пресекаю? Что ж, госпожа придворная дама, корона и двор приветствуют тебя.

– Благодарю вас, о высочайшая!

– Высочайший – это мой отец. У меня рост и вес значительно скромнее.

– С позволения вашего высочества, грустны и прискорбны были мои годы вдали от двора. Бесчисленно дней провела я в муках и страхе, тоскуя по свету королевского присутствия. О скорбь моя, о боль раскаяния! Мой покойный супруг...

– Я как раз собиралась спросить тебя, где же он, тем более что приглашение высылалось на имя мужа, а уж он привел бы сюда свою жену или кого еще. До этих пор никто здесь и не

знал, что ты вдова. Неужели ты думала, что мы бы не выслали второе, с учетом изменившихся обстоятельств?

– И в мыслях такого не было, ваше высочество!

– Значит, ты поступила несправедливо. Правила задают боги; нам же остается лишь следовать им со всем тщанием, верно? Хотя порой приходится обходиться без них. Взять, например, твой случай, придворная дама. Приглашение было на твоего мужа и того, кто прибудет с ним, а видим мы тебя, причем без него. Ну а поскольку ты и словом не обмолвилась о его кончине, то можно заключить, что сделала ты это умышленно – проще говоря, совершила подлог. А поскольку то приглашение исходило от монаршей милости, то ты, по сути, солгала Королю. Ну а ложь Королю, госпожа придворная, по всем законам карается смертью. Но как я уже сказала насчет правил, иногда их приходится как-то обходить, верно?

– О да, да! Да, наивысочайшая!

У Соголон мелькает мысль, не обмочилась ли сейчас хозяйка. А что, неудивительно, при таком-то грозном раскладе.

– Но мать моя почил, а отцу сейчас не до этого. Боюсь, из королевской семьи здесь нет никого, кто хранил бы об этом злопамятство.

Соголон чувствует у себя в затылке узел, да такой тугой, что смотрит вниз просто затем, чтобы вытянуть шею. Подняв глаза, она взглядом встречается с Аеси, который цепко на нее смотрит. Соголон отводит взгляд и оглядывает золоченую бахрому балдахина, в тени которого сидит принцесса, подлокотники трона с резными фигурками львов, и еще четверых, которые только что стояли в обличье людей, но тут солнце изменило их окрас. Соголон поворачивается обратно к Аеси; он всё так же смотрит на нее.

– Для меня это огромная честь, быть вновь принятой ко двору, ваше высочество!

– Поглядим, как ты на это будешь смотреть после дня, проведенного с этими изысканными дамами и учеными господами. А где же твои подношения? Любопытно взглянуть на дары, которые ты принесла своему Королю.

Вперед с двумя сундуками выходят семикрылы и ставят их на пол. Один открывает крышку, и наружу начинает струиться шелковая ткань; крышку приходится даже закрыть.

– Эти сундуки предназначены Королю?

– Сундуки, наполненные шелками из-за Бурного моря, о моя принцесса. Шелка, которых при этом дворе не носит никто, ибо никто не отправлялся в плавание на корабле, который привез эти сокровища в наши края.

– Похоже на то.

– А еще там *нкиси-нконди*²⁴, из золота и с золотыми же гвоздями.

– Ну, это если мой отец решит наслать на кого-то золотое проклятие, – вяло улыбается принцесса. Вид у нее томно-скужающий, но не за себя, а как бы за своего отца.

– И эта вот девочка, ваше высочество. Я тоже привела ее для Короля.

При этом семикрыл хватает Соголон за руку и протаскивает ее вперед, между сундуками.

Все свои чувства, в том числе шок и изумление, Соголон оставляет на том месте, где стояла. Сейчас, находясь перед принцессой, она не может прибегнуть ни к одному из своих качеств. Вот только она не знает, где стоять, куда смотреть и как быть. Семикрыл пинает ее сзади под колено, и она припадает на одну ногу. Ей хочется оглянуться на хозяйку и спросить: «За что? Как ты можешь?» Или: «Ты, дряблая сука, ты же просто превращаешь меня в рабыню!» Мысли громоздятся хаотичным клубком. Что, если рвануться и побежать? Далеко, конечно, не уйти, но можно по крайней мере попробовать.

²⁴ Нкиси-нконди – фетиш-фигурка с силой духа или шамана, сотворившего его. Считаются агрессивными, если их силу направить в виде кары.

В мыслях всплывает лицо Кваша Кагара, а может, чье-то другое, потому что монаршего лица она никогда не видела. На принцессу Соголон взглянуть не смеет: некий голос в голове твердит ей не делать этого. Оба глаза жгут навернувшиеся слезы, стекая капля за каплей; она их не оттирает. Соголон дрожит, и сама это чувствует, а сзади слышатся смешки; ей так кажется, что-то вроде смеха среднего брата. О, она так старалась избежать тех, кто подавляет ее своей волей! Видно, как ни старайся...

Одного мужика она оставила на стенке, другого без руки. Соголон не только дрожит, но и отстраняется от себя, чтобы видеть, как она здесь стоит в слезах, и никому нет до этого дела, а кожа у нее покрыта нервной сыпью, и руки дрожат. Рабыня. Хозяйка обманом втянула ее в рабство. Хочется посмотреть на нее и мстительно сказать: «Я обманом втянула тебя во вдовство». Дрожь и слезы никак не унимаются, а вот на ее лицо ложится тень.

Аеси. Прямо перед ней, смотрит на ее голубое рыбье платье. Ей помнится, как женщин разглядывали мужчины у мисс Азоры – медленно, с нагловатой ухмылкой, от ступней к талии, далее по животу, с остановкой на груди, ну и где-то в конце лицо. Многие, впрочем, так далеко смотреть не удосуживались. Этот же смотрит ей прямо в глаза, и она старается делать вид, что этого не замечает. Сам Аеси не хмурится, только приподнимает бровь, а губы приоткрыты, будто он выискивает что-то потаенное, но всё никак не находит. *«Или он ищет твою красоту, да всё не углядит»*, – слышен чей-то голос, похожий на ее.

Он хватает ее за шею – сноровистым, привычным движением, без сдавливания, но твердо. Соголон сжимает его руку, стараясь не зарыдать. Эти назойливые пальцы она силится разлепить, за что-нибудь ухватиться, упереться ногами; при этом в глазах Аеси нет ни напора, ни злости – в них нет вообще ничего. Может, за спиной всё же раздастся спасительный возглас хозяйки? Куда там. Вот близятся чьи-то шаги... неизвестно кто это, может, Кеме; ничего не разобрать. Аеси не сказать чтобы душит, но дает ей понять свою силу. Его пальцы теплые и становятся все горячее. Такое чувство, что он ее приподнимает, и ноги болтаются, хотя она всё еще стоит на полу.

– Канцлер. Да поставь ты уже эту девчушку, что за человек. Кого ни увидит, сразу ему мерещатся ведьмы.

– Ведьмы, ваше высочество, – не единственная угроза королевству.

– Разумеется, нет. Есть еще радуги, птенцы, желтый цвет – или что ты там еще пророчишь на неделе. Но чтобы девчушка-недоросток?

– Девочка, даже и маленькая, может оказаться...

– Вы только гляньте, с какой запальчивостью он мне рассказывает, кем может быть маленькая девочка. Сдается мне, ты знаешь о них подозрительно много.

Среди собравшихся раздаются смешки, вначале робкие, но вот они разрастаются, и уже весь зал оглашается хохотом. Аеси слабится и выпускает шею Соголон.

– Госпожа придворная, поди-ка сюда, – указывает принцесса.

Госпожа Комвоно бочком протискивается вперед и, остановившись перед троном, опять торопливо кланяется.

– Так что же ты принесла в дар Королю? Позолоченную фигурку, ткань для женщин и рабыню?

Глаза Соголон расширяются.

– Она... она не рабыня, ваше высочество. Просто подарок.

– Подарок для чего? Ты разве не в курсе? Нынче у моего отца, кроме дум, не так уж много дел. Что же ему делать с ней?

– Всё, что его величество пожелает.

– Ты говоришь о желании. В королевском гареме женщин четыре с лишним сотни – ты думаешь, он хотя бы заметит еще одну? Ха! Ты глянь на ее лицо. Вступление в гарем для нее самой большая новость.

– Ну не гарем, ваше высочество, так другое какое применение, – растерянно говорит госпожа Комвоно.

– Другое? Так потрудись же нам рассказать, какое именно. Ты, я вижу, только и ищешь, как бы что-нибудь выгадать и избавить себя от обузы. И опять же, глянь – для нее это тоже новость. Может, она сгодится тебе, принц?

– Мне она особенно полезной не кажется, – отмахивается принц Мажози.

– Тогда, может, сгодится при кухне, ваше высочество? – предполагает Аеси.

– Чтобы я отправила эту девчонку к повару? Да ты, я вижу, забываешь, кто здесь во дворце хозяин! Ты искусна в приготовлении блюд, любезная? – обращается она к Соголон.

– Нет, ваше высочество, ничего-то она не умеет, – спешит с ответом госпожа Комвоно, пока Соголон не открыла рот.

– С каких это, интересно, пор люди двора пристраивают к делу наложниц и поваров?

– Прошу простить, ваше высочество.

– Простить *что*, придворная? Ты оставляешь свой подарок с умыслом, что он так или иначе попадет к нужной тебе особе. Подарок Королю скоро будет означать подарок принцу, а затем... Ну да ладно.

Принцесса Эмини поднимается. На сегодня ее дела закончены.

– Полюбуйтесь на это создание. Ни рабыня, ни стряпуха, ни танцовщица, ни рукодельница, ни красавица, ни дурнушка; всего-то и толку, что живая, – Принцесса покачивает головой. – От моего брата держать ее подальше, – дает она наказ и направляется к выходу.

Поднимаются гвалт и суматоха. Придворные наперебой оглашают прошения, одно неотложней другого, которые принцесса должна слышать нынче же, но тут Аеси, не повышая голоса, говорит, что, когда королевская особа покидает вечер, вечер уходит вместе с ней – этот прозрачный намек всем понятен. Сразу с уходом принцессы Аеси объявляет двору, что дары госпожи Комвоно благосклонно приняты, а стало быть, и ее хорошие отношения с Королем восстановлены. Теперь корона желает ей благоволения богов на обратный путь в Конгор. Сегодня к ночи.

Хозяйка потрясена. Ее сотрясают рыдания, но она преодолевает слезы, когда видит, что на нее таращится весь зал. Госпожа Комвоно с высоко поднятой головой выходит без сопровождения, на Соголон ни разу не взглянув. А ей бы ох как хотелось, чтобы их взгляды встретились и чтобы хозяйка все прочла по ее лицу! С уходом публики в зале воцаряется тишина. Уходят все, кроме Соголон, которая не знает, куда ей деваться. Она обхватывает себя руками, хотя ей не холодно. Опустевшее помещение становится другим. Его подергивает сероватая дымка, как пустыню, на которую опускается ночь. Вокруг тихо, но тишина эта похожа на гул, словно находишься под деревом, кишащим незримым пчелиным роем. Этот звук заунывно дрожит и колеблется.

– Ты девочка без имени.

– Имя у меня есть.

Аеси приглушенно смеется:

– Но нет представления о том, с кем ты можешь заговаривать и когда.

Он близится к трону, а затем оборачивается к ней лицом. Его мантия поворачивается медленнее, следуя за ним подобно мягкой волне.

– Ты когда-нибудь наблюдала такое великолепие?

– Я...

– Первое, что нужно усвоить, девочка: когда кто-нибудь из высокородных задает тебе вопрос, он не ищет ответа. А теперь оглянись вокруг. Посмотри на эти золоченые колонны, бархатные гобелены, потолки и стены, ведающие истории королей. Как ничтожно мала вероятность, что такая девчушка, как ты, оказалась нынче в этих залах! Я знаю, что бы ты сказала, найдись у тебя на это дар речи, – наверное, что ты здесь вообще ни при чем. Но боги, должно

быть, проявили к тебе особый интерес, дитя, весьма особый интерес. Что ты знаешь о своем Короле?

Соголон стоит сомкнув губы.

– Там, в покоренных землях, неизвестной девчонке вроде тебя до королей дела едва ли более, чем льву или буйволу, которые, хоть и покорены, всё равно остаются львом и буйволом.

Соголон стоит в непонимании.

– А здесь ты среди павлинов. И павлиньего дерьма.

Целую четверть луны в Соголон живет невысказанный, гложущий стыд. Из своего окна она смотрит на небо, смотрит с утра до ночи, потому что ей не остается иных дел, кроме как выпрыгнуть и брякнуть свое тело там, куда укажет воля богов. Ей хочется кричать, вопить на хозяйку – в прошлом госпожу – за ее злобу и обман. Рабыней она, Соголон, не была никогда, и это ей хочется бросить хозяйке в лицо. Хочется крикнуть, что именно поэтому ее муж находится там, где нашел себе место, но он по крайней мере к ней прикоснулся, пытаясь ее употребить. А хозяйка просто в нее плюнула, без всякого прикосновения.

Вот она, эта девочка, в комнате третьей башни дворца, принадлежащего принцессе. Дни тянутся в унылом, праздном ожидании. Солнечный восход знаменует утро, а затем как заведено: три трапезы, две смены караула, хотя горничная говорит, что она здесь не узница. Но всюду, куда бы Соголон ни направлялась, вход ей запрещен, и она вынуждена томиться в заточении своей комнаты.

Из своего окна она видит жилища, названия которых ей не терпится узнать. Всё это сущие чудеса по сравнению с красным термитником, «сундучком» дома терпимости или господской поварней. Госпожа Комвоно ушла не так давно, чтобы ее лицо начало стираться из памяти, но потихоньку забывается и оно. Из своего окна Соголон видит ступени, ведущие от ее собственной башни; видна отсюда и часть зубчатой стены с башней оживленного королевского замка, где сменяются часовые. Остальное обрезано пределами окна.

Прямо впереди мощеная дорожка к библиотеке – по виду замок, но с четырьмя стенами, похоже на короб в два этажа с дверью, которой отсюда не видно. Справа оттуда пиршественный зал размером с поле, откуда по ночам слышны музыка, танцы, крики и вопли. Если долго и внимательно смотреть сквозь деревья, то становится виден большой архив, вдвое шире библиотеки. По соседству с библиотекой притих недостроенный замок Кваша Абили, умершего всего через луну после того, как он взшел на трон, а рядом достроенный замок Кваша Кодзе, его брата и правнука нынешнего Короля. Вся эта извилистость королевской родословной Соголон слегка смущает, а вот замки нет. Неплохо бы там побывать. Но даже это место от нее отгорожено. Дальше, слева от замка теперешнего Короля, находится замок Кваша Конга – не самый старый, но наиболее запущенный. Из всех строений это самое узкое, и оно же больше других устремлено ввысь. Над деревьями можно насчитать четыре ряда окон; остается гадать, сколько же их внизу. Из окна видны залы и крыши залов, крытые переходы и те, где крыши провалились; люди и звери, одетые ко двору; стражники и солдаты, огороды и пастбища, павлины и львы.

С вечерним светом за ней приходят пятеро женщин, все в белом. При утреннем свете они приходят тоже, сопроводить ее в трапезную, где они безмолвно стоят, пока она сидит за завтраком или ужином.

– Вам что, языки отрезали? – сердится она, но они не отвечают.

В этом обеденном зале, который может вместить сотню человек, но сейчас вмещает только ее одну, она чувствует себя королевой пустоты и ощущает, как эти мысли преследуют ее своим полым эхом, рождая гневливо-безутешное одиночество; тягостное сознание того, что эти кушанья и питье в кувшинах могли предназначаться многим, как и сам этот зал.

Но она хотя бы не видит Аеси. Этот нетопырь нервирует ее одной лишь своей мантией. Кеме она тоже не видит, за исключением одного раза, когда принцесса решила проехаться верхом, а дворцовые стражники, среди которых нет умелых ездоков, крикнули его и еще двоих со львами, чтобы те следовали за ней. Возможно, вся эта картина из окошка и есть уклад жизни во дворце? Смотреть и видеть – это всё, что ей остается. Счет дням начинает размываться, и тут на последней четверти луны этого праздного заточения Соголон требует к себе принцесса; видно, захотелось повидать этот одушевленный подарок.

– Голова у нее вполне себе ничего, – говорит одна женщина, должно быть, благородных кровей, судя по тому, как у нее из шеи выступает подбородок.

Соголон находится в какой-то комнате, не в силах даже вспомнить, как сюда попала. В дверном проеме виднеется кровать, значит, это, видимо, спальня. При этом принцесса сидит на подоконнике, а другие женщины расположились на приземистых пуфах. Эта комната может принадлежать любой из них. На всех модные тоги, а лбы и щеки в белых точках умчокозо, ввиду посещения кого-то или чего-то важного.

– Что значит «ничего», Вунакве? Что за рот роняет такой помет? – спрашивает принцесса.

Вунакве собирается что-то ответить, но, похоже, передумывает.

– Давай без вилиний. Говори, что хотела сказать, – требует принцесса.

– Да я говорю, голова хорошей формы. Когда нет ничего, то хоть что-то уже годится.

– Хм. А в тебе, Вунакве, что есть, кроме моей снисходительности?

Глаза Вунакве говорят сами за себя. Для нее лучше, если она промолчит.

– А знаете, я и вправду жестокосердно обошлась с фавориткой моей матери, – вздыхает принцесса. – Госпожа Вунакве, ты должна меня простить.

– Разумеется, принцесса.

– Ну-ка скажи: «Я тебя милую». Скажи вслух.

– Я вас милую, принцесса.

Принцесса смеется:

– Подумать только: я нуждаюсь в чьей-то милости! Да язви меня боги, уж и пошутить нельзя с моими любимыми подружками. Неужто это место совсем уж лишено веселья?

Все четверо хохочут. Принцесса скрещивает ноги в коленях. Соголон только сейчас замечает, что она одета как мужчина.

– Голова хорошей формы? А по мне, так немного странная, – говорит принцесса, приглядываясь. – Подойди сюда, девочка.

Соголон колеблется, но делает шаг вперед прежде, чем женщины замечают в ней дерзость. Она стоит несколько ближе к ним, расположившимся на коврах и подушках, чем к принцессе. Соголон чувствует на себе женские взгляды, а также то, насколько они отличаются от мужских. Тоже недружелюбные, но по-иному.

– Что нам с ней делать, Итулу?

Губы Итулу блестят от куриного жира. Она пытается говорить сквозь жевание, не замечая, что принцессе это не по нраву:

– Вы меня спросили, принцесса?

– Я назвала тебя по имени и задала вопрос, клуша, как ты думаешь? Ох, боги испытывают меня сегодня с женщинами моей матери!

– Может, принести ее в жертву Бараке, ваше высочество?

Принцесса со смехом встает. Обойдя Соголон по кругу, она говорит:

– Итулу, это для тех, кто всё еще надрезает своим женщинам ку. Не будь совсем уж дикаркой. Хотя я знаю, у тебя мать родом из Борну.

Губы Итулу смеются, но глаза остаются холодны. Остальные пытаются укрыться за своими занятиями: жуют курятину, прихлебывают вино и воду с нектаром, глядят тканевых кукол,

щекочут маленького львенка, обмахиваются веерами, но на самом деле наблюдают за принцессой, пытаясь понять, что у нее на уме, и быть готовыми к ее дальнейшим словам.

– Она нас изучает, – веселым голосом замечает принцесса.

Соголон моментально прячет взгляд, но та смеется:

– Да смотри, драгоценная, смотри на что хочешь. Здесь никто не стоит твоего внимания.

Но изучать Соголон в самом деле изучает. Считывает, как старательно эти женщины скрывают на лицах свои чувства при очередном выпад принцессы, которой, похоже, нравится высказывать этим женщинам что-нибудь колкое. Интересно, есть ли где-нибудь на свете две женщины вроде Кеме с его львом? Может, они тоже проводят день за поеданием курятины и цапаньем между собой? Хотя нет, здесь цапает одна принцесса, а остальные уворачиваются, и по их лицам это заметно.

Тусклая улыбка, означающая боль от укола, превращается в широкую, когда удар приходится мимо, а когда нет, то уголки губ опускаются книзу. Две поднятые брови означают: «Что за новость!», а одна: «Надо же, какой вздор». Если под приподнятой бровью закатывается глаз, то это означает: «Ну вот, опять пошло-поехало». И независимо от того, как быстро он закрылся, разинутый рот означает: «Ох, не чаяла, что сейчас прилетит». Быстрый взгляд в сторону – смахивание с ресниц слезы. Быстрое озирание – «не увидел бы кто».

– Любопытно, что ей от нас передается?

– Пока не знаю, – отвечает принцесса. – Что ты видишь в этих почтенных женщинах? Я обращаюсь к тебе, девочка.

– Какая наглость, не отвечать своей принцессе, – фыркает Итулу.

– Девочка, хочешь, чтобы мы позвали сюда слугу с хлыстом? Ну-ка, отвечай ее высочеству.

– Я... Мне сказали никогда не разговаривать с принцессой напрямую, благородная дама, – произносит Соголон.

– Кто тебе такое сказал? – спрашивает принцесса.

– Дама госпожа Комвоно.

– Это та, отлученная? Да она могла тебя поднять, раздвинуть вот так ноги и насадить на жезл моему отцу. Я бы ее словам веры не давала.

– В самом деле, ваше высочество, – говорит одна из женщин. – Мне еще помнится, как она сказала Королеве-Матери...

– Если мне понадобится это вспомнить, я тебя спрошу.

– Да, ваше высочество.

Принцесса снова прогуливается возле Соголон.

– Ты, однако, загадка, девочка.

– Может, вам взять ее новой прислужницей, ваше высочество?

– Прислужницей? Но тогда вы, девы, становитесь для меня бесполезны. Посмотри на них, девочка. А я-то всё принимаю их за своих подружек.

Терпеть всё это Соголон всё тяжелей. Она не знает, что ей думать, что чувствовать и даже куда смотреть. Она смотрит за окно на стражника, надеясь узнать в нем Кеме, но это просто какой-то часовой.

– Придумала, принцесса! – восклицает та, которую звать Итулу. – Выдать ее за военачальника Олу.

У всех это вызывает залиvistый смех, который становится всё громче и залиvistей, пока они не замечают, что принцесса не смеется.

– Нет, вы представляете? То, как он продолжает таскать эту жениховскую гирлянду, как будто ни разу не бывал женат. Совсем умом тронулся, старый дуралей, – хохочет одна.

– Одурел, спятил вконец, – вторит другая.

– Да оставь ты его, старик никого не беспокоит.

– Гадюка тоже не беспокоит, пока на нее не наступишь. А там, глядишь, ужалит.

– У него уж там не гадюка, а ужик!

Снова смех.

– Он и вправду женат не то на воздухе, не то на призраке, а может, на демонице. Я слышала, как он ночами стонет, будто лежит под ней, а утром и не помнит, как ее звать, – шутит третья.

– Соединить их вместе, и парочка будет что надо: двое бестолочей. От него толку лишь справлять нужду по кустам, а у нее обличье, будто она только что оттуда вылезла, – зубоскалит первая.

– Да как вы смеете! – взрывается вдруг принцесса. – Деяниями этого человека вы все тут можете лежать вразвалку, жрать цыплят и скабрезничать – единственное, на что хватает ваших курьих мозгов!

Вся комната замирает. Становится так тихо, что даже слышно, как стражник снаружи говорит кому-то воспользоваться третьими воротами.

– Олу таков потому, что копьё прошло ему прямо сквозь голову, оставив дырку, через которую влетают злые духи! Ну что ты за змеюка, Итулу! А вы? Нутро сводит от одного вашего вида! Убирайтесь отсюда! Пошли прочь!

Соголон смотрит, как женщины торопливо уходят, и тоже поворачивается уходить.

– Глянь на этих стервятниц. Все как одна с покоренных земель. Та, что похожа на кобылу, служила моей матери и потеряла мужа, когда мы отвоевывали Увакадишу. Я тебя не отпускала, девочка. Откуда ты родом?

– Из Миту, ваше высочество.

– Расскажи мне что-нибудь о тех краях.

– Они, э-э... Я...

– Мне уже скучно. Сядь. Кушай цыпленка.

В середине следующей четверти луны, сразу после захода солнца, Соголон покидает свою комнату. Стражник многократно предупреждает, чтобы она этого не делала, но против ее желания ничего сделать не может. Круг за кругом Соголон сбегает вниз по лестнице, пока не оказывается у арочного прохода, который ведет к другому арочному проходу, а тот к еще одному, а тот к огромной тяжелой двойной двери, на которую Соголон с разбегу налетает всем телом. Дверь подается. Выйдя наружу, девочка оказывается на тропинке, что ведет к королевскому дворцу, библиотеке, амфитеатру и ступеням к руинам замка Кваша Абили. Толпа придворных в изысканных одеждах и с гоном направляется к замку, где обитает наследный принц Ликуд. Неслышный снаружи голос звучит так, будто исходит от нее самой: *«Подарок королю – значит, подарок наследному принцу»*. Соголон спешит в другую сторону, к библиотеке, но голоса как будто преследуют ее. Принца она не видела никогда и уже поняла, что совершенно этого не хочет, но знает и то, что говорить бесполезно: скоро она наверняка его увидит. Он наследный принц, а все пути во дворце должны вести к короне. Голоса становятся громче, они кудахчут смехом, как будто все смеются над ней. Соголон задается вопросом, как в этом месте, где угрозы меньше всего, ей больше всего не по себе. Она оборачивается и видит, как они, уже отдаляясь, по-прежнему движутся к замку принца. Соголон поворачивается и утыкается прямым к нему в грудь.

Книги. Она выбивает их у него из рук. И вот что он говорит, не зло и не грустно, а отрешенно как звездочет, наблюдающий за уходом солнца с неба.

– Ты единственная, – молвит он. – Та, что выбила их у меня из рук и испытывает мою доброту.

Они у дверей в библиотеку. Они: Соголон и военачальник Олу. Прославленный воитель короля, что в качестве награды проживает теперь в одном из дворцов. Даже после той принцессинной выволочки фрейлины судачат, что в голове военачальника огромная дыра, причем

насквозь, и если он стоит боком, то можно через нее видеть в небе облака. Языки у этих лис точно такие же без костей, как и у шлюх мисс Азоры, но Соголон всё же охватывает соблазн сдвинуть у него на голове капюшон и посмотреть самой. Но вместо этого она наклоняется и подбирает упавшие фолианты.

– Ой! Прощу извинить, – сокрушается она.

– Книги к твоим извинениям равнодушны, – отвечает он. Затем лицо его становится серьезным, и он что-то бормочет.

– Что-что?

– Если желаешь, можешь выбрать что-нибудь для чтения. Я их все уже читал, и не по разу.

– Тогда зачем они вам?

– Я их, знаешь ли, забываю. Просто беда. Прочитываю от корки до корки и не могу заснуть, поскольку вижу, как сотни людей и зверей роятся в моей комнате и не думают ее покидать. А наутро я просыпаюсь, и знаешь что? Их уже нет. Ушли. Всё исчезает, и я перечитываю книгу еще раз.

– Если вы все их забываете, то как же узнаете, какую именно перечитывать?

– Ты выбрала себе книгу?

– Увы, чтению я так и не обучилась.

Он смотрит на нее так, словно она призналась в неизлечимой проказе. Уже пожилой, отошальный, с сутулой спиной, и глаза со старческой поволокой, но, пожалуй, по-своему даже виднее, чем Кеме.

– Тогда что привело тебя в библиотеку? – спрашивает Олу. – Ведь там для тебя нет ничего?

– Тогда отправлюсь в архив. Это ведь тоже библиотека?

– Нет. Обычное заблуждение глупцов считать, что библиотека и архив одно и то же. Как раз наоборот. Библиотека – место, где знакомятся с текстами, архив же – место, где их прячут.

– Не вполне понимаю.

– Разумеется, не понимаешь. Идем со мной. Я направляюсь в свою комнату позади третьего дворца, но к тому времени, как я туда доберусь, могу запомнить и саму комнату, и тот ли это дворец, и, возможно, даже тебя. Нам надо поторопиться.

Они отправляются в путь.

– Как тебя по имени?

– Соголон.

– Соголон. Кто тебя так назвал?

– Никто. Сама.

– Сдается мне, что ты даже не знаешь свою собственную кровь.

– А мне сдается, что это не совсем ваше дело.

Олу смеется. Громче, чем она ожидала. Улыбка оживляет его лицо и делает его моложе. Ах как ей хочется, чтобы капюшон упал!

– Уже скоро, когда я снова спрошу, как тебя звать, ты уж не обижайся.

За всё ее нахождение здесь эта прогулка самая продолжительная. «Может, он уже забыл?» – тревожно думает она. Они идут по извилям кирпичной дорожки, которая блуждает через запутанный сад, распадающийся на тропинки, а те снова на тропки с ответвлениями, похожими на пересохшее русло реки или ручья. Здесь растения и цветы, некоторые из которых она прежде никогда не видела. Военачальник Олу пока вроде при памяти; заблудиться здесь было бы просто боязно. Садовая дорожка выводит к мосту через речку, слишком вычурную, чтобы ее могли создать боги. Мост ведет к трем лестничным пролетам, по которым Олу взлетает с неожиданной легкостью; у Соголон при попытке угнаться за ним чуть сердце не выскакивает из груди. Вдвоем они добираются до лестничной площадки с выходом еще к трем про-

летам, еще одной дорожке и тому «стройному» замку. Вблизи он смотрится еще выше; верхние этажи теряются в облаках.

– Ты кто и зачем за мной идешь? – спрашивает Олу не злобно и не настороженно, просто с любопытством.

– Вы сказали мне следовать за вами, иначе вы можете забыть.

– Ах да. Не припоминаю, но твое лицо внушает доверие. Следуй за мной.

Комната занимает целый этаж. По размерам она не меньше, чем та, что с фрейлинами принцессы, – большие окна, плиточный пол, массивные стулья, табуреты, ковры. А еще всё здесь покрыто черными письменами, в некоторых местах красными. Все стены испещрены углем, золой и чернилами, плитка на полу в краске, подушки тоже все в отметинах. Соголон не знает, как читаются письмена, но начинает улавливать, что они могут означать. Некоторые надписи гладкие и жирные, насыщенные чернилами так, что видны брызги от капель, а другие резкие и отрывистые как царапины, будто их черкали быстро и нервно, наперегонки с мыслями. Кое-где письмена вообще не разобрать – какое-то безумное месиво, слова, символы, знаки, рисунки лошадей, копий, колесниц и войны.

– Иной раз, начав фразу, я забываю, о чем она, прежде чем закончу, – говорит он. – Тогда я жду день, день думаю, а потом просто заканчиваю чем-то другим.

– Вы спешите, потому что голова от вас убегает. А вот здесь, на кувшине, что написано?

– «Спросить молока, если сейчас конец четверти луны». Сейчас конец?

– Нет. А на столе? Вот тут, вырезано ножом.

– «Мы... Договор с Увакадишу». Так и не дописано.

Соголон здесь нравится. Весь дом говорит ей то же, что и ему. Иногда ей удается по знаку угадать слово или его часть.

– Здесь написано «большой»? – интересуется она.

– «Большой зал». Зал пиршеств. Сам я пиров не люблю. Люди на них устраивают розыгрыши на предмет, что я помню.

– Вы об этом помните?

– Жрец фетишей говорит: мое проклятие в том, что я всё еще помню о своей забывчивости, и успокоение не наступит, пока я не забуду то, что я забыл. Или умру.

– А это «большое» про что?

– Большой зад. У леди Итулу он прямо как у кобылицы.

– А ум маленький, – говорит Соголон, и Олу смеется.

– Как твое имя?

– Соголон.

– Соголон. Интересно, кто тебя так назвал?

– Назвал так назвал, какая разница, – смелеет понемногу Соголон. – Это ты всё это пишешь?

– Я, всё это? Погоди, дай вспомнить... А ну-ка, взгляни туда!

Надпись возле окна, пожалуй, самая нежная на вид. При виде ее Олу улыбается.

– Да, здесь написано, что всё это пишу я. Забавно. Едва я это прочитаю, ко мне возвращается память о кое-чем из написанного. Особенно то, что красным.

– Кровь?

– Нет.

Он берет подушку, читает что-то на ней, после чего идет в свою спальню. Соголон следует за ним, хотя первой ее мыслью было этого не делать. Олу поднимает коврик из шкуры зебры, и на нижней стороне обнаруживается еще одна коротенькая красная надпись.

– Что там? – спрашивает Соголон.

– Здесь сказано, чтобы я не делился.

– Чем именно?

– Думаешь, я не раскусил твою ушлость?

– Я не ушлая. Я просто девочка.

– На тебе не написано, кто ты. Может, ты на короткой ноге с ними?

– С кем?

– Я... не знаю.

– Ноги у меня только свои, ни к кому другому не относятся, – говорит Соголон и собирается уходить. – Я, пожалуй, пойду.

– Стой! То есть нет. Понимаешь, ближе к ночи одиночество становится болезнью, я не знаю почему. Это воспоминание никогда не возвращается. Надпись гласит, чтобы я не доверял им. Вот что здесь написано: *«Не доверяй им, особенно Аеси»*.

Как это истолковать, непонятно. Соголон известно лишь то, что Аеси отличается своей введливостью и что он за ней наблюдает. Не как другие мужчины, которые не прочь вцепиться в ее ку; этот словно хочет влезть в нее целиком.

– Она говорит, что никогда меня непустит, – произносит Олу.

– Кто такая «она»?

– Не знаю, но она говорит мне это каждую ночь, когда я вижу сны. Иногда, когда я просыпаюсь, я не могу уйти, потому что здесь ее никто не узнает.

– Как она выглядит? – снова присаживаясь, спрашивает Соголон.

– Как сон. Не сиди там!

Она вскакивает со стула и взволнованно на него оглядывается. Стул как стул, ничего особенного.

– Когда я на нем сижу, я буквально тону в омуте нахлынувшей печали. Но это ощущение знакомо лишь мне, как будто мне одному. Словно некая часть меня находится там, часть, которая теперь исчезла. Ты хочешь знать, почему я высказываю тебе столь глубокие вещи? Ничего, скоро я не буду помнить, что я тебе говорил. Я даже, возможно, забуду твое лицо, – печально вздыхает Олу.

Всё еще поглядывая на стул, Соголон спрашивает:

– А скажи, что это за штуковина у тебя на шее?

– Какая?

– Вот эта. Ожерелье. На твоей шее. Зачем оно?

Олу нежно к нему притрагивается, с неизъяснимым выражением на лице. Нажимает сильнее, глубже, затем слегка постукивает, словно пытаясь нащупать там пульс.

– Ожерелье. У меня на шее.

– Кто его тебе надел?

– Наверное, я. Кто ж еще? Даже и не знаю, не знаю, зачем оно. А и вправду – зачем?

– Ну так сними.

– Нет.

– Женщины из круга принцессы говорят, что это жениховская гирлянда.

Олу смеется:

– Единственно, с чем я обручен, это с войной. Женщины в этом ничего не смыслят, на то они и женщины. Что-то я устал.

Он опускается на кучу подушек и в мгновение ока засыпает. Пора и честь знать, но Соголон тянет остаться. Надо бы оставить жилье в покое, но хочется посидеть, посмотреть. Она вновь озирает стены, занавеси и пол, сплошь покрытый вязью его почерка. Смотрит на шкуру зебры и недоумевает, зачем он должен себе напоминать о недоверии к Аеси; возможно, остережение воителя Олу из прошлых дней? Еще раз посмотрев на спящего, она неслышно проходит в опочивальню. Здесь стоит массивная кровать, пожалуй, великоватая даже для столь могучего мужчины, каким был когда-то воитель Олу. Здесь царит чистота; всё, что может сиять, мягко сияет, но пол и здесь покрыт письменами, смазанными в тех местах, где по ним невзначай

шаркнула нога. Прямо над кроватью висит еще одна гирлянда; Соголон бы ее, возможно, и не заметила из-за бледности серебра в ночном свете. Свадебное ожерелье, точно такое же, как на шее военачальника. Сонное постанывание снаружи заставляет Соголон вздрогнуть. Она возвращается в гостиную. Подушки и ковры здесь образуют чашу, в которой Олу невесомо плавают. Рядом с ним Соголон чувствует неодолимое желание присесть, присмотреть, даже позаботиться о нем, этом возлюбленном войны.

– Война солдату слишком важна, чтобы он ее оставлял, – тянет он на одном дыхании, вновь пугая Соголон. Но глаза его по-прежнему закрыты, и он всё так же парит над и под чашей из подушек – одна нога под ковриком, другая откинута наружу. – Война солдату слишком важна, чтобы он ее покидал... Ты думаешь, что сможешь... Нет-нет, для таких, как ты, я берегу лиловое... Нет-нет, женщина, нет. Ха-ха-ха... Перья делают тебя похожей на паву... Да что ты, как я могу насмехаться над такой, как ты? С таким носом, как у тебя? – Он поворачивается на бок и издает что-то, похожее на вздох, исполненный невыразимой тоски. – О Йелеза. Йелеза, Йелеза, – полустонет-полуплачет он.

Семь

Неуютный сон. Соголон пробуждается от того, что нечем заняться. Вставать с постели не хочется даже затем, чтобы попить воды. Не хочется подходить к окну и разглядывать белесую луну. Не хочется будить под дверью стражника, да и зачем? Где находится кухня, она не знает, а уж колодец и подавно – идти туда самой, что ли? Вот и остается лишь лежать, раскинувшись на простынях, и смотреть в потолок.

И тут потолок сам смотрит на нее.

Всё в ней подскакивает, хотя она лежит неподвижно. Крик, и тот замирает во рту, не успевая прорваться сквозь зубы. Нечто подобное случалось с ней и прежде – эдак вот цепенеешь и не можешь пошевелиться, и неизвестно, есть ли время на раздумья, когда на потолке прорезаются глаза и пялятся на тебя. Когда ты бодрствуешь, но не можешь встать, изо всех сил хочешь сорвать простыню и вскочить, но не получается. Тогда она пытается ползти, но не выходит; тогда катиться, но и с этим никак. И когда она наконец приподнимается на локтях, то слезы на лице выдавливаются словно напрямую из воли, а не просто из-за страха или смутения. Между тем потолок смотрит на нее светящимися желтоватыми глазами – как бы не по злобе, а с оттенком любопытства. Глаза пучатся из темноты, а лицо всё еще в непроницаемом мраке. Но вот оно подается с потолка, выпрастывая две руки, затем грудь, затем живот, опускаясь из темноты, как спускаются по шесту. Морда круглая, как слива, щекастая, как у малыша, одна нога лепится к потолку, длинная-предлинная, а затем медленно вытягивается темная, худая рука и касается лица Соголон. Остается только завопить, что она и делает.

Соголон перекатывается и тяжело падает с кровати на грудь и подбородок. Удар прошибает ее словно искрой, до самых пят. Существо под потолком шумно шевелится. Соголон вскакивает и бежит к двери, но что-то цепляет ее сзади за рубашку. Это черно-смоляное дитя хватает ее своим длинным пальцем за вырез рубашки – не со зла, а как бы из любопытства. Соголон снова кричит. Она рвется бежать, но упругая хватка крепка, и ее ноги мельтешат на месте. Ткань рубашки рвется, и Соголон сдавленным криком зовет стражника; между тем смоляное дитя тянет ее назад легко, будто пушинку. Затем он отцепляется – наверное, это «он», но оглянуться и посмотреть боязно. Она силится высвободиться из рубашки, но мягко-жесткая сила снова дергает ее, опуская на землю. У Соголон кружится голова; пульсирует и раскалывается, а комната приходит в движение, мотая из стороны в сторону. Пол под ногами безостановочно движется; Соголон снова перекатывается и падает, между тем как пол опрокидывается набок, становясь стеной, а стена полом. Она подкатывается к окну и протягивает руки, чтобы на него опереться и уберечь себя от падения. Комната всё равно смещается, но падает только она. Всё остальное – кровать, табурет, светильник, ковер, кувшин – остается на местах. Так что, по всей вероятности, голова идет кругом только у нее. Но вот опять кружение, и она снова падает, и потолок превращается в пол, а пол становится потолком. При этом Соголон стоит, вместо того чтобы висеть. Она в растерянности хватается за колонну.

А у существа наружность и впрямь мальчиковая. Мальчик чернее ночи, и необычайно тощий, конечности у него длинные, как у жирафа, туловище небольшое, а мелкая голова высоко наверху. Единственный источник света в комнате – это тусклый светильник на прикроватном столике, с единственным язычком огня. А у мальчика глаза светятся пугающей желтизной, как ладан в курильнице. На полу он сгибается в коленях и локтях, угловатостью движений напоминая паука. Глаза Соголон теперь прикованы к двери на той стороне комнаты; то есть, чтобы туда попасть, ей придется пройти мимо него. Вот же ужас! Мальчишка топает ногой и сердито шипит. Вот он вскарабкивается по стене, затем по потолку, и скрывается с глаз. Комната Соголон расположена в башне, и потолок здесь весьма высок. Но сейчас потолок – это пол, а пол – потолок; или всё опрокинуто на правую сторону, а она сама стоит ногами кверху. Сого-

лон подбирается к двери и хватает светильник как раз в тот момент, когда он ворочается на полу, то есть на потолке. Он прыгает на Соголон с такой быстротой, что она, не думая, бросает в него светильник, который попадает ему в грудь. Грудь вмиг воспламеняется, и огонь расходится по всему животу, а также по спине и шее. Черный уродец заходится воплем, и этот звук режет уши словно ножом. Подобно пауку, этот «уголёк» подлезает к окну и исчезает снаружи. Соголон спускается по верхушке потолка и возвращается к двери. Только оказавшись снаружи, она слышит свой собственный крик. Здесь за дверью пол как пол, а потолок как потолок. Всё на своих местах. Тут же лежит и стражник – спит как убитый, или и в самом деле безжизненный. Соголон стремглав сбегает вниз по лестнице и несется через коридор. Еще вниз, и еще одна дверь, которая ведет к другой двери, и еще к одной, и наконец она попадает в первый тронный зал – не тот, где она встретила принцессу, хотя в темноте толком ничего не разберешь. Тем не менее она видит трех львов, спящих посередине зала. Кем ее, помнится, предупреждал: не каждый лев оборотень, некоторые просто львы. Сонная, усталая, напуганная и совершенно без сил, Соголон прокрадывается между ними, опускается на пол и засыпает.

Наутро она просыпается в постели; солнце пригревает лицо, погасший светильник стоит рядом на столике. Что же это такое? Она выбегает из комнаты и захлопывает за собой дверь, будя стоящего наверху лестницы стражника.

- Юная госпожа, всё ли ладно?
- Я не госпожа, – резко замечает Соголон.
- Согласен.
- Где он, караульщик с прошлой ночи?
- С ночи? У нас под утро смена, юная госпожа.
- Я не... Ладно, не важно.
- Юная госпожа, вам нельзя...

Уйти отсюда. Хотя чем она, собственно, как раз сейчас занимается? Вниз по лестнице, мимо комнат, среди которых она гуляет по ночам, дивясь тому, насколько этот дворец подчас умеет быть безмолвным – иногда он ощущается более пустым, чем дом госпожи Комвоно. «Король занят делами, а равно и все его слуги», – отвечает ей кто-нибудь, когда она спрашивает. Впрочем, чего тут спрашивать: каждый день ждать решения принцессы, как та с ней обойдется, уже достаточно для сожаления, что тот мальчишка на потолке не забрал ее. Два льва всё еще спят, но один бодрствует и следует за ней. Они движутся бок о бок, и когда она спрашивает: «Берему?» – он не отвечает и даже не встряхивает гривой. Называется, спросила как пукнула. Соголон чутко напрягается. Это не оборотень, это лев. Нет слов, чтобы описать ощущение, когда трепет и ужас сходятся воедино. Зверь сопровождает ее половину пути к покоям военачальника Олу, но тут что-то привлекает его взгляд, и он убегает.

Приближаясь к дому воителя, на выходе она замечает женщину, которую прежде никогда не видела. Темная кожа, нагая грудь и ткань вокруг талии. В руках целая груда золотых блюд, кувшинов, кубков, а еще стрела, про которую Олу сказал, что это подарок от Короля, или Королевы, или кого-то, кто любит носить корону.

- Это всё не твое, – говорит ей Соголон.
- А ты мне что, указ или родная мать? – усмехается женщина.
- Свое ты с него уже заполучила.
- Он даже не помнит, где хранит свое добро. Приходится добирать самой.
- Я тебе не верю.
- Малышка, я выгляжу так, будто мне на твои слова не насрать хотя б полпраза? Не заставляй меня бросать всё это и тебя резать.

Рев, такой грозный и мощный, что Соголон подскакивает. Женщина со звоном бросает всё и кидается наутек. Лев бежит за ней несколько шагов, но та прибавляет ход. Вслед за Соголоном лев заходит внутрь; останавливать его она не видит смысла. Старый воитель лежит, рас-

пластавшись на постели. У Соголон мелькает мысль, что он мертв, но тут он поворачивается на бок. Не хватало ей Кеме с его голым задом, так теперь вот еще один.

– Воитель Олу. Воитель Олу, проснитесь. Проснись, воитель!

Олу шевелится и что-то бормочет, но не просыпается. В себя он приходит от львиного рыка и ошалело вскакивает с кровати. Удивительно: совсем рядом с местом сна у него лежит копьё. Он хватается за него, собираясь вроде как метнуть, но тут замечает Соголон. Снова львиный рык. Командир бросает копьё и трет глаза:

– Что вы двое делаете в моем доме? Поспать не дают.

– Тебя грабила твоя шлюха, – отвечает Соголон.

– Кто?

– Твоя шлюха.

– В такую рань у меня в доме дворцовый лев и придворный шут. Какая неказистая шутка.

Разглядывать еще одного обнаженного мужика Соголон не с руки, но что делать, если он прямо перед ней. Старик поджар и мускулист, как из какого-нибудь кочевого племени; каждая из его конечностей исполосована шрамами – не узоры и не татуировки, а грубые шрамы войны. Волосы на груди и над членом подобны волосам на подбородке, черные с беловатой проседью. Встретившись взглядом с Соголон, он хмурится, видя, что она изучает его.

– Я тебя знаю, но не припоминаю твоего имени, – говорит он.

– Соголон.

– Соголон? Из племен буша?

– Не трогай мое имя, старик.

– А это что за друг, рядом с тобой?

– Это лев.

– Умно. Ты смотришь в воздух и предлагаешь мне его нюхнуть, или зачерпываешь воды и говоришь: «Посмотри, вот вода».

– Почему в Фасиси все такие грубияны?

Олу смеется:

– Потому что это Фасиси. Здесь все рождаются для войны, даже кормилицы. Деликатность у нас не в чести.

– Может, если ты не будешь возлежать со шлюхами, в тебе и грубости спросонок поубавится?

– Посмотрите на эту девочку! Уж не думает ли она, что может испытывать мое терпение в моем собственном доме? Кто же из нас грубиян?

– Я не...

– Не смей переступить даже порог моего дома с мыслями о твоем праве судить о том, что я здесь делаю.

Соголон примолкает, надеясь, что сожаление на лице позволяет ей не извиняться вслух.

– Лев, у меня ощущение, будто мы с тобой в одних рядах сражались на войне, – говорит Олу, подходя ко льву и почесывая ему гриву. – Или, может, то был твой отец? Ладно, мне с вами некогда. Сейчас я займусь приготовлением кофе.

– Разве у тебя нет женщины, которая бы делала это за тебя?

– Девочка, к чему ты здесь, в моем доме?

– Я видела, как у нас кофе готовит повар. Я могу приготовить не хуже.

Воитель идет искать свою мантию, а Соголон направляется к очагу, разжигает огонь и варит ароматный напиток. Все вместе они выходят на террасу, где лев укладывается и блаженно нежится на солнце.

– Соголон, – молвит Олу.

– Ты разве помнишь?

– Иногда.

– Кто-то нынче ночью влез ко мне в комнату. Если я сейчас пойду к кому-нибудь с этим рассказом, там могут счесть, что мне в голову проникли бесы, – признается она.

– Так кто же это был?

– Такой, похож на мальчика. Но только лицом. Ноги длиннющие, как у паука, руки тоже, и он ползал по потолку. Черный-пречерный, как смоль, по потолку бегает как по полу. А потом он бросился на меня, но я кинула в него лампу, и он загорелся.

– И что дальше?

– Дальше он сбежал через окно. Тогда я вышла из комнаты и улеглась спать со львами – вот с ним. А сегодня утром проснулась у себя, как будто кто-то уложил меня обратно в постель и привел в порядок мою комнату. Вид такой, будто прошлой ночью, кроме сна, ничего и не было. Вот что было, военачальник.

– Просто Олу. Я теперь ни над кем не начальствую.

Как раз сейчас Соголон видит его голову. Она перед ней всё это время, но только сейчас она видит это место. Там не сквозная дыра, а похожий на звезду шрам с рубчиками, где не растут волосы.

– Гадкие странности творятся здесь с некоторых пор, только не помню, с каких.

– Ну хотя бы примерно? – допытывается Соголон.

– Затрудняюсь сказать.

– А кто такие сангомины?

– Когда ты произносишь это слово, я вижу одну и ту же рыжую образину. Аеси.

– Моей хозяйке одна дама рассказывала, что он привел их сюда, когда никому не удавалось излечить недуг Кваша Кагара.

– Помню что-то в этом роде. Они его не излечили. Да, не излечили, но пустили слух, что на короле лежит заклятие. После этого в голове пошла сумятица. Ничего не помню.

– Может, у тебя об этом где-нибудь записано?

– Может быть.

В поисках записей они осматривают стены и пол.

– Ищи красные буквы или собаку со змеиным хвостом, – говорит Олу.

Одну такую Соголон обнаруживает невдалеке от отхожего места, другую под ковриком с предупреждением об Аеси и еще одну под кучкой исподнего, что лежит на полу. Эту одежду Олу бдительно выхватывает у Соголон из рук – застенчивость, вызывающая улыбку.

– Надеюсь, я при тебе этого не снимал?

– Если и снимал, то я увидела, что ты чище других мужчин, – говорит Соголон и кивает на буквы. – Так что там написано?

– Здесь не по порядку. Должна быть какая-то запись еще раньше.

«Рыжий говорит, что Король под властью врага иного рода. “Трон взывает о другом воителе”, – говорит он. Может, оно и вправду так.

Он гнет свое, этот Аеси, отстраняя всех стражей трона, даже львов. Чтобы вернуть их обратно, нужно восстание всего народа.

Лишь Аеси и сангомины имеют доступ к Королю. Мерзкие детишки, склизкие уродцы».

– Ты видела еще одну, со змеиной собакой?

Олу задирает коврик.

«И тогда принцесса посылает за женищинами-травницами, монахинями из дебрей буша. Мы ждем – и не я один. Принц все время ерзает, сетует и поет; воистину это человек, который никогда не выстоит в войне. Король сегодня не хуже, но клянусь богами, и не лучше.

Являются шестеро молодых женищин, но четыре исчезают. Найти их нигде не удалось. Я бы нашел, если б меня хоть кто-то попросил. Я военачальник, от меня есть прок».

– Должно быть, я... Где я это записал? Я... Где следующая, где там следующая?

«Королю все хуже. Аеси требует казни двух женщин, и принц соглашается. "Причина бедам в колдовстве", – объявляет он.

Кровь, так много крови. Клянусь богами, та несчастная ею истекла. Этот Аеси.

Клянусь богами, я не забыл навыков владения мечом! Возможно, я применю их на нем.

Почему я забываю обо всем, кроме него?»

– «На нем» – это на ком? – спрашивает Соголон.

– А ты как думаешь?

«Что за мальчик с волосами, похожими на дохлых змей! Волосы его – белая глина; лицо, шея, ноги – всюду он как лунный свет. Аеси приводит его, а тот является с наистраннейшими в девяти мирах детоподобными созданиями, которых он хоть и крупнее, но всё равно с ними схож, многие могли бы поклясться в этом. Я насчитал девятерых, но позже насчитал десять и еще троих, а днем позже восемь».

– Есть еще что-нибудь? – спрашивает Соголон.

– Надо посмотреть, может, есть что-то похожее. Кто его знает, – говорит Олу.

Они снова ищут. Соголон, вглядываясь в знаки и слова, начинает даже угадывать их смысл, хоть прочесть толком не может.

– Вот эта метка, я ее встречаю уже десять и еще один раз. Что она означает?

– Йелеза, – читает Олу.

– Ох ты. А кто она тебе? – допытывается Соголон.

– Это разве «она»? Я не знаю, кто это.

В это мгновение внутри Соголона оживает голос, говорящий как она:

«Эти слова, слетающие с твоих губ, не должны их покидать. Никогда».

– Эта штука у тебя на шее. Я знаю, что это такое, – говорит Соголон.

Целых три дня после этого Соголон просыпается, всё еще не отойдя от сильнейшего потрясения. Припоминает она и свой страх; ту краткую, как мгновение, минуту, когда казалось, что он может что-то с ней сделать. Соголон не знала, чего ожидать, а Олу пришел в бешеную ярость – такую, что льву пришлось встать между ними и для острастки на него нарычать. А она всего-то сказала Олу, что Йелеза – Сестра Короля и его жена, и неизвестно, где она сейчас и как могла исчезнуть, но все словно по сговору думают, что этой женщины никогда и не было на свете; *«думают все, кроме меня. И тебя, Олу».*

Она-то думала, что Олу выкажет облегчение; по крайней мере, поймет, отчего это странное имя преследует его во сне. Заодно до него бы дошло, откуда у него столь веские причины не доверять Аеси. Да и у нее тоже: ведь не случайно после встречи с ним госпожа Комвоно, еще накануне рассуждавшая о Сестре Короля, уже назавтра напрочь о ней забыла; забыла так, будто эта женщина никогда и не рождалась на свет. Причиной тому, безусловно, Аеси. А вот Олу ее помнит, у него из памяти она до сих пор не выветрилась. Ее облик по-прежнему коренится в нем, возможно, потому что любовь – это именно та преобладающая сила, которую Аеси не способен развеять всеми своими чарами. Что же это за чары – неизвестно, как и вообще ничего об Аеси – ни о нем, ни об этом дворе, ни об этом Короле. Но, может, об этом известно Олу или же написано красным или черным где-нибудь в его доме.

Она не ожидала похвалы – новость не такая уж отрадная. Но была надежда, что правда несколько прояснит Олу мысли; а еще он будет знать, что его оболгали. Он же вместо этого поднял крик:

– Какой же паршивкой должна быть эта пигалица, измышляя ложь о какой-то там несуществующей Сестре Короля! Тем более когда все при дворе и без того считают меня несущим околесицу сумасбродом! Это что, издевательство? Наветы принца или байки жестоких стерв при дворе, высмеивающих дыру у меня во лбу?! Но голова эта моя, и ничья больше! А ты, прознав, что я забываю большую часть сказанного, являешься сюда, чтобы сочинять сквер-

ные небылицы, на какие только хватает твоего ума! Сколько дней ты уже этим занимаешься? Как смеешь ты навлекать столько зла на человека, и без того отягощенного горестью потерь и лишений! Ты, мелкая...

Не находя больше слов, он кидается на нее, но между ними встает лев. Тогда Олу кричит, чтобы она убиралась.

На исходе третьей четверти луны принцесса Эмини собирает двор для выслушивания всех просьб и прошений к монаршей особе. Соголон не уверена, ждут ли там и ее, пока сильный стук в дверь не говорит со всей очевидностью: идти надо. И вот она в тронном зале, среди сдержанного рокота того же собрания, разглядывает людей, которые просят об одном и том же. У принцессы вид все такой же надменно-скужающий, а Аеси со входом Соголон сразу же чутко оборачивается. Даже затерявшись в толпе, она смотрит ему в спину. «Обернись», – мысленно призывает она и вздрагивает, удивляясь, как во всем этом многолюдстве он раз за разом реагирует даже на мысленное упоминание своего имени. Аеси снова оборачивается, и Соголон приглушает свой лучик внимания. При взгляде вокруг ее охватывает чувство, что она здесь единственная в той ясности, которая приходит лишь ночью, когда кожа и небо, личность и дух сливаются в один цвет, в то время как остальные пребывают в слепоте полудня, где дневной свет гасит и смывает вокруг всё, кроме белого. На этот раз Аеси действительно оборачивается, отыскивая ее взглядом, от которого Соголон прячется за какой-то дамой с большой игией.

– Он сегодня приведет их? – слышен чей-то тревожный шепот. Две женщины перешептываются у окна. Соголон любопытно взглянуть, куда направлены их взгляды, но тут дверь распахивается, и внутрь врывается наружный свет. К Аеси примыкают трое из них. Один, черный, как из той ночи, – не он ли ползал тогда по потолку – останавливается и высовывает голову; стоящие рядом женщины пугливо отшатываются. Рядом кривляется еще один, точнее «одна», гибкая, как ящерица, – с головы до шеи красная, как закат, а от груди до ног синяя, как море; во рту мечется желтоватый раздвоенный язык. Кто-то шепчет, что сейчас будет еще и тот, который старший, и в зале действительно появляется некто – на вид не более чем мальчуган, хотя заметно старше остальных. Худой и долговязый, с волосистой порослью на лице, но всё равно мальчик, при виде которого некоторые, однако, не могут скрыть дрожи. Он хозяйски усаживается у подножия тронных ступеней, отчего принцесса гневно взирает на Аеси.

– Ну-ка подвинься, – велит канцлер мальчику.

– Это что еще за вольности? Наследный принц здесь я! – раздается упругий голос, и в зале появляется принц Ликуд.

Соголон видит его впервые. Придворные припадают на одно колено так быстро, что стоять остается только она одна; от резкого нырка она едва не теряет равновесие. Принц Ликуд избегает по ступенькам к трону и останавливается, взирая сверху на принцессу, которая сидит безмолвно, как статуя. Принц шлет толпе улыбку – момент, когда становятся видны его густые брови над щелками сощуренных глаз, а также борода и лохмы бакенбардов над тонкими безусыми губами. Крепкая шея и покатые плечи скорее плугаря, чем царедворца, черная с золотом шапочка и накидка с напуском на правое плечо; левое обнажено. Даже не очень знакомая с дворцовыми обычаями Соголон знает, что только монаршие особы могут расхаживать с правым плечом, укрытым мантией, а левое оголять. Принцесса смотрит нахмуренно, кому, как не ей, знать дворцовый этикет и связанные с ним намеки на верховенство. Между тем Соголон наблюдает за уродцами-детишками; как те гарцуют, скачут и явно упиваются тем, что люди пугливо от них теснятся. Девочка из глухого селения знает, что это такое – выпас бодливых коз. Не вполне понятно, сангомины это или нет, но ясно, что все они плоды одного дерева.

Ручные питомцы.

Даже тот, что старше, из белой глины, смотрит так, словно ждет от принца порции объедков. Красно-синяя девчонка-ящерица расчищает себе путь к трону, просто проскальзывая

через людей. Ползун всё еще карабкается поверху, как бы высматривая с потолка жертву. Соголон наклоняет голову.

Принц плюхается на трон примерно так же, как принцесса.

– Ну что, сестра, излагай новости, – говорит он с томным взмахом ладони.

Ползун смотрит на люстру и примеривается, думая на нее скакнуть. Но под тяжелым взглядом Аеси пятится, сползая по углу окна на подоконник.

– Только смотри, чтоб хорошие, – уточняет принц.

– Значит, новостей тебе? – едким голосом спрашивает принцесса.

– Эмини, надо не так. Не в твоём обычном духе, словно плевок ядом.

– Ну тогда...

– Давай нежнее. Поэтичнее.

– Значит, тебе поэтичности? Тогда изволь.

Эмини теперь стоит. Оба выглядят так, словно общаются не друг с другом, а с собранием.

– Как насчет загадки? Угадай, кто только что покинул королевский двор?

– Терпеть не могу загадок! К чему это выворачивание мозгов?

– Ответу: Чики Гоньо.

– А я имел ее спереди или сзади?

– Раз такое дело, то сзади, дорогой брат. Поскольку посол Чики – мужчина.

Соголон поднимает глаза, ожидая увидеть на лице принца насупленность, и не ошибается. Но кроме того, она перехватывает на себе взгляд того ползуна. Из сидячего положения он переходит в полустойку, готовясь взобраться по стене. Видимо, чтобы проползти верхом и оттуда свалиться напрямик на нее.

– Посол Чики? Ах да.

– Он еще дарил тебе на тезоименитство красного коня.

– Да-да, конечно.

– Посол из Увакадишу.

– Вон оно что. Хорошо.

– Как раз ничего хорошего. Увакадишу ждет, что мы скрепим договор, согласно которому не будем к ним торговаться – то есть не делать встречных ходов. В противном случае они прибегнут к помощи Юга.

– Отец всегда говорил, что Увакадишу – это Север. Ему это внушили сами боги.

– Но он же говорил и то, что любая земля южнее реки Кеджере – это Юг.

– Отец, должно быть, имел в виду южан и их жизненный уклад, сестра. Отсталые, темные люди, а их женщины берут в рот мужские отростки. Уж на что они им!

Соголон поднимает глаза, ожидая шепотков и смешков из толпы; именно это и происходит.

– Они, видите ли, желают знать, зачем мы собираем близ Кровавого Болота войска. Я сказала, что никто ничего не собирает, а учения – это у нас так принято. Так мы защищаем восточное побережье от пиратов.

– Мы в самом деле так делаем?

– Нет. Мы собираем войска.

– Ну и хитра же ты, сестра. Гляньте на эту провозвестницу войны!

– Уйдите все.

– Что? Но я не виделся со своими старыми друзьями аж... с прошлого вечера! – возмущается принц. А затем покорно вздыхает: – Ладно. Вы мне все надоели. Все вон!

Уходят все, кроме Аеси. Соголон в общем потоке идет к выходу, но в коридоре задерживается. Постепенно растворяется под сводами болтовня куртизанок, и воцаряется тишина, после чего становятся слышны голоса из глубины зала. Соголон идет на это впервые – обычно все разговоры до ее ушей доносит по своей воле ветер. На этот раз она прикрывает глаза и

сосредоточенно думает о ветре, несущем ей голоса. Вскоре ей в уши вливается прохладный сквознячок.

– Братец, хватит прикидываться. Зрители ушли.

– Когда передо мной наследная принцесса, а я гребаный принц без титула, ты можешь отдавать мне приказы. Однако ходят слухи, сестра, слухи о брожениях. О недовольстве...

– Лазутчики сообщают, что король Юга собирается вторгнуться в Калиндар морем. Увакадишу либо окажет им помощь, либо даст их воинству беспрепятственный проход, – говорит Эмини.

Судя по молчанию, это его ошеломляет. Он молчит так долго, что Соголон приоткрывает дверь и осторожно заглядывает внутрь.

– У тебя есть доказательства? – спрашивает наконец Ликуд.

– Я, кажется, сказала: у нас есть лазутчики. Барабаны на Севере и особенно на Юге вещают, что Король погружен в свои думы, – говорит она.

– Ну погружен и погружен.

– Король вот уже десять и две луны как прикован к постели. Что значит это самое «погружен», знают уже все, брат.

– Значит, надо укрепить Калиндар и покарать Увакадишу за предательство. Послать знак всей империи.

– Так нас не предавал еще никто, – вставляет Аеси.

– Что нам мешает взять и послать весть? Послать весть, чтобы Увакадишу был сокрушен и наказан.

– Но есть ли смысл сокру...

– И тем подать наглядный пример, сестра, чтоб впредь неповадно было. Мне доносят, что король Юга сходит с ума. Такое бывает, когда твоя мать тебе же и сестра.

– Дипломатичность – явно твой дар, брат.

– А вот сарказм явно не твой. Всякий раз, когда мы говорим, что Король погружен в свои думы, им слышится, что Король слаб. Затем их посол приходит ко двору и обнаруживает, что ему приходится иметь дело с женщиной на троне. Ну и, понятно, это провоцирует в нем дерзость.

– Я всего лишь занимаю место, которое надлежало бы занимать тебе. По сути, на троне ты, так что тебе и править. Так правь же, брат!

– Нет, сестра. Похоже, это время пока еще твое. На исходе, но всё еще твое.

– Король всё так же погружен. Кроме того, прежде чем отправлять мечи и копья, следует знать, что война сама собой не окупается, – едко замечает Эмини.

– Снисходительность – тоже не одно из твоих дарований. Обяжи подданных налогом. Или вот, озадачь податью Калиндар. Пускай оплачивают свою защиту.

– Нам нужно посоветоваться со старейшинами и...

– В старейшинах только и ценности что их старость. А также...

Следующая фраза принца звучит неразборчиво. Соголон подается ближе, к краю двери, и тут сзади ее за шиворот цепляет черная рука, вздергивая к самому потолку. Она вскрикивает. Шмыгливый ползун! Дитя тьмы! Под сорванные крики Соголон он сотрясается в мелком визгливом смехе и раскачивает ее как куклу, карабкаясь со свода на свод; Соголон чувствует, как выskalъзывает из своего платья. Смоляное дитя упорно лезет к трону, а перед глазами у Соголон всё плывет.

– А ну уймись! – прикрикивает на него снизу Аеси.

– Канцлер, – подает голос Ликуд. – Я не говорил, насколько для меня ценны твои подарки?

– Подарки вашему отцу, ваше высочество.

– А я его наследник и принц. Суть в том, дорогой Аеси, что едва ты вручаешь свой подарок, как он уже не твой. Унять его велю уже я, а не ты. Тем более что сейчас он, похоже, обзавелся новой игрушкой.

– Вели ему остановиться, – морщится принцесса.

Принц смеется, когда дитя тьмы отпускает Соголон из-под потолка, а затем снова подхватывает. Пол несется ей навстречу, а затем дергается и замирает под ее безудержный вопль.

– Ликуд! – настойчиво повторяет принцесса.

Принц кивает, и дитя тьмы, снизившись с потолка, отпускает Соголон на небольшой высоте. Девочка шлепается наземь, слыша над собой голос принца:

– Кто это? Лазутчица с юга? Казнить!

– Стой. Она подарок.

– Ну-ка встань, девочка. Она, подарок? Больше похожа на обрывки от него. Всё равно лучше казнить.

– Говорю тебе, брат: это подарок.

– Кому? Мне?

– Кухне. У нее необычные поварские навыки, в особенности по малакалским блюдам.

– Тогда почему она не в моем дворце? Я вижу, ты хотела сначала притаить ее у себя? Ну сестра, ну лиса! Вот всё у нее так. Аеси, ну разве не плутовка?

– Вам виднее, повелитель.

– Да язви вас боги, какие же вы оба нудные!

Откуда-то снаружи врывается ветер, такой неистовый, что вздувается и ходит ходуном тронный балдахин.

– Откуда эта буря? – недоумевает принц Ликуд.

Аеси тоже выглядит заинтригованно. Вбегают двое слуг и с немалым трудом закрывают окна. Не сводя глаз с Соголон, принц между тем спрашивает у Аеси:

– Канцлер, я вроде затевал сегодня смотр караула?

– Да, ваше высочество. Это ваша почетная обязанность.

– Брать обязанности – любимое занятие моей сестры. Пускай она его проведет.

Он собирается уходить, но останавливается возле Соголон, которая стоит потупив голову.

– Надо же, какая худышка, – бросает он. – Разве можно доверять повару, в котором самом мяса как у птички?

Рыжая «ящерица» уходит последней, постреливая своим раздвоенным языком. Соголон всё так и стоит, не зная, что ей делать: сидеть ли, лежать, становиться на колени? Хорошо бы уменьшиться или вовсе стать невидимой.

– Никогда не видела человека, который бы так рвался к трону, но не хотел при этом править, – грустно замечает принцесса Эмини.

– Сангомины совсем вскружили ему голову, ваше высочество, – тонко улыбается Аеси.

– Ты тот, кто привел их сюда, и не можешь их обуздать. А ведь речь идет о спасении Короля.

– О *защите* Короля, ваше высочество. Про спасение я не говорил.

– Значит, ты думаешь, что его уже не спасти?

– Это не мой ответ.

– Вопросы я не задавала. Зачем ты здесь, Аеси? Какой от тебя прок? Рассказывать мне то, что я и без того знаю? Советовать по вещам, которые требуют всего лишь здравого смысла? Давать мудрость, для которой у нас уже есть старейшины? Усилиями тебя и моего отца все старейшины уже сосланы, но твои советы ничем не мудрее. Всех целителей уже отослали, а моему отцу не лучше.

– Зато ваш отец огражден от...

– От ведьм? Ну да, огражден. Хотя каждый день сквозь это ограждение пробираются всё новые, одна другой краше. Отец мой угадает, а у моего брата девять новых плотоядных уродцев. Ты сам не можешь держать их в узде, а он не желает.

– Моя госпожа... Увакадишу.

– Ты свободен, Аеси.

Какое-то время он стоит, а затем идет к выходу. При этом ветер внезапно идет на убыль, и его свист за окнами прекращается. Соголон замечает, что от Аеси не укрылось и это. Принцесса возвращается к себе на трон.

– Встань, девочка, – говорит она. – Поди сюда.

Соголон стоит прямо перед ступенями трона, не поднимая глаз. Принцесса спускается и влепляет ей звонкую пощечину – такую, что Соголон пошатывается, но не вскрикивает. В глазах загораются слезы; чтобы их скрыть, она прикусывает губы, но тщетно – они всё равно стекают.

– Ревешь? Попробуй еще за мной пошпионить – велю тебя сжечь. Ишь ты, слезы пускает! Радуйся еще, что ты не приглянулась принцу. Хочешь увидеть, где держат тех, кто пришелся ему по вкусу?

Соголон ждет еще четверть луны, прежде чем снова отправиться к Олу ранним утром, и снова с ней для защиты идет лев. Ее имени Олу не помнит, но помнит, что она чем-то себя проявила. Тогда она напоминает ему его слова, что однажды он забудет, отчего забыл. Глядя на нее, он припоминает: между ними произошло что-то тяжелое; какое-то время он был этим даже угнетен, но потом оно забылось, и теперь уже не помнится. Соголон смотрит на него и говорит:

– Я прогоняю твоих шлюх, отсюда и ощущение.

Он кивает, соглашаясь. Соголон просит его обучить ее грамоте. Он не знает, откуда у него к ней доверие, ведь он при дворе не верит никому. Она указывает на заметки по стенам, ступням, на кровати и на полу и ничего не говорит, когда он пропускает те, что написаны красным.

Голова у Соголон пухнет, слишком много всего для обыкновенной девочки. Постигать от воителя Олу грамоту, но еще и постигать самого воителя; дитя тьмы, которое с той поры к ней не навещается, но преследует в мыслях, отчего она боится поднять глаза. Затем есть еще Аеси королевского двора и Аеси на стене воителя Олу, и тот и другой страшноватые. А еще Сестра Короля, которая когда-то была, но как бы и не была, хотя ее имя запечатлено на стене Олу. Может, всё это от учения, из-за которого у нее в уме оседают не только слова, но и привязанные к ним смысл и вес. Тем не менее от учебы она не отступает, даже когда ветер доносит в ее сторону слухи о том, что воитель-де снова точит свой боевой штырь о какую-то пигалицу, которой по виду не влезает даже фитюлька блохи, не говоря уж о могучем жезле Месаря Борну – и еще, и еще всякое. Ну и, разумеется, принцесса, которая держит ее при себе, потому что заинтригована девочкой, от которой нет никакой пользы.

– Может, в тебе есть прок съедать всё, что приносится мне? – смеется она.

А она наблюдает за принцессой в ее веселье и меланхолии и обнаруживает, что они обе, в общем-то, из одного теста. Нередко принцесса шутит, что Соголон бесполезна как рабыня, но в ней немало пользы как в королеве; «смотрите, мы обе не в том дворце». Она тянется к Соголон – по крайней мере, так это выглядит, – пока до девочки не доходит, что она здесь тоже ручная зверушка. Принцесса говорит глубокие вещи, потому что думает, что они порхают мимо нее как над ушами собачки.

Слишком много всего кружится в голове у Соголон, слишком много. За всем этим она отстраняется от Сестры Короля, жены Олу. Никто ее не помнит, кроме них двоих, а по сути – ее одной, потому что Олу не ведает, что ночами выкликает ее имя, а Соголон ее никогда даже и не видела, не знает, как она выглядит или как звучит ее голос. Отстраняется она и от Кеме. Теперь они видятся только урывками, от случая к случаю. При их последней недолгой встрече

он взхлеб рассказывал о том, как ему не терпится попасть в элитную дворцовую стражу – настоящую, а не церемониальную, вроде львов-оборотней. Всё, о чем он без умолку трещал, стало ее раздражать, а он всё распинаясь то о тронном зале, то о том, как здесь все надежно защищено, то о том, как здесь обустроена охрана и защита; в общем, через некоторое время всё, что она стала видеть в его лице – это говорящие с ней доспехи.

– Может, пускай хоть обмахивает вас веером, ваше высочество? – предлагает единожды старшая женщина, заведующая служанками принцессы.

– Это если б она была рабыней, – отмахивается от предложения принцесса. – А я уподоблять ее рабыне не собираюсь.

– Понятно. Но ведь, ваше высочество, она подарок Королю? Значит, ей давно следовало бы отправиться во дворец Кваша Кагара.

– Ты как будто вчера родилась. Или ты не знаешь, что любой подарок Королю тут же присваивается наследным принцем? Такая вот высочайшая прихоть. Тем более что Король всё еще...

– Занят думами?

– Да, ими.

– Ваше высочество, вы этой девице ничем не обязаны. Вы особа королевской крови на троне Фасиси, а она никто.

– Даже *никто* не заслуживает такого принца.

Жаркая ночь с влажным, липким воздухом. Соголон отправляют в замок, где обитает принц Ликуд до тех пор, пока не будет достроен его собственный. В заднюю гостевую ее сопровождают двое слуг-мужчин, шагая совсем налегке, поскольку при девочке нет почти ничего, кроме того, что ей когда-то оставляла хозяйка. Из освещения здесь единственно два факела, настолько скудные, что в сумраке комнаты различаются лишь высокие стены и колонны, где-то наверху образующие свод. Слуги входят на цыпочках, пугливо вздрагивая от любого шороха – непонятно, по глупой взбалмошности или от испуга. Заслышав где-то в отдалении не то стон, не то крик, оба вскидываются, бросают узелок с пожитками и дают дёру. Соголон растерянно озирается, но смотреть здесь особо не на что.

И тут из недр темноты, обманчивой из-за расстояния, вылущиваются какие-то мерцающие огоньки и кружат, словно кто-то там гоняет светящихся пчел. По мере приближения становится различимо порхание крылышек – неужто и вправду пчелы или светляки? Вскоре они уже кружатся сверху. Ай да диво! Соголон о таких прежде слышала, но никогда не видела. Юмбо – размером где-то с ее голову, числом десять и еще два, а может и больше; может, все двадцать или сколько их там. Феи с синева-зелеными крыльями, как у стрекоз, которыми они бьют столь быстро, что в темноте стоит негромкое жужжание. Некоторые замедляются и зависают над ней и вокруг, в таком же любопытстве к ней, как и она к ним, – в мужских, женских, а подчас и вовсе невнятных обликах, а еще у них не то кувшины, не то колбочки с сонмами светлячков. «*Они все умрут к утру*», – доносится до нее едва слышный шепот. Создания взлетают к потолку, таинственно озаряя стены и своды, и на прерывистые мгновения там наверху становятся видны люди – множество фигур и лиц, в которых Соголон узнает фрески королей, зверей и благородных воинов в сценах обрядов и пиров, охот и сражений.

Издали близится шум, но на этот раз иного рода: бойкая крикотня, развязные возгласы и смех юных голосов. С ними движется и огонек – на этот раз голый мальчик, состоящий из одного собственного света. Он держится впереди остальных, но его замедляет натянутая на шее цепь. Цепь держит сангомин из белой глины, у которого, похоже, нет дара иного, кроме как показывать, что он здесь самый старший или самый крупный.

– Ну-ка я придержу питомца, – говорит он и дергает поводок так резко, что светящийся мальчик откидывается назад.

– Осторожней, принц Абеке: любое солнце не только светит, но и жжется, – говорит сангомин, не обращая на упавшего внимания. За этими тремя движется целая ватага; здесь и та красно-синяя, и мальчишки постарше, мальчики помладше, две-три девочки и две женщины-наставницы, которые предпочитают помалкивать. Вся эта ватага скачет, кривляется, пихается, задирает женщин и вообще ведет себя дерзко.

Первой Соголон замечает одна из девчонок.

– Мой принц! – восклицает она, и к ней разом оборачиваются двое. Близнецы, стало быть.

Принц Абеке – тот, что со светлым мальчиком, – подступает ближе. На свету он становится более лобастым и жестким, с упрямыми скулами и подбородком. Соголон опасливо поглядывает вверх: как бы оттуда за ней не протянулась знакомая смоляная рука. Первого юнца нагоняет второй, и оба оглядывают ее как какую-нибудь диковинную животину.

– Ты откуда? – спрашивает тот, второй.

– Наверное, это колдовство ведьмы, Адуке, – говорит одна из девочек. – Или самого дьявола.

– Дьявол не приходит ночами, а только днем, долбаная дура, – бросает в ответ Адуке.

У девочки при слове «долбаная» отвисает челюсть.

– Кто допустил, чтобы ты пошла с нами? – спрашивает его брат. – И кто тебе сказал, что ты смеешь называть моего брата по имени? Я такой же принц как и он. А ты кто?

Девочка униженно опускает голову и робкой овечкой пробирается за спины ватаги.

– А может, она и вправду дьяволица, – прикидывает Абеке, поигрывая поводком. – Ты кто такая? Перед тобою принц.

– Принц – это твой отец, – поправляет Адуке.

– Сын принца тоже принц, долбанный болван!

– Это *ты* долбанный болван, болван ты долбанный!

Один близнец напрыгивает на другого, и оба падают. Тот, что сверху, пыжится ударить другого кулаком. Другой хватает его за руку и пыжится сбросить. Девочка рядом вопит, чтобы они перестали, и они перестают.

– Когда я стану королем, я первым прикажу тебя прикончить, – отдуваясь, бурчит один из них, непонятно который.

– Мы родились в одно и то же время, – отвечает другой.

– Ха! Я вылез как раз перед тобой.

– Она так и не говорит, кто она, – шелестит тот глинисто-белый. Соголон впервые слышит его голос, звучащий как шепот с приглушенным стоном.

– Я из дома принцессы, – говорит она.

– Но сама ты не принцесса.

– Меня звать Соголон.

– Ее звать Соголон, – хихикая, передразнивает одна из девчонок.

– Соголон, – повторяет Абеке, поигрывая поводком как в размышлении. – Соголон, ты идешь с нами?

– А вы куда?

Почти все глумливо смеются.

– Дурачина, это вопрос к нам, а не к тебе. Ты же выполняешь только то, что тебе говорим мы, – говорит другой близнец. – Мы *ибеджи*²⁵, божественные близнецы, которые появляются по одному каждые десять и еще два поколения – не так ли сказывал мой отец, няня?

– Да, ваши высочества, – спешно соглашается наставница, которая сейчас прячется сзади.

²⁵ Ориша Ибеджи – близнецы народа йоруба. (Огí буквально означает «голова, вместилище души», и имеет отношение к духовной интуиции и судьбе.)

– Ну-ка, скажи мне правду, – капризно требует он, оборачиваясь. – Отец у меня обожает послушать себя самого.

Вращаясь при дворе, Соголон доподлинно знает: всё, что может сорваться с уст этой несчастной, способно запросто пристроить ее голову на плаху.

– Его высочество говорит именно то, что нужно сказать, ни словом меньше и ни словом больше, – пугливо заверяет она.

– Зануда! Как нам с тобой скучно. Кто-нибудь напомните мне, чтобы ее поутру высекли.

Некоторые из детей, а все они дети, начинают твердить: «Напомним, высечь». Принцы спесиво взирают. Ростом чуть выше Соголон, а возрастом примерно полтора десятка лет. Уже скоро им предстоит стать мужчинами, но то, с каким злобным упоением они скулят слово «высечь», придает им вид мелких гаденышей.

– Скучно... Ну а ты не зануда, Согола?

– Ее вроде звать Соголон.

– Тебя не спрашивают. Ну так что, Соголи? Зануда ты или нет?

– Нет.

– Откуда тебе известно? Взлась из ниоткуда, с собой ничего нет. С тобой разговаривать и то уже скучно.

– Вот ее пожитки, – указывает на ее узелок белый глиняный.

– Как у того речного народца, – склбится Абеке. – Такая же нищенка.

Второй принц со смехом хватается узелок.

– Она, видно, и вправду из дальнего буша, – говорит белый глиняный.

– Ты умеешь драться? – спрашивает Абеке.

– Я умею побеждать, – отвечает Соголон, возможно, зря.

– Вот как? Может, ты не такая уж и зануда, – оживляется он и бросает поводок. – Ну-ка, братец, давай с ней позабавимся. Дубинки сюда!

Девчонки подают принцу Абеке две палки, одна из которых почти в половину его роста. Адуке кипит, но держится тихо. Соголон не понимает сути происходящего, даже тогда, когда вся ватага начинает их обступать.

– Драка? – брезгливо кривится Адуке. – Да это скучно.

Абеке возбужденно смеется.

– Не-ет, брат! Вот как буду ее убивать, тогда посмотришь!

Соголон так и подбрасывает.

– Да ты не бойся, дурочка. Я тебя всего лишь малость поломаю да как следует побью. А ты смотри, брат, как я обойдусь с ней, и представляй себя на ее месте. По времени это много не займет.

– А ей ты разве не предложишь оружия? – спрашивает кто-то из девочек, но ее слова натываются на молчание. Девочка пытается проглотить свой страх, но он чересчур велик, и она им захлебывается.

Белый глиняный, подступив бочком, шелестит Соголон над ухом:

– Помни: он член королевской семьи, и касаться его могут только боги.

Соголон всё еще не может понять, что происходит, когда ватага вокруг начинает подбадривать и наускивать, а Абеке, хищно ослабившись, надвигается на нее.

Три дня спустя принцесса Эмини всё еще смеется, глядя на нее и говоря:

– Увы, малышка нашла себе применение.

Двумя днями ранее принцесса явилась сама, чтобы выволить ее из того, что у Аеси именуется «предварительным заточением». Наследному принцу Ликуду она сказала, что девочке место на кухне, а не в его узилище, и что сам он прекрасно знает: в случившемся виноваты его шалопаи, так что пусть он растит из них или бойцов покрепче, или сыновей поприлежнее.

– Что до прикосновения к принцу, так ведь ты же, брат мой, своими глазами видел, что не он ударил палкой, а палка ударила его. Девочка и пальцем не тронула твоего драгоценного отпрыска, который когда-нибудь да сядет на трон Божественного правителя.

Ничто из этого не придает Соголон ни счастья, ни защищенности. Две ночи в темнице, после чего ей до сих пор мерещатся женские стенания, вопли и безумный смех. Через две ночи после того, как Аеси сказал, что ее не казнят, но выпорют («и это, девочка, считай что великая милость»).

Но о том, как всё было, она предпочитает не разговаривать даже после вердикта, поэтому один из стражей принцессы вылавливает сетью одного из юмбо и притаскивает его ко двору. Малыш не больше ребячьей руки, но даже сквозь стрекот крылышек можно разобрать его щебет:

«Он налетает как бык, наш принц Абеке, бежит и близится, близится и бежит, но ни один бог или демон никогда не видели, чтобы девочка была такой верткой. Она от него увертывается, а он врезается, как носорог, прямо в стену. Ах в какую он приходит ярость! Ну просто как бодливый бычок. Он бросается на нее и размахивает одной дубинкой здесь, а другой там, и машет, машет, машет, а она шмыг, шмыг, шмыг! Он замахивается так сильно, что чуть не ударяется сам. А девочка, та лишь уклоняется от ударов, но сама их не наносит. А принц от этого беленится еще сильнее, как та женищина, что пытается ночью пришибить комара. Девочка пригибается, вьется жгутом, уворачивается и прыгает, как будто сам ветер возносит ее вверх. И тут входит принц Ликуд! Да не один, а еще и со свитой придворных, в том числе и тех, кто к юмбо злы, да. Они все входят, а наследный принц велит бойцам не останавливаться, ибо ни один принц, ни один наследник трона не бежит от драки. Он даже говорит, что весь двор будет делать ставки, ну а он, конечно, на своего сына. Да, воистину так и говорит. Я это слышу своими ушами, и все мы это слышим; слышим, что раз делаются ставки, то, значит, поединчики должны биться насмерть. Слышно, как он говорит: «Сын, ты должен убить ее, но и она тоже может убить тебя». – «Отец», – обращается к нему и сын, но этого никто не слышит. А одна женищина говорит: «Превосходнейший, это не бой, это казнь, ибо ни одна душа не смеет коснуться особы королевской крови», на что Превосходнейший возглашает: «Разве я не наследный принц? Я это отменяю!» А Абеке так вот смотрит на своего отца, потому что он-то считал, что она прикасаться к нему не может, а он к ней может. «Отец, – вопрошает он, – как же так?» – «Я вижу, у нее нет оружия!» – говорит наследный принц и, да будет сила богов, бросает ей свой скипетр. Мы все видим, как он бросает ей символ своей державной власти! Когда она берет его в руку, все вокруг ахают. «Дерись!» – кричит принц Ликуд, и сам внимательно следит за поединком. Так как у его сына нет никаких навыков, а только ярость и сила, то он лишь лупит впустую как безголовый петух, да всё мимо. А эта девочка, клянусь богами, та девочка парит, как птица, скачет, как лань, жалит, как оса, вертится, как ящерица и жжжет, жжжет ударами, прыгает куда надо и бьет, скачет куда надо и хлещет, перекачивается по полу под дубинками, которые только «бам-бам-бам» – лупят почему зря – и вкручивает посох между его ног, а он падает на спину. Она отходит от него, а он вскакивает и мчится, опять бык быком. Тут девочка пригибается, а он об оголовье скипетра вышибает себе зуб. При резком уклоне девочка чуть не падает, но удерживается. Принц Ликуд поднимает своего сына на смех, а потом удивляется, где эта девочка научилась драться на палках и кто из мужчин дерзнул ее этому научить; прямо так и спрашивает. А затем велит отправить ее в темницу за то, что она посмела прикоснуться к юному принцу. Вот так всё и было, и я лично тому свидетель».

– Я, если честно, сначала заплакала, когда меня схватили, и ревела, когда меня бросили в какое-то место с железными дверями. Но это была не темница, а просто каменная комната. Я даже могла видеть из окна звезды. А потом он приходил со мной повидаться. Аеси, – произносит Соголон, низко опустив голову – ведь, может, она сболтнула лишнего.

– Ах вот как? – заинтригованно смотрит принцесса, напоминая сейчас одну из женщин, что пыталась удержать шелк госпожи Комвоно, когда тот норовил упорхнуть из рук на волю.

«Это как же: если я сошью из него платье, то он вот так же может с меня слететь?»

Принцесса Эмини поворачивается к Соголон, которая сейчас стоит рядом.

– Моя новая телохранительница, – называет она ее, когда девочка выходит наружу. Понятно, что название это в шутку, но всё равно, заслышав его, Соголон невольно улыбается.

– Что делал Аеси, когда пришел к тебе?

– Смотрел, – отвечает Соголон, чувствуя щипок от стоящей вблизи старшей женщины. – Просто смотрел, ваше высочество.

– И это всё? Не было ли чего-нибудь еще? Может, он что-то такое тебе говорил?

– Нет, ваше высочество, просто смотрел.

Принцесса вдумчиво ее оглядывает.

– Ты не похожа на таких, чтобы он клал глаз...

– Да какой у него глаз, ваше высочество? – старшая женщина хмыкает. – У него в этом разрезе и глаз-то нету.

Аудиенция с принцессой происходит только сейчас, потому что до этого у Соголон раскалывалась голова. Неимоверная боль в передней ее части, возникшая, как только ее оставили одну в узилище. Ломота была такая сильная, что она в темноте билась головой о стену. А по освобождении принцесса Эмини велит ей сразу лечь в постель.

– Теперь жди, он не задержится, – внезапно сообщает она.

– Кто, ваше высочество?

– Ликуд. Нынче гляди в оба. Эти близнецы скоро напомнят ему, что он обещал тебя убить, а твою голову и сердце бросить собакам – я имею в виду его отпрысков, этих двоих недорослей. Говорят, что мать их не рожала, а просто высрала двумя кусками говна.

– У вас это от кого-то из ближних людей, ваше высочество? – спрашивает старшая женщина.

– Ветер принес. А еще я слышала, ветер обещает казнить тех, кто вынесет мною сказанное из этой комнаты.

– Да постигнет смерть всех, кто разгласит ваши секреты, принцесса! – истово говорит старшая. Соголон ее имени не знает.

– Убийства оставь за Ликудом, – тонко усмехается принцесса.

За спиной принцессы Эмини принц Ликуд переговаривается с несколькими старейшинами, как сокрушить Увакадишу. Всё как есть разговоры, а разговоры – ветер, но наследный принц играет в короля ради тщеславия, любовных утех, смеха ради или даже просто из удовольствия завернуться в королевскую мантию. Всё это досаждало принцессе, которая и без того проводит презрительно дни за внушениями старейшинам, что корона еще не потеряла свою голову.

Вот девочка, которая снова пробралась в жилье воителя Олу, имея ряд вопросов, на которые у нее нет ответа, но, возможно, их смогут дать его стены, или простыни, или занавеси. Дома она его не застаёт, но его не настораживает, когда он по возвращении застаёт у себя гостью.

– Я не могу вспомнить твое имя, но, похоже, ты знаешь мой дом, – говорит он на пороге.

– Ты обучаешь меня чтению.

– И ты уже научилась?

– Больше луны назад.

– Значит, я учитель?

– Нет.

– Священник?

– Ты воитель.

– Так мне говорят люди.

– Я здесь ищу кое-какие слова.

Ибо у него есть слова на всё, если только знать, где искать. Каждый раз, переступая порог его дома, она проникает в то, чем раньше был его разум. Это человек, который всё видит и подмечает. Олу знает, что все записи делает именно он, но иногда забывает почему. Когда Соголон говорит ему это, он улыбается, что вызывает в ней удивление.

– Ты начинаешь забывать, что ты забываешь, – говорит она, пугаясь мысли, что это произойдет уже скоро. – Почему между принцессой и принцем такой разлад? – спрашивает она.

– Обычные отношения брата с сестрой. У тебя братья есть?

– Нет.

– Твоя мать, должно быть, клянет свое невезение.

– Невезение – это с мальчиками, – поправляет она.

Он рассказывает о том, как принцессе приходится выполнять обязанности короля, а венценосная слава за нее достается брату, и, должно быть, поэтому она его ненавидит.

– Почему всё это возложено на принцессу? – спрашивает она, но воитель не отвечает.

Дом Олу – улучшенная вариация Олу-царедворца. В своих письменах он не прячется за дипломатией, все усвоенные от него слова четки и понятны для прочтения, и нет никакой иносказательности в описаниях принца или принцессы. Соголон вспоминает про запись под его ковриком, насчет печальной участи женщин-травниц. Найдя ее, она сличает слово на стене со словом на полу, затем со словом на подоконнике, и так слагаются кирпичики мыслей. Некоторые из них настолько отчетливы, что приходят в виде голоса Олу.

«Кое-кто уже бросает десять и еще шесть священных пальмовых орехов в чашу Иффы, дабы предугадать волю богов на будущее. Время грядет, слишком долго и в то же время слишком рано. Принцесса, когда станет Сестрой Короля, всё восстановит».

– Восстановит что? – спрашивает Соголон.

– А?

– Принцесса, когда станет Сестрой Короля, восстановит что?

– О чем ты, девочка?

– Ты тот, кто это написал. Вот и глянь на свои пометки: может, они зажгут в твоей памяти искру?

– Я слишком стар, чтобы меня использовать как огниво.

– Но ты воитель или нет?

От этих слов в нем что-то меняется. Он становится как будто выше ростом, но и не только.

– А, ты про это? На это и память не нужна. Просто таков уклад королей, тебе про это споет любой гриот. – Олу делает паузу, словно в ожидании вопроса, но Соголон лишь напряженно смотрит. – Принцу Ликуду королем не бывать, – говорит он.

– Что ты сказал?

– Он ведь сын Короля.

– Ну так тем более. Или что?

– Ты, видать, забыла, кто нами правит? Или тебе ничего не известно о своем Короле и правителе? Наш Кваш Кагар рос без сестры.

Ах вон оно что! Король Фасиси – это совсем не то, что вождь Конгора. Со смертью вождя Конгора новым вождем становится его старший сын, независимо от того, где он находится в чередѣ детей; главное, чтобы вождь признал его мать. Король же Фасиси – это ни в коем случае не сын короля; он всегда первенец *сестры* короля. Так заведено от века, и эта заповедь свято соблюдается. За исключением случаев, когда в королевской семье не рождается ни одной такой сестры. Тогда на трон садится старший сын. Старейшины и жрецы возносят молитвы, чтобы он был благим и справедливым, хотя быть истинным правителем ему не суждено. Ибо даже при

таким раскладе восстановление линии может произойти, как только у Сестры Короля родится наследник мужского пола.

– Без сестры? – переспрашивает Соголон почти шепотом, но так и не договаривает.

Свадебное ожерелье на стене Олу, идентичное тому, что на его шее. Это беспрестанное «Йелеза, Йелеза» во сне. Может, все в мире правы, а ошибается лишь она одна? Попытка прогнать эту мысль ни к чему не приводит. Страхнуть ее не получается – при нем, стоящем здесь с потерянным взглядом, похожим на слепую реку, в смутном чувстве, что он что-то потерял, но не может вспомнить, чего именно лишился. «*Лишился*»? Да нет же, его *лишили*. Забрали, отняли! Это ощущение, нарастая, становится нестерпимым, начинает беречь ум. «*Лишили, забрали, отняли*». Имя Йелезы Соголон находит на стене. В доме оно повсюду, только нет ее самой, что заставляет задуматься, не забыл ли ее Олу еще до того, как потерял.

А Король по-прежнему погружен в свои думы. Тем временем в узилище отправлена еще одна женщина, долгое время отвечавшая за его уход, но четыре луны назад уволенная Аеси по причине того, что один из сангоминов, проходя мимо ее дома, чуть не задохнулся, по его словам, от испарений колдовства. «Как боги видят и слышат всё сущее, так и я свидетельствую о том смрадном чаде, какой бывает, когда ведьмы жарят человеческую плоть», – заявляет он. И пока сестра-принцесса по мере сил правит делами королевства, принц вершит дела, связанные с вынесением приговоров. Потому он спрашивает у Аеси, который утверждает, что если запах паленой плоти исходил со двора женщины, то она не иначе как жарила для колдовства расчлененного младенца:

– Откуда этот мальчонка-сангомин, к тому же горбатый, знает, что она занималась некро-мантией?

Аеси отвечает:

– Когда люди жарят мясо, они сдабривают его специями, и запах от него вполне приятный. Когда же они просто жгут плоть на жертвенниках, им всё равно, горят ли при этом ногти, или дерьмо в кишках, или волосы. А ничто не пахнет так гнусно, как паленые волосы ребенка.

Женщина кричит, что она палила козлячью шкуру, а козлятина вначале всегда пахнет дурно.

Аеси заявляет, что эта женщина одна из тех, что насылали порчу на Короля. Принц договаривает ее к казни детоубийц, только дольше и мучительней, и в течение трех ночей весь Фасиси пронизывается безумными воплями и запахом горячей человеческой плоти. Запах доходит до каждой женщины, что ухаживает за Королем; даже тех, кто самолично его купает или стирает его постельное белье. Все они разбегаются кто куда, чуя близкую опасность.

Большинству из них далеко уйти не удастся. Однажды около полудня Соголон, зайдя в поварскую, застаёт там плачущую старшую женщину. В чем причина ее слез, та не говорит, не опускаться ж ей, пусть даже в беде, до уровня принцессиной шлюшки, но повариха тайком разглашает, что почти все ее подруги теперь либо в темнице, либо казнены за то, что насылали на монарха порчу; и только то, что женщина никогда не служила в доме Короля, спасло ее от прихода дознавателей.

– Не потому, что она не ведьма? – спрашивает ее напарница, чистящая батат.

– Разница между тем, кто ведьма, а кто нет – всего-то рот одного человека, – отвечает повариха.

Теперь принцесса начинает брать Соголон с собой при всяком своем выходе; возникает мысль, что на Соголон и вправду смотрят как на какую-нибудь телохранительницу. А еще принцесса начинает спрашивать, куда ходит Соголон и куда пропадает по утрам, а иногда и по вечерам; девочка отвечает, что посещает библиотеку. А когда принцесса спрашивает зачем, ведь она не умеет читать, Соголон говорит, что ей нравится там запах бумаги: от нее пахнет разумом. Принцесса замечает, что та бумага больше пахнет ветхостью. Вообще, принцесса за ней не следит, значит, ей докладывает либо стража, либо кто-нибудь из соглядатаев замка.

– Ветер меняется, ты этого не чувствуешь? – не поворачивая головы, спрашивает однажды Эмини, ступая по залам дворца. Соголон, чувствующая дуновение любого ветерка, не знает, что она имеет в виду.

И вот однажды к ней в комнату входит старшая женщина – без стука, среди ночи. После жаркого дня вокруг царит благостная прохлада. Старшая бросает на кровать кинжал и говорит:

– Бери и следуй за мной.

– Откуда вы знали, что я не сплю? – интересуется Соголон, но та не отвечает. Остается молча шагать за ней от замка по длинной внешней дорожке, в обход огней, мутно мерцающих в замке принца Ликуда, и вниз к развалинам замка Кваша Абили. В темноте они напоминают гигантскую треснутую челюсть. В основании там обнаруживается дверь, куда заходит старшая и нетерпеливо ждет свою юную спутницу. Внутри они движутся по коридору, длинному, холодному и такому темному, что впереди не видно даже собственных рук. На перекрестье коридоров, возле двух жарко трепещущих факелов, женщина останавливается.

– Бери факел и ступай дальше, к наружной двери. Как подойдешь, дожись в нее четырех ударов; откроешь ипустишь того, кто пришел. Возвращаетесь с ним сюда, на перекрестье. Пошла! – распоряжается она.

Вопросы Соголон оставляет на потом: сердце бьется от ощущения сладостно-жутковатой сопричастности. Снаружи в дверь размеренно стучат, четырежды. Соголон открывает.

Там стоит и озирается гвардеец в доспехах, как будто не уверенный, что попал куда надо. Свет факелов высвечивает только лоб и скулы; доспехи на нем почему-то зеленые, а не красные, как у дворцовой гвардии, но спрашивать Соголон не решается. Держась впереди, она возвращается туда, откуда пришла, прислушиваясь к скрипучему шороху шагов за спиной. Ее тянет обернуться и взглянуть на гвардейца еще раз, но она этого не делает. У перекрестка ждет старшая. Она забирает у Соголон факел и подает еще один, с двумя рожками.

– Оставишь это за зеленой дверью и ждешь, – говорит она. – Затем возвращаешься с ней сюда же, а дальше туда, куда сейчас иду я.

С этими словами она берет вправо и вместе с гвардейцем удаляется в глубь коридора.

Перед зеленой дверью Соголон приостанавливается: из-за нее доносятся звуки, которые, бывает, издают во сне мужчины – и не только во сне, но и наяву, в чем она убеждается входя. Всё место в комнате занимает кровать с рассыпанной горой валиков и подушек, такой большущей, что лежащие в ней почти теряются. У края кровати стоит принц-консорт, прямо между раздвинутых ног принцессы. Он-то и издает это прерывистое, с постаныванием бормотание.

Раздвинутые ноги принцессы – красивые, сильные – неподвижны и обнажены, как у рабыни. Зато уж принц пышет: напористо выгибается и толкает, потные ягодички в свете факелов и светильников росно поблескивают. Принцесса тоже издает звуки, но приглушенно, словно пытаясь удержать свой голос вне чьей-то досягаемости. У мисс Азоры женщины обычно стонали и причитали: *«О! Он разрывает меня надвое! О, пощади мою маленькую ку, не рви ее, мой могучий властелин!»* В комнату ее возвращает растущая частота взаимного натруженного дыхания. При шаге в сторону Соголон невзначай пинает серебряный тазик, который звякает так, что она подскакивает, но на нее даже не оборачиваются. Консорт продолжает похрюкивать толчок за толчком, а принцесса в тусклом свете стискивает пальцами подушки. Вот принц, исступленно дернувшись, переходит на скулеж, затем сладострастно ахает и пытается отстраниться, но принцесса крепко обхватывает его ногами, и он чуть не стаскивает ее с кровати. Принцесса хохочет, а принц стягивает с себя ночную рубашку, швыряет ее прочь и забирается на ложе. Там он зарывается головой в подушки и замирает. Наступает пауза: принц навзничь у изголовья, с торчащими из подушек ногами, а принцесса ближе к краю, тоже с ногами, но уже расслабленными. Так они остаются довольно надолго, на несколько перевертышей песочных часов. Принцесса всё лежит, расставив согнутые в коленях ноги. Принц-консорт выходит из своего оцепенения и усаживается, ошалело смотрит на Соголон и снова укладывается.

Как только он начинает похрапывать, принцесса встает, запахивается в халат, который всё это время был на ней, и выходит через зеленую дверь. Она шагает так стремительно, что Соголон приходится следом чуть ли не бежать. Но на перекрестье Эмини останавливается и ждет, когда ее юная спутница пойдет впереди. По дороге Соголон высматривает какую-нибудь крысу, которые наверняка здесь шмыгают по подземельям; так они подходят к еще одной двери, тоже зеленой. Принцесса не ждет. Внутри комнаты гвардеец как раз снимает с себя нагрудник. При виде принцессы он начинает спешить.

– Даже ночь не терпит торопливости, офицер, – говорит она.

В потаенном углу стоит старшая женщина, движением головы пресекая попытку Соголон выйти. Гвардеец отрешается от доспехов и исподнего. Принцесса уже готова, а он все стоит у кровати, не смея пошевелиться. Он пребывает в нерешительности. По нему видно: для него она не женщина, а королевская особа. Ну а Эмини затягивает его на ложе и укладывает на спину, после чего воссаживается на его могучий как у мула сук и начинает скачку. Делает она это деловито и обстоятельно, сама отмеряя темп своей езды, а также местечки, коих дозволено касаться, глубину проникновения и звуки, которые при этом следует издавать. На память приходят слова Олу о том, что скоро можно будет ждать восстановления родословной.

С той поры проходит изрядно времени. Сейчас Соголон ловит себя на том, что сидит и смотрит на себя. Это происходит, когда у окна принцессиной спальни она вспоминает о своем первом знакомстве со стеклом. Сказать по правде, она даже не подозревала о нем до того, как однажды попыталась просунуть руку в окно под струйку дождя, и чуть не вывихнула себе палец. Вещество, похожее на янтарь, который ловит мошек и мух, но такого же цвета, что и воздух. Помнится, как она по нему постукивала, терлась ладонью о державшую его железную раму и даже пробовала лизать языком. Днем она через него наблюдает, как служанки облачают принцессу к выходу. Ближе к ночи, когда лампы дают больше света внутри, нежели снаружи, она смотрит на стекло и видит в нем себя. Соголон слегка отступает, обнаружив там образ не девочки, а скорее мальчика. Туника на талии подпоясана ремешком, на котором стилет в ножнах; волосы топорщатся кверху и в стороны, но никогда книзу. Иногда ей думается спросить, воспитывает ли из нее принцесса мальчика, но знает, что услышит в ответ: она ее не воспитывает. Сейчас в соседней комнате служанки заняты ее омовением. *«Ты ей кто, игрушка-зверушка»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.